

Мирза-Адигезаль-бег

КАРАБАГ-НАМЕ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

*Печатается по постановлению
Редакционно - Издательского Совета
Академии Наук Азербайджанской ССР*

Azərbaycan Milli Kitabxanası

АЗƏРБАЙЧАН ССР ƏЛМƏР АКАДЕМИЯСЫ

А. БАКЫХАНОВ ^{адына} ТАРИХ ИНСТИТУТУ

МИРЭЭ АДЫКӨЗƏЛ БƏЙ

ГАР АБАҒНАМƏ

АЗƏРБАЙЧАН ССР
ƏЛМƏР АКАДЕМИЯСЫ НƏШРИЯТЫ
БАКЫ — 1950

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ имени А. БАКИХАНОВА

МИРЗА-АДИГЕЗАЛЬ-БЕК

КАРАБАГ-НАМЕ

р-6025

М. Ф. Ахундов adına
Azərbaycan Respublikası
M. ABXANOV

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
БАКУ — 1950

M. F. Axundov adına
Azərbaycan Respublikası
Kitabxanası

16.1006

Azərbaycan Milli Kitabxanası

Редактор *А. Алескерзаде*

Подписано к печати 29/VII-1950 г.
Бумага 84×110/32=8,2, печ. лист. 2,5, учет.-изд. лист. 10.
ФГ02845. Заказ № 1154. Тираж 3000.

Управление по делам полиграфической промышленности,
издательств и книжной торговли при Совете Министров
Азербайджанской ССР.
Типография „Красный Восток“. Баку, ул. Ази Асланова, 80

Перевод с азербайджанского языка произведения историка XIX в. Мирзы-Адигезаль-бека „Карабаг-наме“, подготовленный к печати Институтом истории им. А. Бакиханова Академии наук Азерб. ССР, на русском языке публикуется впервые. В своем произведении „Карабаг-наме“ Мирза-Адигезаль-бек освещает исторические события, происходившие в Карабаге и смежных с ним областях в период с 1736 по 1828 год.

При изучении указанного выше периода наряду со всякого рода документами и источниками, должны быть привлечены сочинения азербайджанских историков, почему Институт считал целесообразным издать „Карабаг-наме“ не только на азербайджанском языке, но и на русском.

Для перевода была взята рукопись Института литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР.

По содержанию рукопись состоит из предисловия, двенадцати глав и автобиографии Мирзы-Адигезаль-бека.

Перевод снабжен предисловием, примечаниями и указателями собственных имен и географических названий. Вследствие того, что в исторической литературе сведения об авторе данного произведения скудны, к переводу приложены „Материалы к биографии Мирзы-Адигезаль-бека“.

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ МИРЗЫ-АДИГЕЗАЛЬ-БЕКА

Поскольку сведения, сообщенные Мирзой-Адигезаль-беком о своей жизни, весьма кратки, возникла необходимость восполнить эти биографические данные дополнительными материалами, позволяющими несколько подробнее обрисовать отдельные периоды жизни и деятельности автора „Карабаг-наме“.

В своей биографии, изложенной на последних страницах рукописи „Карабаг-наме“, Мирза-Адигезаль-бек сообщает, что он родился в Карабаге. К сожалению, он не указывает года рождения. Однако в автобиографии имеются указания на некоторые факты, которые позволяют, примерно, определить время его рождения. Мирза-Адигезаль-бек пишет, что в то время, когда он учился в мектебе гор. Шуши, Ага-Мухаммед-шах с войсками вошел в Карабаг и окружил крепость Шушу, а затем, не сумев взять последней, направился в сторону Грузии и захватил город Тифлис.

Эти события происходили в 1795 г.: осада Шуши — летом указанного года, а захват иранскими войсками города Тифлиса — 12 сентября того же 1795 г. Таким образом, если предположить, что Адигезаль-беку в 1795 г. было от 9 до 14 лет (возраст обычный для обучавшихся в мектебе), то можно сделать вывод, что Адигезаль-бек родился в восьмидесятых годах XVIII в., скорее в начале восьмидесятых годов, поскольку из дальнейших сведений, сообщаемых в автобиографии, видно, что в конце 1799 или начале 1800 года Адигезаль-бек уже состоял на службе у российского министра, находившегося в Тифлисе при грузинском царе, т. е. на-

до полагать, что в это время ему было уже около 18—20 лет.

Приведенные соображения подтверждают мысль о том, что время рождения Адигезаль-бека относится либо к концу семидесятых, либо к началу восьмидесятых годов.

В это время во внешней политике российского правительства в отношении ханств Азербайджана произошли значительные сдвиги. Правительство Екатерины II все более и более активно начало вмешиваться в дела азербайджанских ханств и, наконец, к концу первой половины восьмидесятых годов определенно повело дело к тому, чтобы взять под свое покровительство ханства северной части Азербайджана с целью присоединения их к России. Испытывая могущественное давление северной державы, Фатали-хан кубинский, сообразуясь с обстоятельствами, все чаще и чаще склонялся в сторону ориентации на Россию. Его поддерживала значительная часть купечества и ремесленников Шемахи, Баку, Дербента, имевших довольно прочные экономические связи с Астраханью, а через нее и с другими российскими городами.

Таким образом, Адигезаль-бек уже в отроческие годы мог столкнуться с людьми, обращавшими свои взоры на север, стремившимися установить более тесные связи с Россией.

Адигезаль-бек в своей автобиографии сообщает, что он вместе с семьей и подвластными им илатами (кочевниками), проживавшими, повидимому, в расположенном у р. Аракса Игирмидортском магале, при приближении войск Ага-Мухаммед-шаха покинули Карабаг и удалились в Грузию. Адигезаль-беку пришлось пережить то же, что перенесла довольно значительная часть населения Карабага, которая, стремясь уйти от насилий, чинившихся иранскими войсками, покинула родной край и удалилась в области Ширвана, Шеки и Грузию. Гонимые бурей нашествия, беженцы в дороге испытали немало лишений и горя. То, что претерпел Адигезаль-бек во время бегства из Карабага, пережили и другие беженцы.

Широкие слои народа ненавидели власть Ирана и, чтобы избежать ее, бросали свои имущество и дома, покидали родные края, уходя от приближавшихся иранских войск. Массовое бегство жителей низменных

частей Карабага из родного края являлось ярким выражением отношения народных масс к иранскому нашествию.

После взятия Ага-Мухаммед-шахом Тифлиса, он, опасаясь российских войск, которые могли по Военно-Грузинской дороге войти в Грузию, оставался в Тифлисе всего восемь дней. Через Гянджу он удалился в Муганскую степь.

В это время (летом 1796 г.) Адигезаль-бек был в Грузии. С наступлением весны 1796 г. Ага-Мухаммед-шах с войсками удалился в область Астрабада и Хорасана.

К лету того же 1796 г. российские войска, посланные правительством Екатерины II, вступили в северную часть Азербайджана. Ими были заняты Куба, Шемаха, Баку, Гянджа. Но поздней осенью того же 1796 г., после смерти императрицы Екатерины II, согласно рескриптам Павла I, российские войска стали покидать пределы Азербайджана и весной 1797 г. совершенно оставили его.

Летом 1797 г. Ага-Мухаммед-шах вновь вторгся в Карабаг. В стране был голод и эпидемия чумы, как следствие тех опустошений, которые были произведены иранскими войсками в 1795 году. Ибрагим-хан карабагский, не имея сил и средств для второй обороны Шуши, покинул ее и удалился в Джарскую область. Ага-Мухаммед-шах с войсками, не встречая препятствий, захватил Шушу и стал преследовать, тиранить и казнить защитников Шуши, сторонников российской ориентации, оборонявших Шушу в 1795 г.

В течение всего этого времени Адигезаль-бек оставался в Грузии. Все эти события, несомненно, были известны Адигезаль-беку. Он, повидимому, встречался с разными людьми—очевидцами и участниками совершавшегося. Разорение родного края, голод, страдания масс населения, познание на опыте того, что принесла его родному краю власть Ирана, видимо, не прошли бесследно.

В своей автобиографии Мирза-Адигезаль-бек сообщает о том, что после присоединения Грузии к России министр Коваленский, не доверяя писцам Георгия XII, оформлявшим письма по дипломатическим сношениям, стал искать человека, знавшего османскую грамоту. Ему представили Адигезаль-бека, и он принял

его к себе на службу для ведения секретных дел по переписке. Адигезаль-бек служил у Коваленского тайно. За службу получал жалованье. На этой тайной службе он состоял, очевидно, в течение конца 1799 и всего 1800 года. Это время в жизни Мирзы-Адигезаль-бека имело большое значение. Если до тех пор Адигезаль-бек, наблюдая и оценивая события из истории своей родины, только определил свою политическую ориентацию, то со времени поступления на службу к министру Коваленскому он ее оформил и закрепил. Он связал свою дальнейшую судьбу с российской администрацией и русскими войсками в Закавказье. Несмотря на молодость, Адигезаль-бек, очевидно, уже к 1800 году настолько определенно проявил себя сторонником российской ориентации, что министр Коваленский считал его человеком, которому можно открыть секретные дела дипломатической переписки.

В связи с изложенным возникает вопрос о том, когда и где Адигезаль-бек смог выучиться русскому языку. Полагаем, что, исполняя служебные обязанности у министра Коваленского, он уже понимал русскую речь. Наиболее вероятным является предположение о том, что русский язык Адигезаль-бек изучил в период с 1795 по 1800 г., когда он жил в Тифлисе, где с осени 1795 г. стоял немногочисленный гарнизон русских войск.

К сожалению, не имеется каких-либо сведений о том состоял ли Мирза-Адигезаль-бек на службе при Коваленском после смерти царя Георгия XII. Полагаем, что состоял, потому что Коваленский исполнял должность правителя Грузии, и ему необходимы были люди, владевшие восточными языками.

Но у Коваленского Мирза-Адигезаль-бек мог прослужить только до передачи дел управления Грузией кн. Цицианову, т. е. до февраля 1803 года.¹ Состоял ли он на службе и при главноуправляющем Грузией и командующем кавказскими войсками кн. Цицианове неизвестно. Никаких документов о Мирзе-Адигезаль-беке, относящихся к этому периоду, пока не обнаружено. Об этом периоде жизни в автобиографии Мирза-Адигезаль-бек пишет: „Я состоял при начальствующих лицах русского командования“. После того, как

¹ АКАК, т. III, д. № 1, стр. 4.

российская власть в Грузии была утверждена, он получил назначение к ген.-м. Лисаневичу.

Из опубликованных в „Актах Кавказской Археологической Комиссии“ документов видно, что уже в августе 1811 года ген.-м. Лисаневич состоял в качестве окружного начальника в Памбаке и Шурагеле и наблюдал за движениями эрзерумского сераскера.¹ В это время шла война России с Турцией. Главный театр военных действий находился на Дунае, но подвластные России территории Закавказья могли подвергнуться нападению турецких войск. Внимание ген.-м. Лисаневича было приковано к тем движениям, которые совершались в это время за турецкой границей. Лисаневич высылал туда разведчиков и соглядатаев. В этой обстановке ему крайне необходим был переводчик-письмоводитель. Эту должность при нем исполнял Мирза-Адигезаль-бек.

С ген.-м. Лисаневичем Мирза-Адигезаль-бек служил долго. В автобиографии он пишет: „До одиннадцатого года я состоял при нем секретарем. В этом году мне был присвоен чин подпоручика. Наконец, в шестнадцатом году, с разрешения наместника генерала Ермолова, я отправился к бывшему владельцу Карабага генерал-майору Мехти-Кули-хану“.

Таким образом, сведения, которыми мы располагаем, время совместной службы ген.-м. Лисаневича и Мирзы-Адигезаль-бека позволяют относить к периоду между 1811 и 1816 годами.

За указанные 5—6 лет произошло много событий, связанных с Памбакской и Шурагельской дистанциями, где служили ген.-м. Лисаневич и Мирза-Адигезаль-бек.

К сожалению, у нас нет прямых указаний о том, что Мирза-Адигезаль-бек принимал участие во всех крупных делах, связанных с этими дистанциями, но по характеру своей службы, будучи мирзой, он должен был иметь к ним отношение.

В течение первой русско-иранской войны 1805—1813 гг. Памбак и Шурагель во время вторжений иранских войск были сильно опустошены. Значительная часть населения иранскими войсками была угнана на

¹ Предписание ген. Торماسова ген.-м. Лисаневичу, от 13 августа 1811 г., № 134, (АКАК, т. IV, д. № 1179, стр. 775, ср. д. № 1180, стр. 776).

юг, иные же сами покинули территорию военных действий. Окружной начальник должен был позаботиться о заселении дистанции, о возобновлении поселений, о восстановлении земледелия.

Хотя ген.-м. Лисаневич и владел азербайджанским языком, чем вызывал к себе большое доверие азербайджанского населения, однако в деле переселения роль Мирзы-Адигезаль-бека, как лица, пользовавшегося уважением, и как местного жителя, думается, была весьма значительной.

В начале следующего 1812 года иранское правительство, через эриванского сардара Гусейн-Кули хана, выразило намерение приступить к мирным переговорам. В связи с этим ген.-м. Лисаневич, как начальник пограничной области, вступил в переписку по вопросу о высылке для переговоров о мире особого чиновника¹. Хотя нет прямых указаний об участии в этом деле Мирзы-Адигезаль-бека, но по должности своей он не мог оставаться в стороне при подобных переговорах.

В октябре 1813 года в Карабаге в местечке Гюлистан был заключен мирный трактат, по которому иранское правительство отказывалось от своих притязаний на власть над ханствами Дербентским, Кубинским, Шемахинским, Шекинским, Гянджинским, Карабагским и Талышинским.

Сведения, сообщенные в автобиографии Мирзы-Адигезаль-бека, а также и обнаруженные в различных источниках, не позволяют более определенно и полно представить этот период жизни Мирзы-Адигезаль-бека.

В октябре 1816 года в Тифлис в качестве командира отдельного корпуса в Грузии² прибыл А. П. Ермолов и приступил к ознакомлению с кавказскими делами.

Ген. А. П. Ермолов не доверял ханам. Он считал, что существование ханской власти не совместимо с интересами российской империи и поэтому полагал необходимым привести дело к уничтожению ханской власти и введению российского управления. Поскольку власть ханов карабагского, ширванского и шекин-

¹ Донесение маркиза Паулуччи гр. Румянцеву, от 21 марта 1812 г., № 80 (АКАК, т. V, д. № 247, стр. 177).

² Отношение ген. Ермолова к гр. Нессельроде, от 19 ноября 1816 года. (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 281, стр. 136).

ского была утверждена на основании трактатов 1805 года о вступлении этих ханств в подданство российское, А. П. Ермолов не мог сразу приступить к осуществлению своих политических целей. Поначалу он ограничился тем, что при ханах поставил лиц, заслуживавших доверие российского правительства.

В 1816 году Мирза-Адигезаль-бек, как уроженец Карабага, был послан А. П. Ермоловым к Мехти-Кулихану. Это имело место в 1816 году перед выездом А. П. Ермолова в качестве посла в Тегеран. В автобиографии Мирза-Адигезаль-бек сообщает о том, что Мехти-Кули-хан карабагский пожаловал ему земли, принадлежавшие их семье, а также и еще некоторые населенные земли и назначил наибом в Игирмидортский магал.

Игирмидортский магал был одним из двадцати двух магалов Карабахского ханства. Согласно указанным выше, очевидно, неполным данным, в 1823 году в нем проживало 155 семейств, т. е., если считать по 5 душ на семью, около 800 чел. Это был едва ли не самый маленький из магалов Карабагского ханства. По числу проживавших в нем семейств он не имел даже одной сотой населения Карабага¹. Мирза-Адигезаль-бек стал одним из наиболее приближенных и доверенных лиц Мехти-Кули-хана. Он находился при нем до последнего дня, т. е. до дня побега Мехти-Кули-хана за границу.

Известно, что Мехти-Кули-хан, благодаря притеснениям и провокациям начальника мусульманских провинций в Закавказье ген. В. Г. Мадатова, покинул Карабаг и бежал в Иран. Ген. Мадатов действовал согласно указаниям А. П. Ермолова, который считал необходимым ликвидировать ханское управление в Азербайджане.

Ген. Ермолов через кн. Мадатова достиг осуществления своих целей. Мехти-Кули-хан, испуганный угрозами, 21 ноября 1822 года, оставив семью и сопровождаемый небольшим числом нукеров, бежал за границу.² События этих дней освещены в письме самого

¹ Рапорт д. с. с. Могилевского и полк. Ермолова ген. Ермолову, от 2-го мая 1823 года. № 22 (АКАК, т. VI, ч. I, д. № 1308, стр. 858).

² Рапорт кн. Мадатова ген.-л. Вельяминову, от 21 ноября 1822 г., № 916 (АКАК, т. VI, ч. I, д. № 1293, стр. 848).

Мехти-Кули-хана, написанном спустя несколько лет. Мехти-Кули-хан об обстоятельствах своего побега писал: „Я решился ехать на Тертер, полагая найти там несколько человек и с ними ехать в Тифлис и объяснить свое положение. Но мелик Ваня, посланный за мною с приказанием не пропустить меня туда, а выпроводить из Карабага, догнал меня, и я, испугавшись, отправился в Эривань. Хотя по настоящему и не следовало бы мне выезжать из Карабага... но я, спасая себя, направился в Эривань“¹.

По данным, записанным в „Статистическом описании Карабахской провинции“, составленном в 1823 году д. с. с. Могилевским и полковником Ермоловым 2-м, видно, что Мирзе-Адигезаль-беку принадлежало одно селение Амбулаг². Кроме того под его управлением находились кочевье Даннибая гматли и при нем деревня Варварали Караогланлы. Здесь проживало 59 семей, плативших подати и 37 семей ранджбаров, принадлежавших Мирзе-Адигезаль-беку. Часть доходов с 59 семей, плативших подати, и во времена ханского и во время комендантского управления, поступала в диван или казну. Эта часть, по описанию, проведенному в 1823 году, составляла 156 руб. на российское серебро. Другая, повидимому, большая часть доходов поступала управляющему селением.

Из описания видно, что у Мирзы-Адигезаль-бека было 37 семей ранджбаров. Этот факт говорит о том, что Мирза-Адигезаль-бек имел собственное хозяйство, в котором работали указанные ранджбары. Обычно, ранджбары работали или в шелковичных садах, или на чалтычных плантациях, но поскольку ранджбары Мирзы-Адигезаль-бека числились при кочевье вряд ли можно полагать, что они были заняты в садах или на чалтычных полях. Скорее всего они работали над посевами зерновых.

Из изложенного видно, что имение Мирзы-Адигезаль-бека нельзя причислить к крупным, т. к. число подвластных ему семей достигало только одной сотни, т. е. составляло от пятисот до шестисот душ. Однако

¹ Письмо Мехти-Кули-хана к кн. Аблазову, от 21 июня 1827 г. (АКАК, т. VII, стр. 458, 459).

² „Стат. описание Карабахск. провинции“, составленное д. с. с. Могилевским и полк. Ермоловым 2-м. (ИГИА Азербайджанской ССР, ф. 21, опись 24—1, д. № 117, стр. 152—153, 203).

это именование нельзя назвать также и мелким. Таким образом, Мирза-Адигезаль-бек, по имущественному положению своему, должен быть отнесен к числу беков, имевших владения средней величины. Чин поручика, а впоследствии капитана, должность заседателя в карабагском провинциальном суде выдвинули его в ряды высшего бекского слоя, аристократии Карабага.

В своей автобиографии Мирза-Адигезаль-бек сообщает о том, что по поручению ген. Ермолова он в течение трех лет, с 1823 по 1826 гг., занят был на службе по охране границ Карабага. Подтверждение этим сведениям находим среди документов, опубликованных в „Актах Кавказской Археографической комиссии“. Ген.-м. кн. Мадатов в рапорте А. П. Ермолову от 9 июля 1825 года доносил: „Вследствие секретного предписания вашего, от 2-го июня, № 9 какое учинено мною распоряжение насчет безопасности границы нашей в Карабаге от вторжения персиян и удержанию от бегства кочевого народа, честь имею представить при сем в. высочайшему расписанию“. ¹ В расписании пограничных постов кн. Мадатов показал пост, где находился Мирза-Адигезаль-бек. В документе сказано: „На оконечной покатоности Муравских гор² при Базиргян булаке..., впереди 15-ю верстами... в уроч. Гиль, при разоренной деревне Зод обывательского караула, при магальном наibe подпор. Мирза-Адигезаль-беке 40 чел., где сверх того при сотнике Наследышеве 25 чел. казаков“. В заключение расписания ген. Мадатов писал: „Из сего росписания составляются две линии постов:—правого фланга от разоренной дер. Зод до горячих вод, начальствует шт.-к. Черноглазов, жителейскими караулами с заведывания его подпор. Мирза-Адигезаль-бек“.³

Поскольку этот пост был вынесен далеко вперед и находился на территории подвластной Ирану, Эриванский сардар Гусейн-Кули-хан обратился к ген. Мадатову с просьбой о том, чтобы пост был перемещен. Мадатов, по распоряжению А. П. Ермолова, отвечал Гусейн-Кули-хану письмом, в котором, между прочим, писал:

¹ Рапорт ген.-м. кн. Мадатова ген. Ермолову, от 9 июля 1825 г., № 341, сел. Чинахчи (АКАК, т. VI, ч. I, д. № 719, стр. 516).

² Мровдагских гор.

³ Там же.

Письмо в. высокостепенства 11-го числа месяца зильхидже¹ я получил, в котором из'ясняете, что подпоручик Мирза-Адигезаль с конными людьми находится в сел. Зод... Уже несколько времени, как мною предписано Мирза-Адигезалю не находиться в помянутом селении и скоро он оттоль пойдет".²

На службе по охране границ Мирза-Адигезаль-бек находился до начала русско-иранской войны 1826—1828 гг. В автобиографии он сообщает о том, что к 25 августа 1826 года, очевидно, незадолго до вторжения иранских войск в Карабаг, у него находились в подчинении 60 солдат при одном офицере и двести всадников азербайджанцев и армян. Охраняя границу, Мирза-Адигезаль-бек стал получать сведения о том, что иранское правительство собирается начать войну. Об этих известиях он сообщил коменданту шушинской крепости майору Чилиеву. В ответ на эти донесения Мирза-Адигезаль-бек получил приказание о постройке укрепления на месте его поста, а пост его находился на крайнем правом фланге карабагской линии постов, на южных предгорьях Мровдага у Базиргян-булага... Там Мирзу-Адигезаль-бека и застало начало войны. Известно, что война эта началась с внезапного вторжения иранских войск в пределы, подвластные России. Иранские войска почти одновременно перешли границу в стороне Эривани и вторглись в Шурагель и Памбак, а также в Талыш и Карабаг. Пограничные посты, не имевшие достаточных сил, с боями отступали вглубь страны.

Поскольку пост у Базиргян-булага находился при самой границе и как раз в том самом направлении, куда раньше чем в другие места хлынул поток иранских войск, Мирза-Адигезаль-бек с вверенным ему отрядом был отрезан от сообщений с Шушой и Тифлисом. В автобиографии Мирза-Адигезаль бек сообщает о том, как он, прибегая к различным уловкам и хитростям, пытался установить связь с Шушой и выбраться из неприятельского тыла, где на каждом шагу грозила смертельная опасность, однако выйти на соединение с российскими войсками, стягивавшимися к Тифлису, не

¹ 18 июля (1825 г.).

² Письмо ген.-м. кн. Мадатова к Хусейн-хану, от 1825 г. (АКАК, т. VI, ч. I, д. № 1373, стр. 692).

удалось. В Шушу также невозможно было пройти, поскольку она была блокирована иранскими войсками.

Обстановка осложнена была тем, что при вступлении войск неприятеля отдельные группы местного населения, принадлежавшие во времена правления ханов к тем слоям, которые тесно были связаны с ханской властью, перешли на сторону врага и увлекли за собой некоторую часть кочевников. После ликвидации ханского управления, эти незначительные по численности прослойки юзбашей, маафов, кетхуд, а также некоторая часть беков, потеряв свое прежнее привилегированное положение и источники материального благосостояния, стремились вернуть старые порядки. Они рассчитывали на то, что иранские войска восстановят прежний образ правления и вернут им утраченное благополучие. Они знали, что Мехти-Кули-хан карабагский находился среди войск наследника иранского престола — Аббас-мирзы.

Описанное обстоятельство сильно осложнило положение Мирзы-Адигезаль-бека: врагами были не только иранцы, но и некоторая часть соотечественников.

Петля обстоятельств стягивалась все туже, и Мирза-Адигезаль-бек, не видя выхода из создавшегося положения, решил идти навстречу опасностям. В автобиографии своей он подробно рассказывает о том, что с ним приключилось после того, как он явился в ставку Аббас-мирзы. В качестве пленника Мирзу-Адигезаль-бека отправили в Тебриз.¹

После того, как армия Аббас-мирзы потерпела два крупных поражения в битвах под Шамхором и в генеральном сражении у Гянджи, иранские войска ушли за Аракс. Аббас-мирза, очевидно, с целью выиграть время для пополнения своей армии, стремился завязать переговоры о мире. С этой целью, как сообщает Мирза-Адигезаль-бек в своей автобиографии, его отправили в Шушу. Таким образом он освободился из плена. Очевидно, это было в начале 1827 года, поскольку еще в январе 1827 г. Мирза-Адигезаль-бек находился в плену в гор. Тебризе.

Мирза-Адигезаль-бек рассказывает о том, что из Шуши он поехал в Тифлис, где встретился с ген. А. П. Ер-

¹ Ср. Записка неизвестного автора о Карабаге Между 1829 г... 1831 г. („Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х гг. XIX в.“, ч. I. М.-Л., 1936 г.).

1004
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

моловым и начальником штаба ген.-ад'ют. И. И. Дибичем. Ген.-ад'ют. Дибич в январе и феврале 1827 г. находился в Тифлисе, поскольку в это время происходила передача дел от А. П. Ермолова И. Ф. Паскевичу, вновь назначенному на пост главноуправляющего и командира отдельного Кавказского корпуса. В исходе марта 1827 года, по отозвании А. П. Ермолова, И. Ф. Паскевич вступил в управление всеми делами Закавказья.¹ И. Ф. Паскевич в целях привлечения на сторону России тех групп населения Карабага, которые по материальному интересу своему привержены были к Мехти-Кули-хану карабагскому, считал политически целесообразным склонить Мехти-Кули-хана к переходу на сторону России. Исполнение этого важного дела было поручено кн. Абхазову, сменившему в апреле того же 1827 г. ген. В. Г. Мадатова на посту управления Карабагской, Ширванской и Шекинской провинциями.²

Кн. И. И. Абхазов непосредственным исполнителем этого важного, ответственного и опасного поручения избрал Мирзу-Адигезаль-бека.

Теперь Мирзу-Адигезаль-бек должен был испытать силу своего влияния на Мехти-Кули-хана. Ему нужно было пройти за р. Аракс в тыл врага, встретиться там с Мехти-Кули-ханом и склонить его к переходу на сторону России.

Мирзу-Адигезаль-бек блестяще выполнил поручение. Уже в начале июня ген. Паскевич доносил начальнику штаба гр. И. И. Дибичу следующее:

Имею честь донести в. с. об успехе переговоров и наклонении в нашу пользу Мехти-Кули-хана... 8-го числа сего месяца, я получил донесение из Карабага, что хан туда возвратился... За ним переселяются из Даралагеза в наши границы 3 тыс. кочевых семейств... Выгоды, приобретенные нами переселением в Карабаг Мехти-Кули-хана, весьма важны:

1) Прекратилась шаткость умов в пограничной области, с неудовольствием смотревших на унижение прежнего своего владетеля, который, находясь вблизи, на самой границе, по древним связям и наследственной власти, когда только хотел,

¹ АКАК. т. VII, стр. I.

² Там же, стр. IV.

мог находить у нас деятельных пособников пользам принявшей его Персии.

2) Сих-то племен большую часть Мехти-Кулихан склонил последовать за ним в Карабаг. Их содействие для неприятеля потеряно; они могли бы выставить 4 тыс. лучшей конницы, которая не только не будет угрожать, но оберегать границу нашу...

К сему прибавлю, что остальные народы: Миллинды (?), Кара-чорлу, Шадиллу и другие, в числе нескольких сот семейств, не присоединившиеся к хану, через Шадилинского Аслан-султана прислали ко мне покорственный адрес, прося принять их под Российское покровительство¹.

Высоко ценя заслуги, связанные с исполнением поручения в отношении привлечения Мехти-Кулихана на российскую сторону, ген. Паскевич представил Мирзу-Адигезаль-бека к награде. По этому поводу он в одном из своих рапортов писал: „Честь имею представить к наградам им по справедливости следующим, по засвидетельствованию начальства, за расторопность, отважность, с которой они привели к окончанию возложенные на них поручения в земле неприятельской: Карабагского подпор. Мирза-Адигезаль бека и находящегося при полк. кн. Абхазове кн. Ивана Меликова—к поручичьим чинам, с производством первому жалованья... О первом из них при том в. с. в бытность свою в Тифлисе, конечно, слышали, как он пребыл верен нам при возмущении его единоверцев, и как твердо сносил плен и истязание в Тавризе“².

В дальнейшем ходе военных действий Мирза-Адигезаль-бек, повидимому, не принимал непосредственного участия. Он находился при кн. Абхазове и был занят выполнением важного поручения, о котором в мае 1827 г. ген. Паскевич писал кн. Абхазову следующее:

„Поручаю в. с., если сей предмет еще не обратил на себя забот ваших, всемерно стараться, дабы завязать обоюдные обсылки на словах или на письме с те-

¹ Рапорт ген. Паскевича гр. Дибичу, от 12 июня 1827 г., № 62, Эчмялдзин (АКАК, т. VII, д. № 402, стр. 453, 454).

² Там же. стр. 455.

ми из Таврических жителей и их начальников, которые недовольны нынешним порядком дел в Азербейджане и готовы нам благоприятствовать".¹

К сожалению, пока не выявлены документы, в которых имелись бы сведения о деятельности Мирза-Адигезаль-бека во второй половине 1827 года и начале 1828 года, когда был заключен Туркманчайский мирный договор.

В автобиографии своей Мирза-Адигезаль-бек сообщает, что он служил под начальством кн. Абхазова. Совместно с кн. Абхазовым Мирза-Адигезаль-бек в 1829 году, в тревожное время, следовавшее за убийством русского посла А.С. Грибоедова в Тегеране, принимал участие в наборе всадников для конно-мусульманских полков, формировавшихся в Карабаге,² Ширване и Шеки³. По представлению кн. Абхазова ген. Паскевичу Мирза-Адигезаль-бек был произведен в капитаны.

Из этих сведений можно заключить, что к капитанскому чину Мирза-Адигезаль-бек был представлен до 1830 года, потому что в 1830 г. кн. Абхазов уже покинул Закавказье и находился в Осетии⁴.

Вероятно, в это же время, т. е. в конце 1829 или начале 1830 года, Мирза-Адигезаль-бек, прослужив около 30 лет, вышел в отставку.

В период комендантского управления провинциальные суды по положению должны были ведать не только делами судебного порядка, но и целым рядом вопросов имущественных и хозяйственных. Происходило это в силу того, что при комендантах никаких других учреждений, кроме судебных, не было. Круг вопросов, подлежащих ведению карабагского провинциального суда, хорошо освещен в записке о Карабагской провинции, составленной по поручению высшей администрации в 30-ых годах XIX века. В этой записке говорится: „Провинциальный суд в Шуше состоит под председательством коменданта из 4-х заседателей, избирае-

¹ Предписание ген. Паскевича полк. кн. Абхазову, от 21 мая 1827 г. Джемал-оглу (АКАК, т. VII, д. № 508, стр. 543).

² Центр. Гос. историч. архив Грузии. Фонд канц. главноуправл. Грузией, оп. 1, кн. 2, д. № 2495/28, стр. 42.

³ Рапорт полк. Миклашевского гр. Паскевичу от 4 февраля 1830 г., № 3 (АКАК, т. VII, д. № 372, стр. 426).

⁴ АКАК, т. VII, стр. IV.

мых жителями из беков и граждан... Провинциальный суд по учреждению своему есть место: а) судебное, по делам маловажным, уголовным и по делам тяжбыным; б) хозяйственное, заведывающее доходами провинции, и в) распорядительное, по охранению вообще порядка; но в настоящем положении все сии предметы более или менее принадлежат одному коменданту, а суд провинциальный существует, так сказать, лишь для проформы.¹

Как бы ни была слаба деятельность провинциального суда, тем не менее заседателям его, в том числе и Мирзе-Адигезаль-беку приходилось в той или иной степени заниматься перечисленными выше делами. Все это способствовало тому, что он хорошо ознакомился с Карабагом, с исторически сложившимися условиями и характером хозяйственной деятельности населения в различных частях провинции, с обычаями и историей страны. Таким образом, деятельность Мирзы-Адигезаль-бека в провинциальном карабагском суде позволила ему собрать различные сведения, относящиеся к истории Карабага.

Один из чиновников, обследовавший управление провинциями, коллежский ассесор Зубарев доносил гр. Паскевичу следующее: „Провинциальный суд только носит название суда, вовсе не занимаясь судопроизводством, которое присвоил себе капитан Мирза-Адигезаль, любимец кн. Абхазова. Журналы и все дело производство ведется на русском языке, между тем как все члены суда—из татар и армян, незнающих ни слова по-русски“².

Коллежский ассесор Зубарев, как ревизор, выехал на обследование с заданием обнаружить недостатки в управлении. Поэтому, естественно, что в его записке при освещении дел краски сгущены. Однако, все же очевидно, что Мирза-Адигезаль-бек имел большое влияние на решение дел в провинциальном суде. Из записки Зубарева видно также, что Мирза-Адигезаль-бек свободно владел русским языком.

¹ 1837 г., не ранее 19 декабря. Записка Нефедьева о Карабагской провинции („Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х гг. XIX в.“, ч. I, М.-Л., стр. 358).

² Записка коллежского ассесора Зубарева о Карабагской провинции (Представлена гр. Паскевичу при рапорте от 20 апреля 1830 г. (АКАК, т. VII, д. № 411, стр. 462).

Упомянувшийся выше коллежский ассесор Зубарев в своей записке о Карабаге писал: „Мирза Адигезал... принимает в свой магал беглецов из дистанций и Елисаветпольского уезда, коих у него находится ныне до 350 семейств, не платящих в казну никаких податей и повинностей к совершенному отягощению остальной части жителей“¹.

Что это были за люди об этом никаких сведений у нас нет. Одно, пожалуй, может быть ясно: эти люди оставили свои селения и дома, к чему были вынуждены притеснениями со стороны царской администрации.

У нас нет сведений о жизни и деятельности Мирзы-Адигезаль-бека во второй половине тридцатых и сороковых годов XIX в. Из обнаруженных архивных документов, относящихся к началу 1834 года, видно, что Мирза-Адигезаль-бек выступал в качестве свидетеля в суде по делам некоторых беков, восстанавливавших свои права на землю².

Из дел карабагского провинциального суда видно, что к Мирзе-Адигезаль-беку, как к почетному и уважаемому лицу, хорошо знакомому с делами Карабага во время правления Мехти-Кули-хана, часто обращались за справками, разъяснениями, свидетельскими показаниями. По делам карабагского провинциального суда, Мирза-Адигезаль-бек часто встречался с другим известным деятелем Карабага Мирзой Джамалом, автором сочинения „Карабаг“, в свое время состоявшим в качестве везира при Ибрагим-хане.

Из текста „Карабаг-наме“ видно, что Мирза-Адигезаль-бек для своего времени был широко образованным человеком, любившим поэзию. Широота кругозора и глубокое уважение к выдающимся представителям культуры прошлого побудили Мирзу-Адигезаль-бека приступить к постройке над могилой великого Низами нового мавзолея, взамен старого, совершенно уже разрушившегося. Об этом А. Бакиханов писал: „Разрушенная великолепная гробница его (Низами—В. Л.).

¹ Записка коллежского ассесора Зубарева о Карабагской провинции. Представлена гр. Паскевичу при рапорте от 20 апреля 1830 г. (АКАК, т. VII, д. № 411, стр. 462).

² Перевод с объяснения прапорщика Алибека к Карабахскому командиру господину майору и кавалеру Райтеру от 5 февраля 1834 г. (ЦГИА Азербайджанской ССР, ф. 73, оп. 2, д. № 3, л. 67).

близ города Ганджи, поныне существует. Мирза Адигезаль Карабахский... ныне возобновляет ее¹.

Из последних слов А. Бакиханова видно, что возобновление мавзолея происходило в то время, когда он еще писал „Гюлистан-Ирам“, т. е. в начале сороковых годов XIX в. Это время совпадало с семисотлетней годовщиной рождения великого поэта.

Мавзолей, возведенный Мирзой-Адигезаль-беком, к началу нынешнего столетия разрушился, но его остатки точно отмечали место, где находился старый мавзолей и место погребения Низами.

Свое сочинение „Карабаг-наме“ Мирза Адигезаль-бек писал, будучи уже в преклонном возрасте (около 65 лет). Видимо ему трудно было самому писать, поэтому он и обратился с просьбой к Салари о том, чтобы последний „Изложил на бумаге изящными, красивыми и образными выражениями все то, что я ему поведаю“. Это обстоятельство нашло себе выражение в языке сочинения. Повидимому, Мирза-Адигезаль-бек излагал события простым языком. Эпитеты, гиперболы, сравнения и прочие поэтические фигуры и украшения, свойственные большей части исторических произведений Востока, принадлежат Салари. Эта пышность, цветистость и вычурность языка, не обогащая и не углубляя содержания текста, лишь затрудняют чтение, вследствие чего описание ряда событий и фактов потеряло ясность и четкость. Это относится, главным образом, к первым главам „Карабаг-наме“, последующие—история XIX века изложена простым языком.

В конце рукописи одного из переводов „Карабаг-наме“ на армянский язык имеются следующие строки: „В то же самое время я, составитель сей истории, Мирза-Ади-Гезаль-бек Карабахский находился в Тифлисе“. В других списках „Карабаг-наме“ подобной приписки не имеется. Вполне возможно, что Мирза-Адигезаль-бек по каким либо делам выезжал из Шуши в Тифлис и там написал свое произведение.

¹ А. Бакиханов, „Гюлистан-Ирам“, стр. 165, Баку, 1926 г.

² Т. И. Тер-Григорьян. „Мирза-Адигезаль-бек Карабахский“, стр. 408 (Доклады АН Азерб. ССР, № 9, 1948 г.)

Мирза-Адигезаль-бек умер 9 сентября 1848 г.¹ и был погребен на кладбище сел. Рагимли, которое находится неподалеку от Геранбоя. Над его могилой воздвигнут мавзолей. Помеченная выше дата смерти взята из текста, помещенного на плите, установленной над могилой Мирзы-Адигезаль-бека.

В. Н. Лезинтов

¹ Дата смерти прочитана кандидатом исторических наук А. А. Алескерзаде на графитном оттиске, снятом сотрудниками Института истории им. А. Бакиханова Н. В. Минкевич-Мустафасовой и С. К. Ахмедовой с надгробного камня, установленного на могиле Мирзы-Адигезаль-бека. См. Н. В. Минкевич-Мустафеева и С. К. Ахмедова — «Мавзолей семейства Мирзы-Адигезаль-бека» (Доклады АН Азерб. ССР, № 5, 1948 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В произведении Мирзы-Адигезаль-бека „Карабаг-наме“ изложена политическая история Карабага с 1736 по 1828 год.

За эти годы свершилось много крупных событий политической истории. До 1747 года, до убийства Надир-шаха, Карабаг находился под властью иранского государства. После смерти Надир-шаха в Иране начались смуты и междоусобная борьба претендентов на шахский престол, центральная политическая власть, переходившая из рук в руки, крайне ослабела. В эти годы Азербайджан вышел из под власти иранского государства, в нем возникло около двух десятков самостоятельных ханств. Каждое из ханств представляло собой город с экономически тяготевшими и связанными с ним селами. Так, например, Кубинское ханство состояло из города Кубы и приблизительно двухсот селений, входивших в его округу. Бакинское ханство состояло из города Баку и трех десятков селений на Апшеронском полуострове. Карабагское ханство состояло из города Шуши и, приблизительно, 250 селений. Такими были и остальные ханства. Сельское население жило в условиях господства натуральных форм хозяйства и слабо было связано с городом. Сами же города имели незначительное (обычно от трех до пяти тысяч) население и своим ремеслом в основном удовлетворяли потребности только связанных с ними сел, хозяйственные же связи между городами и отдельными частями страны были весьма слабы.

Во главе управления ханствами стояли наиболее сильные представители местных феодальных кругов.

В „Карабаг-наме“ подробно описывается каким образом Панах-бек, происходивший из богатой и влиятельной семьи джеванширского племени, упрочил свою власть над Карабагом.

Панах-хану пришлось вести напряженную борьбу за подчинение своей власти племен Джеваншир и Отузники, а также против феодальных владетелей меликов Карабага. Как типичный феодальный владетель, Панах-хан строит себе укрепленный замок—Баят, обновляет замок Шах-булаг, отражает попытки окрестных владетелей подчинить его своей власти. Усилившись, Панах-хан строит крепость Панах-абад (Шушу) и вооруженной рукой отстаивает свою власть над Карабагом и независимость от сильных ханов южной части Азербайджана—Мухаммед Гасан-хана Каджара и Фетали-хана Афшара. Одновременно он стремится расширить подвластную ему территорию в направлении на юго-запад в сторону Нахчевана и на юго-восток в сторону Тебриза.

Каждый из ханов заинтересован был в том, чтобы увеличить количество принадлежащих ханству земель, а также увеличить численность подвластного населения. Эти стремления обусловлены были классовыми интересами ханов, являвшихся крупными феодальными владетелями.

Населенная земля приносила ханам доход, который они получали в виде налогов или ренты. Многочисленность населения позволяла создать крупное ополчение. Таким образом, путем увеличения подвластной им территории и числа подданных, ханы увеличивали свою экономическую и политическую силу, укрепляли свое господство.

Политика Панах-хана и Ибрагим-хана была обусловлена указанными классовыми интересами.

Внешняя политика ханов, в том числе и карабагских ханов, определялась стремлением к сохранению и укреплению своей власти, своего господствующего положения, поэтому в сложной международной обстановке, в обстановке борьбы Ирана и Турции за подчинение Азербайджана, ханы колебались и, опасаясь попасть под власть указанных государств, часто склонялись в сторону ориентации на Россию.

После того как в начале 90-ых годов XVIII века ханства южной части Азербайджана подпали под власть

Ага-Мухаммед-шаха, перед ханами Карабага встала реальная угроза подчинения власти Ирана. В этих обстоятельствах, ставших особенно грозными во время похода 1795 года Ага-Мухаммед-шаха в Карабаг, Ибрагим-хан карабагский стал искать покровительства России.

Россия того времени стояла на более высокой ступени экономического и культурного развития, нежели шахский Иран или султанская Турция. Уровень экономического развития Азербайджана и международное положение его, существовавшее в то время, не открывали перед ним перспектив самостоятельного государственного существования и развития, поэтому присоединение Азербайджана к России заключало в себе стороны прогрессивности. „Несмотря на произвол и жестокость царских колонизаторов, присоединение Азербайджана к России сыграло для азербайджанского народа исключительно положительную роль“¹.

Присоединение к России повело к прекращению междоусобных войн ханов, обеспечивало оборону северной части Азербайджана от грабительских вторжений со стороны Ирана и Турции и открывало возможности для более широкого развития экономических и культурных отношений между русским и азербайджанским народами.

Хотя Мирза-Адигезаль-бек в „Карабаг-наме“ специально не останавливается на оценке значения присоединения северных частей Азербайджана к России, тем не менее из текста этого сочинения видно, что к этому факту автор относится вполне благожелательно.

Иранское правительство, поддерживаемое правительствами Франции и Англии, их денежными субсидиями и помощью оружием и военными инструкторами, дважды пыталось силой оружия отторгнуть северную часть Азербайджана от России и подчинить ее своей власти, но войны 1805—1813 и 1826—1828 гг. были проиграны Ираном. По Гюлистанскому (1813 г.) и Туркманчайскому (1828 г.) договорам иранское правительство вынуждено было отказаться от притязаний на северную часть Азербайджана и признало присоединение их к России.

Заключением Туркманчайского мирного договора

¹ М. Д. Багиров—Великий вождь народов, Баку 1950 г., стр. 30.

Мирза Адигезаль-бек заканчивает изложение истории Карабага. Таким образом, вся последующая история Карабага, в ходе которой ясно определился гнет, установленный царизмом в Азербайджане, выходит за пределы исторического повествования Мирзы-Адигезаль-бека.

Произведение свое „Карабаг-наме“ Мирза-Адигезаль-бек писал, когда ему было уже около шестидесяти пяти лет.

Автор произведения прошел большой жизненный путь, он был умудрен опытом и годами. Политическая обстановка в Азербайджане и Закавказье в период русско-иранских и русско-турецкой войн первой трети XIX в., ход и исход этих войн, служебная деятельность Мирзы-Адигезаль-бека оказали сильное влияние на его взгляды. Исторические события этого времени повлияли на Мирзу-Адигезаль-бека в том направлении, что он твердо вступил на путь ориентации на Россию и не сходил с этого пути, несмотря на превратности его личной судьбы. Неизвестно ни одного факта из биографии Мирзы-Адигезаль-бека, указав на который можно было бы сказать, что он отступил от политической линии ориентации на Россию или изменил ей.

В трудной подчас обстановке русско-иранской войны 1826—1828 гг., когда значительная часть беков, идя за потерявшими власть азербайджанскими ханами, стремилась при помощи оружия иранских войск восстановить в Закавказье ханскую власть и свои привилегии, вытекавшие из близости к ханам, Мирза-Адигезаль-бек твердо шел по избранному им пути и в часы опасности бесстрашно смотрел в глаза смерти.

На то, что Мирза-Адигезаль-бек был столь последователен в политической линии ориентации на Россию, имели свое влияние различные обстоятельства. Известную роль в этом сыграли впечатления отрочества, когда Мирзе-Адигезаль-беку пришлось быть очевидцем тех бедствий, которые принесли народам Закавказья иранские войска под предводительством Ага-Мухаммед-шаха. Тогда и Мирзе-Адигезаль-беку пришлось вместе с семьей отца покинуть родной Карабаг и удалиться на чужбину.

Немалое влияние оказала на Мирзу-Адигезаль-бека служба в российских правительственных и военно-административных учреждениях того времени.

Военное превосходство России и ее армии перед войсками Ирана и Турции тоже, как это видно из текста „Карабаг-наме“, произвели на него большое впечатление, заставили над многим призадуматься и определить свою политическую линию. Судьба родного азербайджанского народа, бедствия, перенесенные им от иранских вторжений, заставили Мирзу-Адигезаль-бека искать и для себя и для народа покровительства сильного государства, которое могло обеспечить массе населения мирный труд и некоторую личную неприкосновенность.

К концу своей жизни Мирза-Адигезаль-бек занимал у себя на родине почетное положение и имел материальное состояние, вполне обеспечивающее его жизнь. Он дорожил тем, чего достиг в результате своего длинного и трудного жизненного пути.

Все изложенное, несомненно, оказало влияние на содержание „Карабаг наме“. Произведение это написано человеком, принадлежавшим к слою феодальных землевладельцев, человеком определенных взглядов, дорожившим своим положением.

Таким образом, историческое повествование „Карабаг-наме“ требует к себе весьма внимательного и критического отношения.

Произведение это написано офицером русской армии, Мирзой-Адигезаль-беком с учетом того, что оно будет представлено наместнику Кавказа князю Михаилу Семеновичу Воронцову, поэтому автор в изложении придерживался официального освещения событий, принятого в руководящих кругах российского командования на Кавказе.

Изложение истории, как выше уже было отмечено, начинается с описания съезда феодальной знати Ирана на Мугани в 1736 г. и „избрания“ Надир-шахом Ирана.

Мирза-Адигезаль-бек идеализирует Надир-шаха.

Феодальные круги Ирана нашли в Надир-шахе защитителя своих интересов: он упрочил их положение, много сделал для защиты их земель и власти от захватнических стремлений Турции, но Надир-шах был жестоким тираном по отношению к трудовым массам

населения, а Азербайджану принес неисчислимые бедствия. Азербайджанский народ упорно боролся против власти Надир-шаха. Пытаясь добиться полной покорности народа, желая упрочить власть Ирана над северной частью Азербайджана, Надир-шах совершил четыре похода в Ширван. В результате этих походов и действий карательных экспедиций, посланных Надир-шахом, Ширван был совершенно опустошен, население ограблено. Оно покидало свои жилища и укрывалось в горах. Поля оставались необработанными, в стране возник голод. Мирза-Адигезаль-бек, вероятно, знал обо всех этих событиях времени правления Надир-шаха, но он умолчал о них и, подчиняясь старой традиции восточной историографии, воспел Надир-шаха, хотя последний этого ни в какой степени не заслуживал.

Лишь в одном месте повествования о Надир-шахе Мирза-Адигезаль-бек правдиво коснулся действительности—имеется в виду его рассказ о том как гянджинские беглербеки из фамилии Зиадханлы противодействовали „избранию“ Надира на шахский престол. Очень ценны упоминания Мирзы-Адигезаль-бека о мерах, принятых Надир-шахом против беглербеков Зиадханлы своих политических противников. Эти сведения, сообщенные Мирзой-Адигезаль-беком, имеют особый интерес, поскольку другие источники ничего не сообщают о том, как Надир-шах вырвал поводья большой власти из рук представителей этой фамилии.

Разбирая произведение Мирзы-Адигезаль-бека, не трудно видеть, что его чрезвычайно волнует история первого карабагского хана—Панах-хана. Панах-хан показан у Мирзы-Адигезаль-бека только с положительной стороны—он храбрый, отважный, мудрый государственный деятель, основатель карабагского ханства. Правда, Мирза-Адигезаль-бек подчеркивает честолюбие в характере Панах-хана, но считает, что оно направлено на пользу строительству государства в Карабаге.

Мирза-Адигезаль-бек идеализирует Панах-хана, по-видимому, потому, что последний создал в Карабаге самостоятельное правление. Каждый успех Панах-хана в направлении расширения подвластной ему территории безусловно одобряется Мирзой-Адигезаль-беком. И, несмотря на эту идею и даже именно благодаря

ей, Мирза-Адигезаль-бек дал вполне правдивое изображение борьбы Панах-хана с меликами Карабага.

С негодованием пишет Мирза-Адигезаль-бек о попытках утвердившегося в южном Азербайджане Фетали-хана Афшара подчинить себе Панах-хана, а также о вероломстве и обмане, посредством которого Фетали-хан пленил сына Панах-хана, Ибрагима-Халил-агу. Автор не хочет признать того, что в действительности Панах-хан был сломлен и вынужден был подчиниться зависимости от Фетали-хана Афшара¹.

Искусственность построения истории Карабага в этой части и некоторая ограниченность исторического кругозора видна хотя бы из того, что Мирза-Адигезаль-бек ни одним словом не обмолвился о самом крупном государственном деятеле Азербайджана второй половины XVIII в.—Фатали-хане кубинском и его объединительной деятельности. Мирза-Адигезаль-бек среди владетелей, находившихся в зависимости от Ибрагим-хана, не показывает владетеля Кубы, о нем он даже не упоминает, несмотря на то, что Фатали-хан был наиболее серьезным противником Ибрагим-хана и в восьмидесятых годах между ними происходили крупные столкновения.

В этом же свете Мирза-Адигезаль-бек описывает подготовку к обороне и самую героическую оборону Шуши от осаждавших ее войск Ага-Мухаммед-шаха. Повествуя об этих событиях, Мирза-Адигезаль-бек упоминает имя крупнейшего из поэтов XVIII столетия—Молла Панах Вагифа.

Только в тексте „Карабаг-наме“ указывается на чрезвычайно важный факт о том, что главнокомандующий российской армией в походе 1796 г. граф В. А. Зубов во время пребывания российских войск в зимнем лагере у слияния р. р. Куры и Аракса, через сына Ибрагим-хана, Абуль-Фетх-агу, послал Вагифу посох, украшенный драгоценными камнями. Этот подарок, как обычно бывало в подобных случаях, повидимому, сделан от имени императрицы в знак благорасположения за деятельное участие в организации обороны

¹ А. Бакиханов в „Гюлистан-и-рам“ пишет: „Панах-хан изъявил ему (Фетали-хану Афшару — В. Л.) наружную покорность, отдал своего сына Ибрагим-Халил-Агу в заложники“. См. А. Бакиханов, указ. соч., стр. 130, Баку, 1926.

Шуши от иранских войск и за склонность к ориентации на Россию.

На этом Мирза-Адигезаль-бек и заканчивает свое повествование об Ибрагим-хане. Он ни словом не обмолвился о трагическом конце Ибрагим-хана. Официальные донесения, как известно, обвиняли Ибрагим-хана в измене, в попытке его в 1806 г., после убийства кн. Цицианова, перейти на сторону войск Аббас-мирзы¹.

Мирза Джамал так описывает эти события:

„В следующем 1806 году, весною, персияне, начав снова переправляться через Аракс в Карабаг, послали лазутчиков к Ибрагим-хану, чтобы уговорить его отделиться от России и вступить с ними в союз. Вся защита его состояла лишь в одном батальоне солдат, под начальством майора Лисаневича, рассчитывать на жителей, которым вследствие неурожая угрожал сильный голод, было невозможно: при первом появлении персиян они разбежались бы во все стороны. Майор Лисаневич, видя такое положение Карабага, лишённого почти всех средств защиты против непомерно сильнейшего врага, и извещенный обо всем Ибрагим-ханом, объявил последнему, что на подкрепление скоро придут русские войска и что всякая опасность со стороны неприятеля будет устранена. Между тем прибытие новых войск замедлилось и Ибрагим-хан, чтобы хоть сколько нибудь удержать и предугадать скорые действия персиян против его владения, вступил с ними в сношения, а когда они подошли на 14 верст к Шуше, то выехал вместе с семейством из Хан-багы и расположился лагерем в недалеком от него расстоянии. Это подало повод, что мы гне, подозревая в Ибрагим-хане измену нашему правительству, наклеветали на него майору Лисаневичу, так что последний был вынужден действовать противу него вооруженною рукою, причем Ибрагим-хан, вместе с младшими сыновьями и некоторыми приближенными лицами, сделалась жертвою своей неосторожности“².

¹ См. Рапорт подполк. Лисаневича ген.-м. Невзетасву, от 4 сентября 1806 г. (Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией, т. III, д. № 610, стр. 334).

² Джамал Джеваншир Карабаги, „Карабаг“, перевод с персидского А. Берге. (Газ. „Кавказ“, № 69 за 1855 г.).

Мирза-Адигезаль-бек не имел возможности в своей книге оправдывать Ибрагим-хана, потому что эти оправдания были бы ни чем иным, как обвинением российских властей, допустивших убийство Ибрагим-хана. Не мог он, очевидно, поддерживать и официальную версию, объяснявшую убийство Ибрагим-хана, изменой. Поэтому Мирза-Адигезаль-бек, описавший жизнь и деятельность Ибрагим-хана, должен был отказаться от того, чтобы сказать свое слово об обстоятельствах его смерти и вынужден был умолчать о них.

К преемнику Ибрагим-хана, своему современнику, Мехти-Кули хану карабагскому Мирза-Адигезаль-бек относится равнодушно, он не видит в нем человека, способного на большие деяния, не идеализирует его и лишь сохраняет уважение к его сану. В то же время Мирза-Адигезаль-бек с глубоким осуждением относится к тем бекам, которые в период русско-иранских войн 1805—1813 и 1826—1828 гг. отказались от российского подданства и перешли на сторону Ирана. Будучи последовательным в своей ориентации на Россию, Мирза-Адигезаль-бек не оправдывает даже лично близкого ему Мехти-Кули-хана карабагского за его участие в войне на стороне иранских войск. Из биографии Мирзы-Адигезаль-бека известно, что в значительной степени именно благодаря его содействию Мехти Кули-хан карабагский вернулся из Ирана в Карабаг. Таков круг вопросов, связанных с историей собственно Карабага.

Историю Карабага Мирза-Адигезаль-бек рисует на довольно широком фоне событий, происходивших в то время в Закавказье, поэтому в „Карабаг-наме“ имеется очень много сведений, относящихся к истории Грузии и некоторых ханств Азербайджана.

Мирза-Адигезаль-бек эпически осветил факты междоусобной борьбы Ираклия II с ханами гянджинскими, карабагскими, шекинскими и другими, имевшей место в 1751 г. во время похода Ираклия II на Гянджу.

Весьма ценны его строки о положении Ираклия II во время обороны Тифлиса от войск Ага-Мухаммед-шаха. Это описание, в котором рассказывается о несогласиях и раздорах среди членов грузинского царского дома, о неповиновении царевичей и князей Ираклию II, о беспечном отношении их к делу обороны Тифлиса, важно для нас тем, что оно сделано совре-

менником событий. В нем дана та оценка, которая сложилась среди народа в ходе этих событий и в первые годы после того, как они совершились. Из этих строк мы видим, что у Мирзы-Адигезаль-бека сильно развито патриотическое чувство, от современников своих он требовал верности, преданности и любви к родине. С глубоким сожалением рассказывает он о неустойчивости в грузинском государстве, неустойчивости, обусловившем его слабость и приведшем столицу к тому, что ей пришлось пережить ужасы нашествия иранских войск. Кратко, но достаточно глубоко, описывает Мирза-Адигезаль-бек обстоятельства, побудившие последнего царя Грузии Георгия XII просить о принятии его в российское подданство.

С осуждением относится Мирза-Адигезаль-бек к царевичам, сыновьям второй супруги Ираклия II—Дарьи Георгиевны, поднимавшим мятежи против властей, поставленных российским государством, и стремившимся с помощью Ирана или Турции захватить власть над Грузией. Мирза-Адигезаль-бек видит, что царевичи эти жаждали власти и личного благополучия и равнодушно относились к судьбе страны. Он считает, что они не способны были дать стране ни покоя, ни государственного порядка и поэтому одобряет действия российских властей, выславших в Россию этих царевичей и их мать—царицу Дарию Георгиевну.

Руководясь указанной выше мыслью о пользе мира и вреде войны, Мирза-Адигезаль-бек самостоятельно подходит к оценке событий, происходивших в связи с походом российских войск на Гянджинское ханство. Из текста видно, что Мирза-Адигезаль-бек обвиняет Джавад-хана гянджинского в том, что он не пошел по мирному пути вступления в подданство российской империи. Мирза-Адигезаль-бек не видит героизма Джавад-хана в том, что последний оборонял Гянджу против российских войск и с оружием в руках пал во время боя на крепостных стенах, более того, он считает его виновником кровопролития. При освещении всех событий он придерживается того официального описания, которое было дано в свое время. Как офицер российской армии, он по положению своему обязан был делать это, но все же, даже сквозь эту призму, можно увидеть личное отношение автора к описывавшимся событиям.

Некоторые из русских дворянско-буржуазных историков XIX в. пытались оправдать Гусейн-Кули-хана бакинского, указывая на то, что, по преданиям старожил, Гусейн-Кули-хан не имел коварного и злодейского умысла, что акт убийства кн. Цицианова был подготовлен без его ведома партией иранской ориентации, представители которой были весьма сильны в придворных кругах хана бакинского,¹ что представители этих кругов иранской ориентации, желая подчинить Гусейн-Кули-хана своей политической ориентации на Иран, совершили убийство кн. Цицианова для того, чтобы внести расстройство в российские дела в Закавказье и содействовать вторжению иранских войск в северную часть Азербайджана, а также для того, чтобы лишить Гусейн-Кули-хана возможности достичь соглашения с российским правительством. Трудно, конечно, решать эти вопросы, поскольку нет достаточных данных, которые позволили бы с уверенностью судить о замыслах и намерениях Гусейн-Кули-хана бакинского.² Тем важнее для истории те сведения, которые сообщает Мирза-Адигезаль-бек. Он пишет о том, что Гусейн-Кули-хан в сношениях с кн. Цициановым лицемерил и имел недобрый замысел. В подтверждение своих высказываний Мирза-Адигезаль-бек ссылается на тот факт, что после убийства голова кн. Цицианова была отправлена к Фетх-Али-шаху, а иранские войска наводнили бакинскую степь.

В последующие годы, а в особенности в 1826 году, во время русско-иранской войны Гусейн-Кули-хан проявил себя как ярый сторонник Ирана. Он был столь жесток в злобе своей, что в 1826 году подверг ограблению своих бывших подвластных жителей сел Апшерона за то, что они не оказали ему содействия в попытках овладеть бакинской крепостью.

В своей враждебности к иранскому государству Мирза-Адигезаль-бек вполне последователен. Если в то время, когда писалось „Карабаг-наме“, история На-

¹ Утверждение русского владычества на Кавказе, т. 1, стр. 231—233, под редакцией ген.-м. Потто. Тифлис, 1901.

² А. Бакиханов в „Гюлистан-Ирам“ пишет: „8 февраля 1806 г. во время свидания близ ворот Баку с Гусейн-Кули-ханом, сверх всякого ожидания и против всех прав народных, главнокомандующий, по наущению ли персиян или по приказанию самого хана, был убит двоюродным по матери братом его Ибрагим-беком“. См. А. Бакиханов, указ. соч., стр. 155, Баку, 1926.

дир-шаха представлялась уже ушедшей в далекое прошлое и не имевшей злободневного политического значения, то в отношении к Ага-Мухаммед-шаху и каджарам, являвшимся врагами Российского государства, Мирза-Адигезаль-бек нигде не обмолвился ни одним добрым словом. В нескольких местах он говорит о жестокости и злобности Ага-Мухаммед-шаха и самый факт его убийства связывает с его жестокостью. Между тем текст „Карабаг-наме“ позволяет предполагать в акте убийства результат заговора, в котором решающую и руководящую роль играл один из весьма влиятельных азербайджанских ханов—Садых-хан шагагийский. Недаром же преемник Ага-Мухаммед-шаха—Фетх-Али-шах, поклявшийся не убивать Садых-хана, после того, как он попал в его руки, посадил его в пустую комнату, в которой и умерил голодом.

В некоторых местах своего сочинения Мирза-Адигезаль-бек останавливается на вопросе об отношении народных масс к иранскому государству. Так, после того как был убит кн. Цицианов, а иранские войска хлынули в Карабаг и бакинскую степь, Мирза-Адигезаль-бек пишет: „В этих вилайетах иранские законы провели в жизнь, (край) был подчинен иранским порядкам, не имеющим основы, вследствие чего вилайеты находились накануне вспышки восстания“. И это безусловно верная оценка настроений народной массы.

К сожалению, Мирза-Адигезаль-бек совершенно неправильно осветил отношение масс населения Карабага к российским и иранским войскам в период русско-иранской войны 1826—1828 гг. Участник событий этой войны, он за множеством отдельных фактов не увидел общей картины обстановки, в которой происходили военные действия.

После поражения армии Аббаса-мирзы под Гянджой ген. Ермолов о Карабаге писал: „Аббас-мирза едва лишь решится дать еще одно сражение в Карабаге, ибо ожидаю я, что жители онога.... не только не дадут никакого средства продовольствия, но будут даже истреблять рассеянные его войска, между коими ужас умножает беспорядок“¹.

Аббас-мирза знал, что если русские войска не бу-

¹ Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова, от 17 сентября 1826 г. (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 686, стр. 378).

дут охвачены огнем народной войны против них, то они, несмотря на свою малочисленность по сравнению с иранскими войсками, все же нанесут им поражение. План Аббаса-мирзы заключался в том, чтобы поднять местные восстания, распылить и раздробить силы российских войск и уничтожить их по частям. Этот план не удалось осуществить и, прежде всего, потому, что основная масса азербайджанского крестьянства не подняла оружия против российских войск.

Мирза-Адигезаль-бек в своем сочинении отмечает факты измены некоторых беков, находившихся на службе в российской армии, при чем с этими фактами связывает наиболее крупные неудачи и поражения, понесенные российскими войсками. Примером этого является судьба трех рот 42-го егерского полка, уходивших из Герюси в Шушу; после того, как в Карабаг летом в 1826 г. вторглись значительные силы иранских войск. Этот отряд был уничтожен вследствие того, что капитан Гаджи-Агалар-бек изменил и вместе с беками, перешедшими на сторону Аббас-мирзы, и отрядом курдов помогал иранским войскам в преследовании отступавших рот и истреблении их.

Если учесть обстоятельства начала войны 1826 г., когда на границе с Ираном стояли отдельные посты, не трудно будет видеть, что Ермолову не удалось бы стянуть разбросанные на большой территории воинские силы к Тифлису, если бы местное население подняло против них оружие и преградило бы им путь.

Таким образом, приводимые в самом сочинении сведения, указывают на то, что Мирза-Адигезаль-бек сильно сгустил краски в изображении неверности карабагцев, их измены России. Такое сгущение красок, очевидно, нужно было автору для того, чтобы на этом мрачном фоне ярче обрисовать свою стойкость, приверженность и преданность России. В этой части сочинение Мирзы-Адигезаль-бека отвечает указанному выше замыслу автора, что становится очевидным при сопоставлении текста, описывающего начало войны, с освещением тех же событий в автобиографии.

Как офицер российской армии, Мирза-Адигезаль-бек с большой гордостью отзывается о силе и мощи российских войск. Нужно сказать, что в значительной мере эта оценка правильна, потому что русские солдаты в войне с Ираном действительно проявили и стойкость,

и мужество, и храбрость, и презрение к смерти. Много раз им приходилось сражаться с неприятелем, во много раз превосходившим их по численности, и все же они одерживали блестящие победы.

Сочинение Мирзы-Адигезаль-бека не следует рассматривать как труд, по которому можно изучать историю Карабага или историю русско-иранских войн 1805—1813 и 1826—1828 гг. В нем нет ни достаточной полноты в описании событий, ни полного объяснения причин, а также оценки их значения.

Достаточно указать хотя бы на то, что о крупных военных поражениях, которые иранская армия потерпела осенью 1812 и в начале 1813 гг., Мирза-Адигезаль-бек ничего не пишет, например: о поражении, нанесенном иранской армии под Асландюзом,¹ а также о штурме и взятии российскими войсками крепости Ленкорани.²

Не останавливается Мирза-Адигезаль-бек на оценке значения поражения в России армии Наполеона и влиянии этого факта на исход русско-иранской войны 1805—1813 гг.

Ничего не пишет автор о значении в истории Азербайджана Гюлистанского и Туркманчайского мирных договоров.

Можно было бы отметить еще немало событий и важных вопросов, на которых автор не останавливает своего внимания.

Таким образом, „Карабаг-наме“ в отношении полноты освещения событий не является пособием, по которому можно было бы изучать историю того или иного периода. Совершенно ясно также, что у автора этого сочинения подчас и вовсе отсутствуют объяснения причинной связи событий и оценки значения их.

Произведение „Карабаг-наме“ имеет нарративный (повествовательный) характер в той части, где описываются события XVIII века, поскольку автор почерпнул сведения о них, главным образом, из рассказов

¹ Предписание ген. Ртищева д. с. с. Малинскому, от 26 октября 1812 года, № 488. (АКАК, т. V, д. № 841, стр. 683). Ср. Всеподданнейший рапорт ген. Ртищева, от 31 октября 1812 года, № 78. (АКАК, т. V, д. № 843, стр. 684).

² Отношение д. с. с. Малинского к ген.-Портнягину, от 26 января 1813 года, № 61. (АКАК, т. V, д. № 853, стр. 699). См. также Всеподданнейший рапорт ген. Ртищева, от 28 января 1813 г., № 31 (АКАК, т. I, д. № 854, стр. 70).

стариков, и в той части (история XIX в.), где автор описывает современные ему события, этот источник, именно благодаря указанному обстоятельству, представляет большую ценность и достоверность как документ, составленный в тот период, история которого в нем излагается.

Сам Мирза-Адигезаль-бек об источниках, которые он использовал для написания „Карабаг-наме“, сообщает во введении следующее: „В прошлом я служил в Грузии у наместников и прочих начальников, зная различные языки, расспрашивал грузинских, армянских и мусульманских седовласых старцев о некоторых событиях и был всесторонне осведомлен о них. Ввиду этого я принялся за выполнение поручения его высокоблагородия¹ и попросил Мирзу Гусейна-Мухаммед-ага оглы под псевдонимом Салари изложить в красивых и подходящих выражениях все то, что я ему поведаю“.

Следует отметить, что Мирза-Адигезаль-бек указал не на все источники, из которых он черпал сведения. Сопоставляя текст „Карабаг-наме“ Мирзы-Адигезаль-бека с текстом сочинения Мирзы Джамала „Карабаг“, легко увидеть, что оба сочинения имеют один и тот же план изложения событий, в обоих в основном описываются одни и те же факты.

Мирза-Адигезаль-бек в „Карабаг-наме“ нигде не упоминает о том, что он был знаком с сочинением Мирзы Джамала и что он пользовался им при написании своего труда, однако вряд ли может возникнуть сомнение в том, что Мирза-Адигезаль-бек был знаком с трудом своего предшественника.

После смерти Моллы Панах Вагифа, Мирза Джамал был визирем у Ибрагим-хана карабагского. Мирза Джамал старше Мирзы-Адигезаль-бека. Он был современником событий последних десятилетий XVIII столетия и по своему положению был человеком хорошо осведомленным в истории Карабага. Свое сочинение он написал раньше Мирзы-Адигезаль-бека и последнему оно, конечно, не могло остаться неизвестным.

Изложенное выше, однако, не следует понимать в том смысле, что Мирза-Адигезаль-бек просто пересказал текст произведения Мирзы Джамала. В „Карабаг-

¹ Тифлисского вице-губернатора, подполковника Миханла Петровича Колюбакина.

наме“ Мирзы-Адигезаль-бека имеется немало фактов, о которых Мирза Джамал совсем не упоминает. У Мирзы-Адигезаль-бека описан гораздо более широкий круг исторических событий нежели у Мирзы Джамала. Достаточно сказать, что в своем сочинении Мирза-Адигезаль-бек уделил внимание следующим вопросам: происхождению меликов Карабага, государственной деятельности Вагифа, сравнительно подробному описанию обороны Шуши от войск Ага-Мухаммед-шаха, политическому состоянию Грузии накануне нашествия Ага-Мухаммед-шаха, обороне Тифлиса против иранских войск, разрушению и ограблению Тифлиса иранскими войсками, воцарению Георгия XII, вступлению Грузии в подданство Российской империи, восстаниям, поднятым царевичами, выступившими против Георгия XII, и целому ряду других вопросов из истории Грузии. Помимо указанного, Мирза-Адигезаль-бек описывает походы царских войск в Джары, поход к Баку и убийство Цицианова, ряд других событий войны 1805—1813 гг. и, наконец, русско-иранскую войну 1826—1828 гг.

По большей части перечисленных вопросов в произведении Мирзы Джамала никаких сведений нет. Сопоставление содержания текстов Мирзы-Адигезаль-бека и Мирзы Джамала показывает, что у Мирзы-Адигезаль-бека картина описанных событий значительно шире нежели у Мирзы Джамала.

Мирза Джамал изложение истории Карабага доводит до 1813 года, до заключения Гюлистанского мирного договора, Мирза-Адигезаль-бек изложение событий доводит до 1828 года, до заключения Туркманчайского мира. Таким образом, Мирза-Адигезаль-беку принадлежит первое в азербайджанской историографии описание русско-иранской войны 1826—1828 гг.

Описание событий этого времени, составляющее двенадцатую главу произведения, несмотря на краткость изложения, дано достаточно полно. Можно сказать, что из массы событий русско-иранской войны 1826—1828 гг. Мирза-Адигезаль-бек выделил все наиболее существенное и изложил это в строго хронологическом порядке.

Мирза-Адигезаль-бек, как уроженец карабагский, служивший при Мехти-Кули-хане, а затем в шушинском городском суде, мог бы сообщить много ценных сведений о разделении Карабага на магалы, о припод-

ных богатствах и исторически сложившихся особенностях хозяйства каждого из магалов, о податях и повинностях, которыми было обложено оседлое и кочевое население Карабага, об управлении Карабагом при ханах и т. д. В тексте Мирзы-Адигезаль-бека перечисленным вопросам специальных глав не отведено. Из него по указанным выше вопросам можно извлечь лишь отдельные разрозненные сведения, сообщенные в ходе изложения политической истории Карабага.

Мир-Мехти-Хизани, писавший историю Карабага после Мирзы-Адигезаль-бека, первую главу своего сочинения отвел для описания географии Карабага, чем отчасти восполнил пробел сочинения Мирзы-Адигезаль-бека.

Как видно из последних строк двенадцатой главы „Карабаг-наме“, автор имел намерение по окончании войны в Дагестане описать события русско-турецкой войны 1828—1829 гг, а возможно и события войны в Дагестане, но это намерение его не было осуществлено: война в Дагестане, как известно, закончилась лишь в 1859 году, т. е. спустя более чем десять лет после смерти Мирзы-Адигезаль-бека.

Труд Мирзы-Адигезаль-бека богат конкретно-историческим содержанием.

Автор старательно и с любовью собрал большой материал по истории Карабага и отчасти Закавказья. Он с большим вниманием отнесся к событиям, обусловившим дальнейшую историческую судьбу его родины.

„Карабаг-наме“ является одним из наиболее замечательных памятников азербайджанской историографии сороковых годов XIX в.

Это произведение, безусловно, будет широко использовано при изучении истории данного периода.

В. Н. Левиатов

КАРАБАГ-НАМЕ

Azərbaycan Milli Kitabxanası

Azərbaycan Milli Kitabxanası

...¹ (Спустя некоторое время, после того как над Карабагской областью была установлена власть российского государства)... одним из правителей (в нем) был господин подполковник Михаил Петрович, сын генерала Колюбакина... Он всегда проявлял рвение к познанию событий прошлого. Подполковник особенно хотел изучить историю карабагских ханов и основателя города.² Поэтому он попросил меня—капитана Мирзу-Адигезаль-бека, в кратком виде описать вышеупомянутые события, ибо я в прошлом служил в Гюрджистане (Грузии) у сардаров (наместников) и у эмиров (начальников), знал языки и различные наречия, отличающиеся друг от друга, расспрашивал грузинских, армянских и мусульманских пожилых людей о некоторых событиях и был всесторонне осведомлен о них. Ввиду этого я принялся за выполнение поручения его высокоблагородия и попросил Мирзу-Гусейна-Мухаммед-Агу-оглы под псевдонимом Саларя изложить в красивых и подобающих выражениях все то, что я ему поведаю. Надеюсь, что это краткое сообщение, не лишенное недостатков, отразится в зеркале народного восприятия, а также будет служить всемоу³ прозорливых глаз знати и простонародия. Эти скудные сведения состоят из предисловия и нескольких глав...

¹ Многократно как здесь, так и в других местах отмечены опущенные части текста, не содержащего исторических сведений.

² Т. е. города Шуши.

³ Весьма—специальная краска для ресниц и бровей, приготовляемая из разведенных на воде чернильных орешков. Образное выражение это имеет тот смысл, что книга поможет ознакомиться с историей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПОЯСНЯЕТ В КАКОМ ГОДУ НАПИСАНА ЭТА ИСТОРИЯ

Прошли века, минули годы и месяцы, летоисчисление хиджры насчитало 1261 год, а по русскому летоисчислению наступил 1845-ый год...¹ (Когда приступили к написанию настоящего сочинения).

¹ 1261 год хиджры начался 10 января, а закончился 29 декабря 1845 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОВЕСТВУЕТ ОБ ЭПОХЕ УПАДКА ИРАНА, ВОСШЕСТВИИ НА ТРОН НАДИР-ШАХА И О ДРУГИХ ПРОИСХОДИВШИХ СОБЫТИЯХ

Следствием каприза изворотливой фортуны и движения неподвижных (вращающихся вместе с небесным сводом) и подвижных звезд начало закатываться солнце государства сефевидских царей.

...Месяц этого государства достиг своего предела и вступил в последнюю фазу уничтожения и исчезновения... (Иран) был ограблен окружающими жестокими (похитителями) и превратился в прах под ногами врагов. Каждым его именем овладел самостоятельный правитель. В каждом его вилайете стал властелином вали¹, обладавший величием и высокой степенью. Ветер (порыв) их жестокости и насилия, горячий ветер их упрямства и тирании превратили тот сад в голую степь. Наконец, ветер власти и храбрости Гырхлы² Надир-шаха Афшара... начал дуть с раеподобного Абиверда из области Хорасанской... (После многих сражений) на широкой муганской степи остановился на зимовку и стал возводить чертоги и строить дома³.

Надир-шах в 1148 году⁴ созвал (в том месте) курултай знатнейших людей страны и старейшин вилайе-

¹ Вали, по-арабски — правитель.

² Гырхлы — племенное наименование.

³ Имеется в виду Тахмасп-Кули-хан, в марте 1736 г. провозглашенный на Мугани шахом. По принятии шахского титула стал именоваться Надир-шахом.

⁴ 1148 г. хиджры начался 21 мая 1735 г., а закончился 11 мая 1736 г.

тов¹, каждый из коих был крепчайшим столбом трона и опорой государственного здания. Собралось около ста тысяч знатных, достойных людей, эмиров и вождей. Открылся курултай.

В то время, когда еще чаша жизни шаха Тахмасиба Сефевидов виночерпием вселенной не была наполнена горьким шербетом смерти, когда четырехлетний его сын Аббас-мирза еще не был лишен отца и его сладкие и алые, как яхонт, губы отдавали молоком (когда он, находясь) еще в колыбели жизни был опьянен сном невозмутимого покоя. Надир-шах, нанизав нижеследующие слова на нити, как жемчужное зерно, обращаясь к знатым людям государства, сказал: „Ясно, как светлое солнце и луна четырнадцатой ночи, что в иранской земле, требующей расширения, каждый дом (клетка) подвергался вторжению опьяненного слона,² что в области Ирана со всех сторон, подобно пешкам, вторглись безымянные повстанцы и каждая ничтожная пешка превращала на доске Ирана начальника конницы в шута перед миром, каждая пешка, становясь королевой, стремилась сесть на иранский престол и делала мат вельможам государства и членам династии сефевидов. Моя ревность игрока в нарды не могла согласиться с этим. Два зара³ состояния и существа моего взял я в руки упования и настойчиво на нее (руку) полагаясь, пустился я по дебрям и пустыне мира, состоящего из четырех элементов.⁴ Прибегая к тысячам уловок, к тысячам хитростей и приманок, охмеленному противнику вскружил я голову на шешдаре⁵ изумления, пока узоры моей цели не начали (проявляться) на страницах бытия. Таким образом опустошенную страну Ирана я спас от врагов. Теперь вот вам шах Тахмасиб и его сын Аббас-мирза, оба светила неба благородства и счастливые звезды сферы царства. Кого из них вы найдете достойным царского трона, достойным занять место властителя мира.

¹ Вилайет—округ, провинция.

² Надир-шах описывает расстройство дела и упадок государственной власти в Иране в период правления последних сефевидов—шаха Гусейна (1694—1722) и шаха Тахмасиба II (1722—1731) путем сравнения всех событий с шахматной игрой.

³ Зар—игральная кость.

⁴ Имеется в виду земля, вода, воздух и огонь.

⁵ Шешдир—шахматная доска, вселенная.

я без всякого возражения и сопротивления вместе с вами ему подчинюсь¹, и, колечко покорности надев на ухо, в служении ему буду готовым жертвовать собою, и приказы его к исполнению приму, и искренно буду следить за исполнением его указов"... Надир-шах, (не видя) вокруг себя... более достойного трона, чем он сам, взошел на престол.

Государственный трон принял его, как возлюбленного, в свои объятия...

Гянджинские ханы, происходившие из Каджар и известные по имени Зияд-оглу... всему миру они были известны как беглербеки и сардары, облеченные властью и самостоятельностью. Граница гянджинского ханства с Гюрджистаном проходила выше „Сынык-керпю“² близ „Сури-Даша“ и с Азербайджаном у Худааферинского моста.³ Бывало время, когда от знамени правления гянджинских ханов на Дар-ус-сурур⁴ падала тень мира и спокойствия, все население Тифлиса подчинялось их власти. Гянджинские ханы на муганском курултае тайно и явно, с исключительным рвением стремились к тому, чтобы никто, кроме сефевидов, не был бы царем, чтобы никто, кроме них, не воссел на трон. Оказывается о всех их мыслях и словах доносили Надир-шаху...

Надир-шах, имея в виду, что потомство Зияд-оглу старинное и очаг их пережил много поколений, не счел удобным применить к ним иного наказания, как только того, что илатов Казаха и Бошчалу (Борчалов) со своими ханами подчинил эмирам Гюрджистана и высоко поставленному вали.⁵ Население же Джеваншир, Отузики и Кебирли, входящее в состав илатов Карабага, было приказано переселить в местность Сарахс Хорасанского вилайета. Было приказано отвести им там участок для постоянного поселения.

¹ В то время, когда происходила описываемое собрание на Мугани, пришло известие о том, что младенец Аббас-мирза скончался.

² Сынык-керпю, по-азербайджански—„Сломанный мост“, так называется „Красный мост“ на р. Храме.

³ Под Азербайджаном автор в данном случае имеет в виду только южные части Азербайджана.

⁴ Дар-ус-сурур—по-арабски буквально „дом веселья“, эпитет гор. Тифлиса.

⁵ Вали—наместник. Так иранцы титуловали царей Грузии.

Меликам Хамсе¹ было дано повеление о том, чтобы они сбросили с шеи знати и простонародья цепи покорности гянджинским ханам и считали бы себя свободными от них и всякие свои прошения и требования направляли бы непосредственно на имя властелина.²

Таким образом, гянджинские ханы всецело лишились своих прав и полномочий, узда власти выпала из их рук, и они оказались в положении птицы с поломанным крылом.

¹ Хамсе—по-арабски „питерница“. Так называли пять месяцев Карабага.

² Надир-шаха.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОВЕСТВУЕТ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И О РОДОСЛОВНОЙ ПОКОЙНОГО ПАНАХ-ХАНА

Панах-Али-бек, прадед Панах-хана, происходил родом из Сарыджаллу.

В те дни дела гянджинских ханов шли хорошо и улучшались изо дня в день. И вот в те самые дни он отправился в Гянджу и поступил на службу к упомянутым ханам, но вскоре гордая натура Панах-Али-бека не смогла примириться с таким унижительным для него положением, ибо он считал себя выше тех, приказы которых должен был выполнять. Он пришел в Джеванширский оймак¹ Карабагской области. Молодое и сильное, как лев, счастье стало благоприятствовать ему: он очень разбогател, а затем женился. От него родился на свет счастливый и милый сын. Младенцу этой светящейся звезды небес величия и славы дали имя Али. Подобный солнцу лик его излучал янтарные лучи и привлекал к себе родителей, как янтарь притягивает к себе соломинку. Родители от сильной любви к нему прозвали его Сарыджа-Али.²

Сарыджа-Али обладал огромным богатством и влиянием. Путники, проходившие мимо: пастухи, батраки, слуги, овцеводы, табунщики, собрались вокруг него. Их число все время увеличивалось и, наконец, все

¹ Оймак — нарицательное наименование каждого из родов, входящих в состав племени, а также территории, занятой каким-либо родом.

² Желтый Али.

они составили целое оба.¹ Оба это получило наименование Сарыджаллу. Несметное богатство—этот божий дар—увеличилось еще больше, когда все это состояние перешло в руки Ибрагим-Халил-аги. Слава об этом богатом доме разнеслась по всему свету. Ибрагим-Халил-ага располагал имением и садом в Агдаме. В Арасбаре и на берегу (Аракса) он имел мюльк², пастбища и загоны. На яйлаге³ он имел дворец под названием Ибрагим-Халил-каласы. Все это было красноречивым доказательством величия и славы Ибрагим-Халил-аги.

В то время когда Надир-шах набирал себе войско в Джеваншире, он нашел нужным взять к себе в качестве намба⁴ и эшик-агасы⁵ старшего сына Ибрагим-Халил-аги, проворного и доблестного Фазлали-бека, у которого на лбу сверкал блеск благородства, а на лице—солнце высокого происхождения. Предопределением бога и в силу превратности фортуны он, прощенный богом, был убит и, когда погасла эта счастливая звезда башни счастья, Надир-шах вызвал к себе его младшего брата Панах-Али-бека, дав ему чомак (посох) в руки, украсил его одеянием, присущим сану эшик-агасы и наделил его правами покойного старшего брата. Он несколько дней честно и аккуратно выполнял свои обязанности, но, во-первых, испытывающие, грозные взгляды, бросаемые порой в его сторону Надир-шахом, и его преднамеренно злобное обхождение с ним подсказали Панах-Али-беку, что надо быть осторожным, ибо Надир-шах не промедлит пресечь корень такого отважного и смелого молодца как он; во-вторых, ходить с чوماком в руках, стоять, склонившись (перед Надир-шахом), и быть собеседником есаулов, он считал ниже своего достоинства, почему и решил совершить побег.

Панах-Али-бек приехал в Карабаг и там из (числа) своих высоких родичей, потомков Халила, собрал вокруг себя несколько человек единомышленников. В ожидании и в надежде на то, что взойдет лучезарное

¹ Оба—кочевье.

² Мюльк—по-арабски, имение.

³ Яйлаг—по-азербайджански, летнее пастбище.

⁴ Намб—в данном случае употреблено в смысле, обозначающем придворного чиновника для поручений.

⁵ Эшик-агасы—чиновник, надзирающий за дворцом правителя.

солнце его могущества и настанет день свидания с красавицей власти, он путешествовал по стране. Слава о нем, как об отважном, доблестном муже, о его стойкости и неустранимости приводила всех в содрогание: и стар и млад все трепетали при произношении его имени. Если бы его грозный, как у льва, вид, стан его, гибкостью напоминающий пантеру, приснились бы в глубоком сне его врагам, характером напоминающим гиену, так они от этого кошмара соскочили бы (с постели) и как зайцы не могли бы больше сомкнуть своих очей.

Если, примерно, Рустам сын Зала¹ затянул бы пояс с целью вступить с ним в бой, то, испытав удары его стрел и кровожадного меча, опустил бы свой щит перед ним.

„Если бы живописец увидел его, то он от удивления уронил бы все изображения свои“.

Сколько бы Надир-шах своим острым, всесильным, подобно року, пером ни писал азербайджанским и ширванским ханам и ни посылал эти приказы через быстроходных гонцов, сколько бы он настойчиво и властно ни требовал поимки этого сокола небес отзаги, это не удавалось никому. Он то охотился в Ширванской степи за сернами, то наслаждался в лугах Карабага. С каждым днем еще больше укреплялось его положение. Но случилось так, что вследствие игры изменчивого рока Надир-шах в 1160 году в месяце джумади-ал-ахире² в Хорасанской области был убит.

Весть о гибели шаха распространилась и не сходила с уст народа. Куда-бы Панах-Али-бек, находившийся под покровительством бога, как разгоряченный рев и разъяренный дракон, ни направлял силу своего удара, на кого-бы ни обрушивался как ураган, все метал на своем пути, как щепку, ломая сопротивление врага. Никто не мог противостоять его силе и напору и превращался в прах. Так проходили его дни до тех пор, пока население Джеваншира, Кебирил, Атуз-ики и илаты Гюрджистана в силу поговорки „любовь к родине исходит из веры“, обуреваемые лю-

¹ Рустам и Зал — богатыри древнеиранского эпоса.

² Месяц джумади-ал-ахир 1160 г. х. начался 10 июня, а закончился 8 июля 1747 г.

бовью к своей родине, не тронулись из Хорасана обратно и не вернулись к своим родным очагам. (Панах-Али-бек) обеспечил вернувшимся приют, осыпал их своей милостью, удовлетворив их нужды, заключил их под свое заботливое крылышко.

Так общество вновь ожило и укрепилось. Молва об этом дошла до Амир-Аслан-хана¹, владетельного и полномочного сардара Али-Кули-шаха², племянника Надир-шаха, сына Ибрагим-хана. Али-Кули-шах взошел на престол после Надир-шаха и украсил своим именем Адиль-шаха чекан денег и мемберы³.

Амир-Аслан-хан приехал для встречи с Панах-Али-беком и удостоился чести видеться с ним. В тот же вечер он даровал ему титул султана⁴, а на другой день Панах-Али-беку было присвоено звание хана. Амир-Аслан-хан предложил ему признать над собою власть Адиль-шаха. Панах-Али-хан дал на это свое согласие и по требованию момента принял его подданство.

Амир-Аслан-хан довел об этом до сведения Адиль-шаха. Адиль-шах, в свою очередь, послал Панах-хану ферман, утверждавший его в звании хана, и сопроводил его ценными подарками: кинжалом, украшенным драгоценными камнями, и многим другим. Титул хана дан был покойному Панах-хану Адиль-шахом. Наконец, внук Надир-шаха Шах-Рух-мирза взошел на престол и казнил Адиль-шаха. Правитель же Караджадага Кязым-хан заключил под арест сардара Амир-Аслан-хана...

¹ Амир-Аслан-хан—один из военачальников Надир-шаха, правитель г. Тебриза. (Джемал Джеваншир Карабаги, „Карабаг“, газ. „Кавказ“ № 65, 1855 г.).

² А. Бакиханов пишет: „Али-Кули-хан короновался под именем Али-шаха“. (А. Бакиханов, „Гюлистан-Ирам“, стр. 125, Баку, 1926 г.).

³ Мембер—кафедра в мечети, с которой читаются проповеди и молитвы (хутбе) с упоминанием имени правителя.

⁴ Султан—в XVIII веке титул феодалов, стоявших ниже ханов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОБ ОСНОВАНИИ КРЕПОСТИ БАЯТ И О ДРУГИХ СОБЫТИЯХ

Как только покойный Панах-хан достиг титула хана, чего он все время желал, судьба, наконец, украсила его стан одеянием власти. Он думал про себя о том, что нельзя положиться на изменчивую фортуны, что никогда нельзя верить в прочность счастья и в то, что богатство будет вечно сопутствовать одному и тому же лицу. Он думал (о том), что нельзя доверять хитрости матерого волка превратной судьбы, беспрестанно меняющей свой лик. Фортуна хитра и коварна, она перекрашивается в любые цвета. Умный и знающий человек не должен верить судьбе, меняющей свои цвета, и ее хитрости и низости, поэтому не подобает более проводить времени в степи. Там достичь цели невозможно, во что бы то ни стало надо построить мощную крепость, чтобы в трудные минуты можно было там укрыться. Насколько ни был бы силен лев, он должен иметь свое логовище. Если орел и есть царь птиц, если все птицы и трепещут перед его цепкими когтями, все же он обязательно должен обосноваться в каком-то гнезде. Это необходимо для того, чтобы и они в трудные минуты могли спасти себя от петли невзгод и опасности, грозящей от врага.

Так, в 1161 году¹ в Баяте он построил убежище, окопы и дворец. Вследствие этого сердце населения Отуз-ики и Джеваншира, существо которых было замешено на воде зависти, недоброжелательства и злобы,

¹ 1161 г. хиджры начался 2 января, а закончился 22 ноября 1748 г.

загорелось пламенем вражды. В их мозг ударила страсть злости. Они всегда усиленно стремились к уничтожению этого государства и привлекли на свою сторону в качестве союзников меликов Хамсе и обратились к Гаджи-Челеби шекинскому, являвшемуся в то время суверенным и полновластным правителем Ширваната. Они написали (Гаджи-Челеби) письмо и поставили его в известность о том, что Панах-хан взшел на престол, строит крепость и сооружает укрепления, и что, если его затея своевременно не будет уничтожена, впоследствии невозможно будет устоять перед ним.

Стих:

„Если деревцо только еще прививается, то силой лишь одного человека может быть вырвано с корнем. Если же это деревцо в течение долгого времени предоставить самому себе, то и плугом невозможно будет вырвать его корни“.

Гаджи-Челеби поддался на эту хитрость и начал свои козни. Он собрал все войско Ширваната от Дербенда до Джар и Белакан, не ведая того, что:

Стих:

„Если светильник зажжен самим богом, кто гасить его станет, может лишь свою бороду спалить“.

(Гаджи-Челеби) с несметным войском и пышностью, не поддающимся описанию, приступил к крепости Баят и окружил ее со всех сторон. Панах-хан, заранее осведомленный о походе, собрав всех своих илатов, сообщил им об этом и укрылся с ними в окопах. Гаджи-Челеби пришел и осадил крепость. Не было дня, чтобы не происходили стычки и столкновения. Наконец, Гаджи-Челеби, не достигнув цели и понеся большие потери, ударил в барабаны отступления. Гаджи-Челеби, возвращаясь, сказал:

„Панах-хан до сих пор был подобен серебру без чеканки. Мы же пришли отчеканили это (серебро) и вернулись обратно“.

Это выражение стало поговоркой среди народа.

После этого события Панах-хан подумал: лишь недавно я встал на ноги, население Джеваншира, Отузники выступает против меня, мелики Хамсе враждуют

со мной. Я должен обосноваться в более укрепленном, неприступном и неуязвимом месте. Я не должен безразлично относиться к козням и посягательствам врагов. (Придя к тому заключению) он, разрушив крепость Баят, прибыл в Тарнакут¹, расположенный у подножья холма, где имеется известный источник Шахбулагы. Здесь воздвиг крепость, построил из извести и камня дома, мечети, бани и торговые ряды. Все это строительство было закончено в 1165² году, и он обосновался там.

Он усиливал вражду между меликами Талыша³ и Чилабурда (Джераберда), день ото дня разрывал их дружеские узы, растранивал их союз. В это время варадинский Мелик-Шахназар, безумно влюбленный в томные очи красавицы власти, желая обнять серебряного кравчия меликства, отравил своего дядю по отцу, Мелика Гуси, оповестить мир о том, что он достиг меликства и сел на престол. Когда молва об этом дошла до меликов Хамсе, они, гонимые ненавистью к Мелик-Шахназару, стали на путь вражды к последнему. Они говорили: „Почему ты восстал против родного дяди, которому ты должен был подчиниться“. И все мелики отправились для низвержения и наказания Мелик-Шахназара. Пока эти четыре мелика подошли, Мелик-Шахназар укрепил крепость Чанахчи и заперся в ней.

Мелики Хамсе пришли, ограбили весь магал Варанды, но крепость они взять не сумели и, не достигнув цели, с горькой печалью в душе вернулись обратно. Они поклялись друг другу в том, что вернутся весной вновь и возьмут крепость.

Мелик-Шахназар почувствовал свою слабость от того, что крылья его были сломаны. Так как он был дальновидным, то решил в знак искренней преданности вдеть в ухо кольцо покорности и приложить лицо свое к порогу хана, лелеющего рабов, опоясаться поясом верноподданности в отношении хана. Он всячески подчеркивал свое благорасположение и любовь к хану.

¹ Тарнакут находится в среднем течении Тертера.

² 1165 г. хиджры начался 20 ноября 1751 г., а закончился 7 ноября 1752 г.

³ Мелики Талыша так назывались по сел. Талыш, где они имели свое местопребывание. Впоследствии стали называться меликами гулистанскими, потому что резиденцию свою они перенесли в крепость Гулистан, находившуюся в верховьях реки Инджа-чая, примерно, в 25 верстах на юго-восток от Гянджи.

Это он напомнил о существовании того места, где ныне расположена Шуша. Это он расхвалил хану красоту этой местности, привел его и показал ему ее. Высокопоставленному Панах-хану место очень понравилось, и он на том (месте) приступил к постройке города и избрал его для своего пребывания.

После того, как Панах-хан там обосновался и, укрепив крепость, избрал ее центром своих владений, он освободил Мигринский, Гюнайский (Гюйнекский) магалы¹ и земли, простирающиеся до Баргушата², от владчества карадагского правителя и подчинил их себе. Магалы Татев и Сисиан он отнял у правителя Нахчевана. Капан и Зангезур он отнял у тебризского беглербека. Он захватил местность вдоль реки Тертер, начиная от селения Ушаджыг до границы Гекджа (Гокчи), где жили коланинцы, подчиненные иреванскому правителю. Далее (Панах-хан) подчинил своей власти земли, (простирающиеся) от моста Худааферин до реки Кюрекчая, находившиеся во власти гянджинских правителей.

Помимо всего этого, нахчеванское племя Кенгерлу, подчинявшееся одному тысячнику, и известное племя Демурчи-Гасанлу, являвшееся ветвью грузинских Демурчи-Гасанлу и подчинявшееся также одному тысячнику, а также известное в Гюрджистане племя Джинли, подчинявшееся своему тысячнику, наслышавшись о справедливости, милосердии и величии Панах-хана, добровольно явились к нему и, поручив себя его высокому покровительству, обосновались в Карабаге. Все эти племена за свою преданность и беззаветную любовь к хану, удостоивались внимания и высокой милости его. В их поведении и действиях не было чего-либо предосудительного, могущего вызвать хотя бы малейшее сомнение у хана в отношении их преданности к нему.

Коренными илатами Карабагского вилайета, кроме сельчан являлись джеванширцы, отузикинцы и кебирлинцы. Кебирлинцы со всей преданностью и неописуемой верностью служили покойному хану, обитающему ныне в раю. Но джеванширцы и отузикинцы порою совершали такие действия, которые заставляли хана заподозрить их в измене.

¹ Магал употреблено в значении округ. Названные магалы находятся в местности, где Зангезурские горы подходят к Араксу.

² Баргушатский магал расположен по р. Баргушат-чай, правом притоке р. Акера-чай.

Каждый из пяти магалов, известных под общим названием Хамсе, имел свое наименование. И так как упомянутых нами магалов было пять, то они вместе назывались Хамсе, ибо на арабском языке хамсе—это значит пятерка.

Один из этих магалов называется Дизак. Мелики этого магала назывались Мелик-Еганами. Это беженцы из Лори. Титул мелика они получили в царствование Надир-шаха и, согласно указу последнего, они сели на престол меликства.

Вторым магалом (из пяти) является Варанда. Их меликами являлись Мелик-Шахназарлы. Они происходили из более старинной фамилии чем предыдущие и пользовались большим доверием. Мелик-Шахназарлы—знатные люди местности Гекджа (Гокчи), откуда они бежали и, прибыв в Карабаг, опьянились властью меликства в Варандинском магале.

Третий (по счету) магал—это Хачин. Меликами Хачина являлись потомки Гасан-Джалальяна. (Они) собою украшали невесту власти. Когда же эта фамилия лишилась самостоятельности и звания мелников, красавица меликства стала виночерпием пиршества различных людей, опьяняя их чаркой власти. И (это продолжалось) до тех пор, пока не показались на горизонте власти лучезарные знамена Панах-хана Джеваншира и не осветили своим ярким блеском Карабагский вилайет. В это самое время хынзырстанский¹ Мелик-Мирза-хан за свою преданность и благорасположение, согласно указаниям деятелей этого долговечного государства, стал чеканить монету меликства от имени Панах-хана, чистого как серебро. После него, как говорится в поговорке:

•Очередь каждого лишь пять дней“, сын его Мелик-Аллахверди и внук Мелик-Каграман подняли до небес знамя меликства.

Четвертый магал—это Чилабюрд (Джераберд). Меликом этого магала был Мелик-Аллах-Кули. Его род пришел сюда из Магавиза² (Магавуз) и сделались они меликами и обосновались на реке Тертер на недоступном, трудно-переходимом месте, называвшемся Джер-

¹ Хынзырстан—селение в Нагорном Карабаге, примерно, в 25—30 км к северо-западу от Шуши.

² Магавуз—селение в Зангезуре. Селение Чардахлы в Карабаге в верховьях Тертера, куда переселился Мелик-Аллах-Кули, тоже иногда именуют Магавузом.

мых¹. Избрав крепость Джермых своим убежищем, они овладели местностью Чилабюрд (Джераберд) и стали независимыми владетелями его, где и получили известность.

Когда между Надир-шахом и турецким сераскером² Кепрулу-оглу Абдуллах-пашой разгорелась война, Мелик-Аллах-Кули показал образцы беспримерной отваги и доблести. Надир-шах счел, что звание мелика для него недостаточно и приказал, чтобы отныне и знать и простонародье не называли его меликом, а называли султаном. И действительно, они происходили из старинной и знатной фамилии.

Пятый по счету магал—Талышинский. Меликом его был Мелик-Усуб. Предки этого мелика были выходцами из Ширвана. Некоторое время они жили в селении Талыш. Многие из этого рода неоднократно были меликами. Впоследствии Мелик-Усуб захватил крепость Гюлистан и поселился там.

В начале правления (ныне) покойного Панах-хана, мелик Дизака, потомок Мелик-Егана, стал на путь вражды в отношении Панах-хана и его государства³, предоставленного ему самим богом. И долгое время горело пламя войны, пожирая людей с обеих сторон и, наконец, божья милость оказалась на стороне покойного Панах-хана и его предопределением он вышел победителем из этой борьбы. Несколько человек из рода Мелик-Егана было казнено... Крылья их были надломлены и они оказались в состоянии слабости.

Наше благовонное двуязычное перо уже упоминало о Мелик-Шахназар-беке, об одном из меликов Варанды.

Мелик-Шахназар был человеком знатного рода и

¹ Джермых—сокращенное название Джераберда.

² Сераскер—военачальник.

³ Борьба Панах-хана против трех меликов Карабага представляет собой феодальную междоусобную борьбу за власть. Более сильный правитель настояниями и вооруженной рукой добивался признания своей власти от мелких правителей, владения которых находились на территории Карабага. В справедливости вышеприведенной характеристики можно убедиться, внимательно рассмотрев расстановку боровшихся сил, а также обратив внимание на тот факт, что Панах-хан, устраняя кого-либо из непокорных меликов, на его место назначал обычно того из родственников, на верность которого он мог рассчитывать.

очень состоятельным. Он с сыном своим Меликом-Джемшидом постоянно пользовались уважением, любовью и вниманием покойных Панах-хана и Ибрагим-хана. И поскольку одна из дочерей Мелик-Шахназара была женой Ибрагим-хана, они даже были связаны родственными узами. Новнук Мелик-Шахназара Мелик-Улубаб, набрав из окрестностей и различных сел Хачина в виде войска разный сброд, укрепился в Баллугае и поднял восстание против покойного Панах-хана. Услыхав это, покойный Панах-хан, пребывающий ныне в раю, выступил с чрезвычайной поспешностью и величием и союз смутьянов и сердца бунтовщиков разгромил и разнес в прах, также как и их сильные окопы и укрепленное убежище... После этого население Хачина надело на свое ухо кольцо покорности и накинуло на свои плечи одеяние верности. Вступив шагом покорности в обитель пощады, оно перестало думать о вражде.

В начале восшествия на трон покойного Панах-хана, пребывающего ныне в раю, проживавший в Аг-оглане мелик Чилабюрда (Джераберда) Аллах-Кули-султан приехал повидаться с покойным ханом. В это же время гостил у покойного Панах-хана правитель Нахчевана — Гейдар-Кули-хан. Он, заметив пышность и богатство, которыми окружил себя Аллах-Кули-султан, стал внушать Панах-хану, что такой султан ему подчиняться не будет, что два властелина, располагающие равными возможностями, пышностью и роскошью в одном городе (в одном государстве) существовать не могут. Настоящее время требует того, чтобы кинжал, жаждущий теплой крови, напился струей из его горла и цветы Аг-оглана окрасились бы в эту алую кровь, и вселенная в его глазах навсегда потускнела.

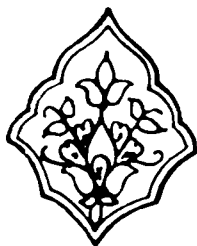
Покойный Панах-хан полностью согласился с его доводами и предал смерти Аллах-Кули-хана. Его брат Мелик-Хатам, преемник убитого Аллах-Кули-хана, стал меликом Чилабюрда.

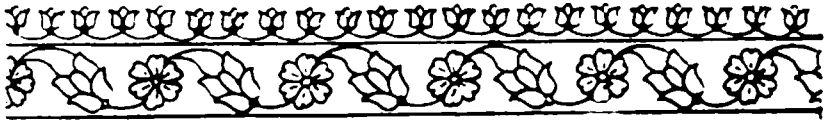
Мелик-Усуб талышский, с помощью этого мелика, умертвив своего дядю, сел на его трон. Оба эти мелика, заключив между собой союз, подняли знамя вражды и раздора. Оба они заперлись в крепости Джермых¹ и долгое время делали оттуда вылазки и зани-

¹ Джерабердской крепости.

мались убийствами. Панах-хан, в свою очередь, принял против них несколько походов и причинил им урон. Хотя Панах-хан, благодаря неприступности крепости, не мог достигнуть своей цели, но посеvy зерновых, находившиеся у подножья горы, потоптал копытами коней своего войска. Находившиеся в крепости очутились в тяжелом положении. (Однако) оба мелика, несмотря на невероятные лишения, в течение четырех лет показывали примеры стойкости и упорства. В течение такого долгого времени они не отступали от пути убийства и грабежа, проявляли примеры отчаянного упорства и дерзости. Они возглавляли и командовали вооруженными отрядами окружающих ханов, пришедших на войну с покойным Панах-ханом и ни на шаг не отступали от борьбы, начатой с ним (Панах-ханом).

Наконец, Панах-хан до того сузил арену их борьбы, что позорное бегство и уход из родного края они должны были считать хорошей жизнью. Они собрали своих илатов и подданных, навьючили утварь на верблюдов отступления и двинулись в направлении Гянджи. Они остановились в Шамкирском (Шамхорском) магале и семь лет прожили там, претерпевая лишения и невероятные трудности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОБ ОСНОВАНИИ ГОРОДА ШУШИ И О ВОЙНЕ МУХАММЕД-ГАСАН-ХАНА ОТЦА АГА-МУХАММЕД-ШАХА КАДЖАРА С ПОКОЙНЫМ ПАНАХ-ХАНОМ

После того как окрестности Карабага обрели относительный покой и мелики Хамсе немного утихомирились, некоторые из предводителей мятежных кочевников добровольно, другие вынужденно подчинились власти Панах-хана. Когда (ныне) покойный Панах-хан услышал о междоусобице, царившей в Иране¹, его светлое сердце осенила мысль прибрать к рукам правителей Карадага, Ардебиля, Гянджи, Нахчевана и распространить свою власть на них.

За короткое время Панах-хану удалось подчинить их своей власти: некоторых силой своего победоносного оружия, других же он склонил через своих посланников, с которыми он отослал к ним письма с выражением своей благосклонности. Для управления городом Ардебилем он назначил Дергах-бека сарыджа-линского. Утверждение и назначение гянджинских ханов тоже зависело от него (Панах-хана). Как правило, несколько сыновей этих ханов в качестве заложников постоянно находились в крепости Шах-булагы.

Этот порядок продолжал существовать до того времени, когда дошла до Панах-хана весть о том, что Мухаммед-Гасан-хан, отец Ага-Мухаммед-шаха Каджара,

¹ Имеются в виду междоусобия, возникшие в Иране после смерти Надир-шаха, из-за борьбы различных претендентов на шахский престол.

утвердился как самостоятельный властелин в пределах Ирана, Азербайджана и Мазандерана¹.

Все начальствующие лица, находившиеся при покойном (Панах)-хане, на совещании, созванном им, сказали: „После смерти Надир-шаха Али-Кули-хан и сардар-Амир-Аслан поддерживали с нами тесную связь и дружбу. Но теперь, весьма возможно, что Каджар Мухаммед-Гасан-хан станет на путь вражды с нами. Нельзя также быть уверенным в отношении окружающих нас ханов, а наше государство имеет немало заядлых врагов. Может стать, что они будут натравливать Мухаммед-Гасан-хана на нас и, присоединившись к нему, придут на войну с нами. И тогда население Карабага, а также и илаты, погибнут под копытами лошадей неприятеля. Едва ли крепость Шах-булагы выдержит натиск врага. Коль скоро это так, то, как говорится в полусловище: Надо предотвратить событие до его возникновения“, было бы благоразумно найти более укрепленное и неприступное место и построить там город, обвести его стенами и башнями и, таким образом, обезопасить от нашествия врагов.

Как было сказано выше, Панах-хан совещался с Мелик-Шахназаром. По совету и указанию последнего Панах-хан основал город Шушу. И так как на площади (где должен был быть основан город) не было текучих вод и родников вырыли несколько пробных колодцев. После того как из этих колодцев стало возможным вычерпывать воду, в 1170 году² заложили фундамент будущего города Шуши.

¹ Повидимому, в начале 50-ых годов, когда Мухаммед-Гасан-хан, овладев значительной частью территории южного Азербайджана, вел борьбу против последнего сильного противника Азад-хана урмийского.

² Дата 1170 г. х. соответствует 1756/57 гг. н. л., она вызывает сомнение. Как это видно из текста, высеченного на мраморном надгробье, стоявшем над могилой Панах-хана в Агдэме (графитный оттиск с надписи надгробья снят кандидатом исторических наук А. Алескерзаде, им же прочтена дата смерти Панах-хана); он умер в 1172 г. х., т. е. 1758/59 гг. н. л.

Если верить тому, что город был заложен в 1170 г., то трудно будет признать, что он был заложен за два года до смерти Панах-хана, что находится в противоречии с известными нам фактами из жизни Панах-хана.

Поскольку дата 1170 г. х. вызвала сомнение, мы обратились к другим спискам „Карабаг-наме“: к рукописи инв. № 1 Восточного отдела Фундаментальной библиотеки Академии наук Азербайджанской ССР, рукописи инв. № 1522 научного архива Института

Жителей Шах-булага и нескольких деревень переселили сюда. Каждой семье было отведено место для поселения. После того как народ устроился и обособился на новом месте, Панах-хан построил для своей семьи просторные здания и высокие дворцы. Искусные мастера, зодчие и видные специалисты принялись за строительство крепостных стен и башен, остатки которых сохранились и до наших дней.

Спустя год после основания города Шуши, отец Ага-Мухаммед-шаха Каджара — Мухаммед-Гасан-хан Каджар со свитой, состоявшей из заядлых кровопийц, собрав в Астрабаде, Мазандеране и Гиране войско, по численности превышавшее камни и дождевые капли в облаках, двинулся на покорение города Шуши. Приблизившись к городу Шуше, он остановился в местечке Хатун-архи, что находится недалеко от крепости.

Мухаммед-Гасан-хан носился в пучинах дум и стремился каким-нибудь путем склонить Панах-хана к подчи-

истории им. А. Бакиханова Академии наук Азербайджанской ССР, и нашли, что в них дата начала постройки крепости Шуши обозначена 1170 г. х.

Однако, несмотря на это, 1170 г. х., как время закладки крепости Шуши, не может быть принят. Изучая текст „Карабаг-наме“, можно заметить, что Мирза-Адигезаль-бек нигде не путает последовательности в изложении событий. Достоинно удивления то, как он, описывая многочисленные события, совершавшиеся в течение десятков лет, нигде не нарушил хронологической последовательности изложения. Если допустить, что и на тех страницах где Мирза-Адигезаль-бек рассказывает о событиях, предшествовавших закладке крепости Шуши, а также о событиях, совершившихся после закладки крепости, он не нарушает последовательности изложения событий, то время закладки крепости Шуши можно считать довольно точно. Мирза-Адигезаль-бек сообщает, что спустя год после основания города, в Карабаг вторглись войска Мухаммед-Гасан-хана Каджара. В то время, когда войска Каджара были в Карабаге, Шуша уже существовала. Мухаммед-Гасан-хан побывал в Карабаге всего около месяца, а затем удалился на юг. Спустя некоторое время ханы гянджинский, карабагский, карадагский, нахчеванский и эриванский встретились около Гянджи с царем Грузии Ираклием II и намерении идти войной против Гаджи-Челеби-хана шекинского, но были пленены Ираклием II. Эти события точно датированы анонимной грузинской хроникой, переведенной на русский язык Е. С. Такайшвили и изданной под заглавием „Описание событий“. (См. „Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа“, вып. 21, стр. 37, Тифлис). В этой хронике указанные события отнесены к марту 1752 г.

Исходя из всего изложенного выше, наиболее поздний срок закладки крепости Шуши следует определить первыми двумя месяцами 1751 г. или второй половиной 1750 г.

нению его власти. Мухаммед-Гасан-хан прибегал к разным хитростям и уловкам, но не мог заключить в свои сети этого сокола высокого полета. Мухаммед-Гасан-хан расположился лагерем в Хатун-архе, где велел разбить шатры и рыть окопы, но карабагские удалыцы чинили много вреда его войскам; уводили скот и людей, подвозивших провиант.

В этот момент Мухаммед-Гасан-хан Каджар, услышав, что Керим-хану Зенду сопутствует удача, что он, победоносно шествуя, покоряет все новые и новые земли, оставил у Хатун-арха свои пушки, ударил в барабаны отступления и поднял знамя (обратного) похода.

Покойный Панах-хан доставил в крепость эти пушки.

Когда войска кызылбашей осадили город Шушу¹ эти пушки находились в распоряжении воинов лучезарного русского государства и, при надобности, они пользовались ими.

Пытаясь уточнить эту датировку мы обратились к сочинению Джемала Джеваншир Карабаги—„Карабаг“, опубликованному в переводе А. Берже в газете „Кавказ“ за 1855 г. Оказалось, что и здесь помечен тот же 1170 г. х. Мирза-Джемал пишет: „В 1170 году хиджры он (Панах-хан—В. Л.) перевел всех жителей Шах-булага и некоторых окружающих деревень в Шушу“. Следует ли это понять в том смысле, что крепость уже была отстроена или в том смысле, что ее только начали строить, сказать трудно.

Попытка привлечь другие нарративные источники позднего времени вроде Роузат-ас-сафа-насири и др. с целью вычисления дат событий, совершавшихся до и после закладки крепости Шуши, положительных результатов не дала. Поскольку нет научных критических текстов этих сочинений, сведения, приводящиеся в них, не раз'ясняют, но лишь запутывают дело.

Кандидат исторических наук Т. И. Тер-Григорьян сообщил, что армянские авторы, например, Раффи в своем сочинении „Пять меликств“ и Бархударян в „Арцахе“ время закладки крепости Шуши определяют на основании данных Джемала Джеваншира Карабаги и Мирзы-Адигезаль-бека.

Таким образом, пока приходится удовлетвориться сделанными изысканиями и начало построения Шуши определить второй половиной 1750 или началом 1751 гг.

¹ После присоединения Карабагского ханства к России, иранские войска впервые осаждали Шушу в 1806 году.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОВЕСТВУЕТ О ТОМ, КАК ВАЛИ ГЮРДЖИСТАНА
ИРАКЛИ-ХАН КОВАРНО ПЛЕНИЛ НЫНЕ ПОКОЙНОГО
ПАНАХ-ХАНА, КЯЗЫМ-ХАНА КАРАДАГСКОГО, ГЕЙДАР
КУЛИ-ХАНА НАХЧЕВАНСКОГО И ШАХВЕРДИ-ХАНА
ГЯНДЖИНСКОГО¹

После ухода Мухаммед-Гасан-хана Каджара (из Карабага) Панах-хан, Кязым-хан карадагский, Гейдар-Кули-хан нахчеванский и Шахверди-хан гянджинский с'ехались на совещание и решили, что Гаджи-Челеби, являвшийся полноправным и независимым правителем всего Ширвана, не считается с ними (ханами), пренебрегает и не становится с ними на почву мира и дружбы. Поэтому (они решили, что) надо принять меры для его укрощения. Когда в этом отношении было достигнуто единодушное решение, они, изложив свои мотивы и принятое решение в особом письме, отослали его Иракли-хану. В ответ он сообщил им, что в этом вопросе он с ними согласен и полностью разделяет их взгляд, что, мол, с этим вопросом медлить нельзя, и что пусть все эти ханы приедут к нему для совместного решения вопроса.

Все перечисленные ханы после необходимых приготовлений со своими свитами и войсками двинулись в путь-дорогу.

Выше города Гянджи, в местечке, именовавшемся

¹ Описываемые в настоящей главе события междоусобной борьбы Гаджи-Челеби-хана и Ираклия II возникли вследствие того, что обе стороны руководились узко феодальными интересами

Кызыл-кая, разбила богатые шатры, поднявшие свои головы до солнца и луны.

Вышеупомянутый вали Гюрджистана завлек их к себе и всех четырех взял в плен.¹ Один из слуг Шахверди-хана немедля сел на быстрого коня и ускакал оттуда. В это же время Гаджи-Челеби, тоже с целью собрать большое число воинов, разослал письма по всему Ширвану. Он с громадным войском, с соответствующими запасами провианта и снаряжения остановился у Мингечавирской (Мингечаурской) переправы и готовился принять бой. В это время на той стороне реки показался какой-то всадник. Гаджи-Челеби приказал переправить его на лодке через реку Кюр (Куру).

Переплыв (через реку) и представ перед Гаджи-Челеби, он (всадник) молвил: „О, дедушка, вали пленил всех ханов“.

Гаджи-Челеби на это сказал:

„Твой дедушка освободит их из плена и для их освобождения вступит в бой“.

Гаджи-Челеби созвал своих приближенных и государственных людей. Из разговоров он понял их мнение. Когда они шли совещаться, эмиром он сказал:

„Какое бы решение вы ни приняли, переход через Кюр (Куру) в нем должен быть“.

Как только они услышали это, повернули обратно и стали перед ним:

„Мы шли на совещание лишь для того, чтобы дело обошлось без перехода через Кюр. Но, если вы желаете, пусть будет так. Прикажите войскам выступить!“

С тех пор эти слова Гаджи-Челеби превратились в устах знати и простонародья в поговорку. Она сохранилась и до наших дней.

Гаджи-Челеби приказал оседлать коней и немедленно переправиться через Кюр. Войско Гаджи-Челеби двигалось в спешном порядке. Узнав об этом, вали Гюрджистана растерялся. Страх охватил его, ибо доблесть и отвага войск Гаджи-Челеби ему были известны

¹ По сообщению анонимной грузинской хроники, переведенной на русский язык Е. С. Такайшвили и опубликованной под названием „Описание событий“, это произошло 21-го марта 1752 г. („Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа“, в. 21, стр. 37, Тифлис).

еще из прошлой стычки.¹ Но ему не оставалось ничего другого, разве только встретиться с ним.

У светлого мавзолея шейха Низами, да благословит его бог всевышний, там, откуда исходит божественный свет и озаряет сердца и умы людей, столкнулись два войска и завязался бой. Войска Гюрджистана понесли позорное поражение. Вали, не найдя возможности присоединиться к своим (убегавшим) войскам, тоже пустился в бегство. Все его шатры со всеми принадлежностями, провiantом и ханами остались в Кызыл-кае. Гаджи-Челеби на расстоянии трех агачей за Сыныком² преследовал отступавшее грузинское войско. Он почти достиг Тифлиса; до города оставалось пять агачей³. Пересекая путь отступавшим грузинским войскам у Шамкира (Шамхора), Шемседина (Шамшадия) и Казаха, воины Гаджи-Челеби многих из них истребили. Гаджи-Челеби приказал рыть окопы в земле Байдара. Он назначил своего сына Ага-Киши-бека правителем мусульман, проживавших на пути до Тифлиса. Каждого из ханов, плененных Ираклием, он отослал на его родину, сам же вернулся в Ширван.

Ага-Киши бек в течение трех лет правил этой провинцией. Наконец, вали, собрав в Гюрджистане, Башыачыге (Имеретии) и даже в Черкесии несметное количество войск, двинулся на Ага-Киши-бека. Когда весть о наступлении вали дошла до Ага-Киши-бека, он, не имея соответствующего количества войск и, зная, что ему не (под силу) противостоять врагу, бежал. Передовые отряды вали настигли его у реки Таус (Тауз). В столкновении несколько человек из его людей попали в плен, а он сам невредимым добрался до Шеки.

Войска вали, продолжая двигаться, дошли до Худаа-ферина. Возвращаясь оттуда, его войска ограбили многие местности Гянджи и Карабага.

¹ Имеется в виду сражение между войсками царей Теймураза и Ираклия, с одной стороны, и войсками Гаджи-Челеби-хана, с другой, происшедшее в Джарской области в 1751 г. (Указанная выше автонимная грузинская хроника. Сб. матер. для описания местностей и племен Кавказа, в. 21, стр. 37, Тифлис. Ср. П. Г. Бутков, „Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.“, ч. I, стр. 238, СПб, 1869 г.)

² Имеется в виду „Сынык-керплю“ — „Красный мост“ на р. Храме.

³ Агач—равен 7 верстам.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О НАШЕСТВИИ ПРАВИТЕЛЯ УРМИИ АФШАР-ФЕТАЛИ-ХАНА НА КАРАБАГСКУЮ ОБЛАСТЬ, О ВОЙНЕ И МИРЕ, ОБ ОБМАНЕ И УВОДЕ ИБРАГИМ-ХАЛИЛ-АГИ И КОНЧИНЕ ПАНАХ-ХАНА

Правитель Урмии Афшар-Фетали-хан был одним из любимцев, прославленным полководцем и начальником стрелков Надир-шаха. Он покорил все¹ азербайджанские области, и свет полумесяца его победоносного знамени озарял покоренные им места. Кроме Панах-хана не было у него другого соперника, в борьбе с которым (он) мог бы приумножить свои власть и славу. (Оттого-то) Афшар-Фетали-хан в тайнике своей души хранил непримиримую вражду по отношению к нему. Тесто его существования было замешено на воде ненависти к нему (Панах-хану). Семь раз он предпринимал походы против покойного хана², но каждый раз, понеся огромные потери, возвращался обратно. В последний раз (Афшар Фетали-хан) со своими бесчисленными, подобно звездам, войсками расположился лагерем на широкой долине между речками Баллуджа-чай и Хаджалилу. На этом месте, находящемся у большой дороги, он построил окопы. Остатки и следы окопов сохранились до наших дней. В народе это место известно под

¹ Имеется в виду южная часть Азербайджана.

² А. Бакиханов по этому поводу пишет: „В 1175 (1762 г.) Фетали-хан Афшар, один из важнейших сановников шаха Надира, имевший притязания на персидский престол, овладел Азербайджаном и пришел с войском в Карабаг. Панах-хан изъясил ему наружную покорность, отдал своего сына Ибрагим-Халил-агу в заложники“. (А. Бакиханов, „Гюлистан-Ирам“, стр. 130, Баку, 1926).

названием „Фетали-хан сенгери“¹. И так, Афшар Фетали-хан просидел там целую зиму.

В это время мелики Чилабюрда (Джераберда) и Талыша, Мелик-Хатам и Мелик-Усуб примкнули к войскам Фетали-хана и вырыли окопы рядом с окопами войск Фетали-хана. Следы и этих окопов уцелели до сих пор.

Таким образом они просидели там шесть месяцев. И хотя Фетали-хан ежедневно самоотверженно выступал на арену против своего врага, однако его усилия и старания не увенчивались успехом и, понеся большие потери, он с досадой возвращался обратно. Наконец, он с участием меликов предпринял общее наступление и смело пошел на арену боя. Панах-хан со своими карабагскими воинами, лица коих были обелены на поле старания и сражения, сердца коих от жажды крови врагов были алыми как мак, тоже пришел для войны и защиты.

Салари:

„С обеих сторон войска сомкнули ряды,

Опясавшись, ринулись в бой.

От звуков труб и шума литавр

Это синее небо в сотрясение пришло.

С луками и стрелами они пошли друг на друга.

На той арене много крови пролилось.

В этой суматохе от рева тех львов (т. е. воинов)

Рыба² пришла в движение, оглохла фортуна.

В руках храбрых бойцов на арене боя стрела превращалась в лук, а лук—в стрелу.

В этой схватке, от пыли, поднимающейся из под копыт коней,

Воздух почернел, как океан смолы.

От блеска луков и мчащихся, как молния, стрел,

От обилия стрел, сыпавшихся как ливень,

Потекла по земле рекой алая кровь,

И земля покраснела как степи судного дня“³.

(Наконец), Фетали-хан, видя, что красавица желанья не показывает в зеркале бытия и из сражений и стараний ничего кроме потерь и посрамлений не получает-

¹ Сенгер—окоп.

² Согласно древним поверьям, земля держится на рогах быка, а бык стоит на спине рыбы.

³ По мусульманскому поверью в судный день земля покраснеет, как раскаленное железо.

ся, пожелал устранить причины ненависти и вражды и стал создавать планы и обстановку для достижения мира и соглашения. Панах-хан, в силу поговорки: „Прощение—знак могущества“, чистосердечно принял его просьбу. Встреча состоялась на мосту „Ага“¹, и мир был закреплен заключением договора и соглашений.

(Фетали-хан) сказал покойному Панах-хану, что отныне устраняется всякая возможность разрыва и разногласия между их государствами. „(Теперь) наша дружеская и убедительная просьба заключается в том, чтобы Вы сооблаговостили отправить вашего достопочтенного сына в наш стан на несколько дней, в качестве гостя, ибо от любви к Ибрагим-Халил-аге наши очи вечно в слезах, а сердца изжарились как кебаб.“² Этим будет нам оказана большая честь и представлена возможность проявить свое гостеприимство. После того как мы удостоимся свидания с ним и сердца наши успокоятся, я представлю его Вашей светлости, устроив ему торжественные и пышные проводы“.

(Ныне) покойный Панах-хан доверился его ложным словам, сопровождавшимся страшными клятвами. В сопровождении нескольких мудрых и красноречивых лиц, он направил своего храброго сына—свет своих очей— в стан Фетали-хана³.

Когда Фетали-хану сообщили об этом, он сильно обрадовался и послал несколько человек из числа своих сыновей, приближенных, военачальников навстречу Ибрагим-Халил-аге. В исключительно торжественной обстановке в'ехал он (Ибрагим-Халил-ага) в стан (Фетали-хана Афшара).

Побыв в гостях несколько дней, он понял, что возвратиться ему едва ли разрешат. Тем же, что он каждый день и каждый вечер проводит время за трапезой одного из эмиров или ханов, ничего путного добыть не сможет. Он дал знать Панах-хану: „По всей вероятности, Фетали-хан собирается забрать меня с собою. Пошлите немедленно мне из кала⁴ моего рыжего коня.

¹ Недалеко от Шуши.

² Кушанье из рубленой и зажаренной на вертеле баранины.

³ Иначе говоря, Панах-хан, по условиям мира, вынужден был отдать Фетали-хану Афшару в заложники своего старшего сына Ибрагим-Халил-агу. Таким образом Панах-хан признавал свою зависимость от Фетали-хана.

⁴ Кала—крепость. В данном случае употреблено в значении „из Шуши“.

Может быть с помощью моего коня, несущегося как утренний ветерок, мне удастся убежать”.

Пока доставили в лагерь Фетали-хана коня, он был уже в пути и барабанный бой его отступления доносился до синих небес. Он, забрав с собою Ибрагим-Халил-агу, возвращался обратно.

Когда эта трагическая весть дошла до Панах-хана, когда он узнал, что свет его очей разлучен с ним, весь ясный мир потускнел в его глазах. Он позвал к себе своих приближенных и стал с совещаться с ними о том, как найти пути к освобождению любимого сына, своего первенца.

После того как Фетали-хан повернул поводья своего коня к своей стране, Керим-хан Зенд, являвшийся одним из состоятельных эмиров, воссевших на коня величия в Фарсе и испивших чашу славы в Ираке,¹ захватил бразды правления в свои руки и встал на путь вражды с Фетали-ханом.

Керим-хан Зенд направил своего брата Искендер-хана с большим количеством войск на войну с Фетали-ханом.

Недалеко от Исфагана произошла встреча двух войск. В этой битве Искендер-хан был убит, а его войско потерпело поражение. Фетали-хан же вышел из войны победителем. Завоевав некоторые провинции Ирака, он высоко поднял знамя славы и торжества.

Когда эта печальная, скорбная весть дошла до Керим-хана он сильно разгневался. Чувство мести разгорелось в его душе.

Еще задолго до того как он смог снарядить в Азербайджан внушительное войско и сенью своих победоносных знамен покрыть этот край, обеспечив там тишину и покой, он написал сердечное, дружественное письмо и отправил его Панах-хану с одним из своих доверенных людей. В этом письме он говорил Панах-хану о своем уважении к нему и просил его вступить с ним в союз. Письмо гласило:

„Фетали-хана, ныне занятый коварными делами, — наш кровный враг. Он стал и Вашим злейшим врагом. Нарушив данное слово и клятвы, он забрал Ибрагим-Халил-агу, чем поверг Вас в снедающую грусть и страдания. Каждодневно он нападает то на одного, то на

¹ Фарс и Ирак — названия провинций Ирана.

другого эмира. Придерживаясь суры: „В мести—жизнь для вас, люди рассудительные“, и я стал на путь жгучей мести. Вынув из ножен меч ненависти, я принял твердое решение идти на войну против него. В связи с этим, как друг, я Вас прошу, безотлагательно, не теряя времени, со своим победоносным, испытанным в тяжелых боях войском придти мне на помощь, ибо от глубины души я желаю отомстить за кровь брата моего и освободить Вашего сына“.

Покойный Панах-хан, всегда искавший случая уничтожить Фетали-хана, немедленно, собрав огромное войско и многочисленную конницу, отправился на помощь Керим-хану. В Азербайджане он встретился с Керим-ханом, который оказал ему надлежащие почести. Там они, заключив союз против Фетали-хана, выступили в поход и, приблизившись к окрестностям Урмии, разбили вокруг города свои шатры, достигающие небес.

Салари:

„От обилия шатров лицо земли, подобно райским цветникам, окрасилось в причудливые цвета“.

Фетали-хан со своим несметным войском тоже двинулся в бой.

После короткого сражения он бежал в крепость Урмию. Крепость была окружена. По прошествии нескольких дней Фетали-хан убедился в том, что перипобеды отвернулась от него так же, как звезда его счастья. Приблизился час заката солнца его государственности. Он понял, что у него нет другого выхода, кроме изъяснения покорности. Доверяясь обещаниям, данным ему Керим-ханом, он с повинованием явился к нему.¹

Керим-хан, за отсутствием самостоятельного шаха в Иране, назвал себя векилем (регентом) и отказался от шахского титула. Он вызвал Ибрагим-Халил-агу к себе, наградил его ценными подарками: мечом, разукрашенным драгоценными камнями, и конем с золотой сбруей и седлом. Присвоив ему титул хана карабагского вилайета, отпустил его домой. Потом он обратился к Панах-хану с просьбой на несколько дней поехать с ним в Шираз. Панах-хан принял (его предложение).

¹ А. Бакиханов относит эти события к 1176 г. х. л. Этот год начался 23 июля 1762 г., а закончился 11 июля 1763 г. (См. указ. соч. стр. 130).

Керим-хан, захватив с собою и Фетали-хана с Панах-ханом, отправился в Дар-уль-эльм-Шираз¹.

В пути, недалеко от Исфагана, они доехали до того места, где произошла битва между братом Керим-хана Зенда—Искендером и Фетали-ханом.

(Еще до этого случая) сколько бы мать Керим-хана ни просила и ни умоляла его отправить Фетали-хана на тот свет, на свидание к убитому своему брату Искендер-хану, Керим-хан оставался неумолимым. Он не хотел нарушить своего обещания.

И вот, когда они достигли упомянутого места (сражения), Керим-хан спросил Фетали-хана: „Знакомо ли тебе это место, каково оно?“

Фетали-хан в ответ довольно смело сказал:

— „Да, это та самая арена боя и роковое место, где померкло солнце жизни Искендер-бека“.

Когда Керим-хан услышал такой неуместный ответ, до того разгневался, что чуть не случился у него разрыв сердца. Он тут же сразил его и отправил на тот свет к своему брату Искендер-хану.

Через несколько дней они прибыли в Шираз. Некоторое время спустя Панах-хан скончался своей смертью. Его останки с большими почестями были доставлены в Агдам и похоронены в его собственной усадьбе.

Стих:

„Таков уже закон (вращающейся) вселенной: не вечна милость ее, не долговечен гнев ее.

Не было такого случая, чтобы она, выпестовав кого-нибудь, в конце не предала бы его смерти.

Она (вселенная) как в любви нежна и мила, так и во вражде жестока“.

Салари:

„Приходи виночерпий, мой старый друг,
Опять мое сердце обуревают огонь...“

¹ Дар-уль-эльм—дом науки, эпитет города Шираза.

ГЛАВА СЕДЬМАН

О ВСТУПЛЕНИИ (НЫНЕ) ПОКОЯНОГО ИБРАГИМ-ХАНА НА ПОСТ ПРАВИТЕЛЯ КАРАБАГА, ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ ГОСУДАРСТВА И СОБЫТИЯ, ИМЕВШИЕ МЕСТО В ПЕРИОД ЕГО ПРАВЛЕНИЯ

После кончины и переселения Панах-хана в дом божьей милости, его старший, доблестный сын Ибрагим-Халил-хан в 1173¹ г. занял пост правителя Карабагского вилайета и приступил к устройству жизни народа. Не подчиняясь властелинам Ирана, Рума² и других государств, он власть свою распространил на Карадаг, Шеки, Ширван, Гянджу, Тебриз, Нахчеван, Ардебиль, Хой, Марагу, Иреван и даже на местности, простирающиеся до Каплан-куха, являющегося границей между Азербайджаном и Ираном. Назначение и отстранение правителей этих областей происходило по его указанию.³ Помимо этого правитель области Авар (Аварии), входящей в состав Дагестана, Умма-хан, сын Новсал-хана вступил с Ибрагим-ханом в родственные связи. Любимая и высокопочтимая сестра первого, Бикя-ага находилась во дворце Ибрагим-хана в качестве супруги, окруженная приличествующими ей почестями.

¹ 1173 г. х. л. начался 25 августа 1759 г., а закончился 12 августа 1760 г.

² Рум—Турция.

³ Автор допускает большое преувеличение. Ибрагим-хан временно имел сильное влияние лишь на правителей Карадага, Ардебилля, Нахчевана и Гянджи. Ханы Шеки, Ширвана, Тебриза, Хой, Мараги и Эривани в зависимости от Ибрагим-хана никогда не находились.

При необходимости, с помощью доблестных воинов Дагестана, (Ибрагим-хан) сметал с лица земли своих мятежных соседей, ломал сопротивление окрестных бунтарей. Силой оружия своих войск и при помощи дагестанских воинов он покорил Карадагский магал и опустошил провинцию его Кюрдешт... Следы разрушений, руины ее (Кюрдешта) башен и стен сохранились и до сих пор. Жители этой провинции спаслись бегством и нашли приют в Ахаре, а правителя Кюрдешта—Мустафа-хана он взял в плен.

Ханы Карадага, Шахсевана и некоторых других племен, одни в силу родственных уз, а другие под действием силы всепобеждающего оружия (Ибрагим-хана), изъявили покорность его ферманам. Зачастую он (Ибрагим-хан) отдельные провинции, в знак внимания, дарил своим полководцам, чтобы те пользовались их доходами.

Короче говоря, хотя ныне покойный Ибрагим-хан и не именовался шахом, но по роскоши и богатству он настолько превосходил своих современников иранских шахов, что ханы и их сыновья всех вышеупомянутых вилайетов всегда бывали в резиденции Ибрагим-хана. После смерти Керим-хана Зенда,¹ находившийся в Ширазе в качестве заложника Ага-Мухаммед-хан Каджар, сын Мухаммед-Гасан-хана, бежал из Шираза. Он, желая стать наездником коня власти в Фарсе, сумел захватить Ирак и Фарс, а Дар-уль-хилафе—Техран² избрал своей столицей.

В 1176 году³ (Ага-Мухаммед-хан Каджар) вторгся в пределы Азербайджана и занял провинции, лежащие на юге от реки Арас (Аракс). Затем, переправившись через реку, задумал овладеть провинциями Талыш и Иреван.⁴ И как говорится: „Кто-то постучался в дверь

¹ Керим-хан Зенд умер в феврале 1779 г. (П. Г. Бутков, указ. соч., ч. II, стр. 70). Ср. А. Бакиханов, указ. соч., стр. 135.

² Дар-уль-хилафе—дом халифа, эпитет Техрана.

³ В рукописи, год показан неправильно: 1176 г. х. л. соответствует 1762/63 г. н. л., но в это время вскиль Керим-хан Зенд был еще жив. Ага Мухаммед-хан южные части Азербайджана подчинил своей власти лишь в 1791 г. (См Роузат-ас-сафа, Техран, 1270 г. х. л., т. IX, стр. 96 (стр. нумерованы нами). Ср. Насихат-таварих, Тебриз, 1292 г. х. л., т. I, стр. 30, 31 (оба сочинения на персидском языке).

⁴ Эти события происходили в 1791 г. (См. П. Г. Бутков, указ. соч., ч. II, стр. 321). Ср. Донесения ген. аншефа Гудовича. Всеподданнейший рапорт его от 7 ноября 1791 г. (Кавказский сборник, т. XVIII, стр. 421, Тифлис, 1897).

и зарычал*. Неоднократно он стучал во врата войны, но двери, ведущие к удаче, не открывались перед ним.

Он (Ага-Мухаммед-хан Каджар) еще до этого случая послал (ныне) покойному Ибрагим-хану халат и саблю и, выказывая всевозможные знаки уважения, стремился привлечь его на свою сторону, но все же между ними кроме показных отношений дружбы ничего другого не было.

Наконец, в том же (1176) году¹ Ага-Мухаммед-шах, возвратившись из Азербайджана, украсил свою особу царским одеянием, объявил себя шахом Ирана и зажег камфорную² свечу власти в царственном шатре из дарая.³ В результате событий, вызванных сменой дней и ночей, отношения между Ага-Мухаммед-шахом и покойным Ибрагим-ханом испортились. (Цветы) пира их любви и союза стали увядать.

События, возникшие в Фарсе и Ширазе, волнения в мятежи, вспыхнувшие в вышеуказанных провинциях, вынудили Ага-Мухаммед-шаха отказаться от похода в эту страну.

Он повернул поводья своего коня в ту сторону, установил в этих странах порядок и завязал шею мятежников веревкой покорности. Потом в 1209 году,⁴ с целью захвата Гюрджистана, Иревана, Талыша и Карабага, собрав многочисленное войско и бесчисленным сборищем превратил Азербайджан в поле скачки быстроногих коней и в место восхода полумесяца своих знамен. Своего брата Али-Кули-хана, являвшегося его воспитанником и одним из первых его полководцев, с другими ханами и многочисленным сборищем направил на покорение Иревана. А сам он во главе отрядов из Ирака, Фарса, Хорасана и Азербайджана, подобный великолепным сверкающим звездам, приблизился к крепости Шуше и остановился на расстоянии одного агача от нее.⁵

¹ Дата искажена. См. вышеприведенные примечания.

² Свеча с камфорой горит ярко, долго и без копоти.

³ Даран—род шелковой ткани.

⁴ 1209 г. х. начался 29 июля 1794 г., а закончился 17 июля 1795 г.

⁵ Иранские войска под предводительством Ага-Мухаммед-шаха в июле и августе 1795 г. в течение 33 дней осаждали крепость Шушу. („Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся до Грузии“, т. II, вып. II, с 1:69 по 1801 г., под ред. Шагарян, д. № 73, стр. 93, СПб, 1902. Ср. Бакиханов, указ. соч., стр. 143. Ср. Роузат-ас-сафа, указ. изд., т. IX, стр. 110).

Гюрджистанский вали Иракли-хан, правитель Иревана Мухаммед-хан, правитель Талыша Мвр-Мустафа-хан заключили союз с покойным Ибрагим-ханом и дали торжественный обет не подчиняться Ага-Мухаммед-шаху, всеми средствами оказывать помощь друг другу и постоянно извещать друг друга о своем положении.

Потом покойный Ибрагим-хан некоторых из карабагских илатов послал в сторону Гюрджистана, некоторых направил в Ширван к Мустафе-хану ширванскому, являвшемуся одним из его ставленников.

Высокий господин, покойный Ибрагим-хан тех из илатов и некоторых из своих сельчан, записанных поименно в его дафтарах и книгах, которые еще оставались на местах, распределял по горам Карабага, а некоторых оставил в городе при себе. Набрал из илатов и крестьян множество всадников и пеших воинов, сделав большие запасы (провианта), заготовив наводящие страх гранаты и установив драконоподобные пушки, он приготoвился к бою.

Ага-Мухаммед-шах в течение тридцати трех дней со своими прославленными войсками осаждал Шушу. Кругом пестрели его шатры. Он посылал послов и письма (к Ибрагим-хану) и прибегал ко всяким мерам для того, чтобы склонить Ибрагим-хана к повинности, а население Карабага к покорности. Но усилия его не увенчались успехом.

Наконец, Ага-Мухаммед-шах Каджар, для устрашения благородного Ибрагим-хана, выбрал двести из касиды¹ поэта Сеид-Мухаммеда Ширази, известного под псевдонимом Урфи, соответствующее тому моменту и положению, и, считая те красивые, нарядные слова (строфы) орудием достижения своей цели, придал им иной наряд (путем замены одних слов другими, более подходящими) и послал их с письмом ему (Ибрагим-хану).

Стих:

„Из баллист фортуны сыплются камни бедствия.
Ты же простофиля, заключил себя в шише“.²

¹ Касида—по-арабски—ода.

² Игра слов—Шуша и шиша (стекло).

Когда это письмо дошло до покойного хана и представало перед его радостно сверкавшими глазами, (он) вызвал Молла-Панаха родом из Казаха, который был не только его приближенным, но и главным секретарем и советником, ведающим всеми делами страны, прочной опорой его государства. Он был человеком колоссального ума и выдержки. Он писал стихи под псевдонимом Вагиф. Это был поэт громадных знаний, обладавший пылким темпераментом. Его стихи напоминали драгоценные жемчуга, нанизанные на нити. Это был поэт, обладавший вершиной художественного слова. Если кто скажет, что газели лугов красноречия Китая в состоянии соперничать в своем искусстве с газелями, взлелеянными в его благозвучном вдохновении, то это совершенно неверно. Всецело верьте тому, что перед блестящими бейтами¹ и драгоценными, редкими жемчужинами сокровищницы его груди от смущения устыдятся и померкнут рубины красноречия Бадахшана.

Салари:

Мастером слова его называют,
Когда он начинает стихи свои сочинять,
Ум опьяняется от напевов кончика его пера.
Как от оленя, на бумагу с его пера капает му-
кус.

В роднике его чернильницы пенится чистое вино
ковсара.²

Стройные красавицы облачаются в черную ткань
его мыслей,

Его перо красит в черное кудри и глаза красавицы слова.

Если невеста его музы засверкает,
Встрепенутся сердца кокетливых красавиц.

Его крылатый талант и звучная лира
Кубок красноречия отняли у Саади.

Он (Молла-Панах-Вагиф) тут же на обороте пьезма Ага-Мухаммед-шаха написал:

„Если охраняющий меня тот, которого я знаю,
Стекло сбережет в об'ятнях камня“.

Ага-Мухаммед-шах, прочитав ответ, разгневался и чуть не лишился ума от ярости. Он приказал: „Пусть

¹ Бейт—по-арабски—двустихие.

² Ковсар—источник в раю.

загремят огнедышащие пушки и ядра, мечущие молнии, засыпят огнем (врага).

Прошло немного времени и он (Ага-Мухаммед-шах) заметил, что, чем сильнее и чаще стреляют его огнедышащие пушки, подобные Немруду,¹ тем безопаснее становится Ибрагим-Халил-хан.

Он, на подобие семендера² и, если точнее сказать, как пророк Ибрагим-Халил, не боится огня. Огонь пушек для него не больше, чем лепестки роз. (Для Ага-Мухаммед-шаха) стало очевидным, что красавица победы укрывает свое лицо от него. Его войска дрогнули под смелыми, решительными ударами счастливых карабагских воинов. Он понял, что если так продолжится несколько дней, войска его потерпят поражение. Поэтому он (Ага-Мухаммед-шах) созвал совещание своих приближенных—эмиров, военачальников, крупных деятелей государства. На совещании он сказал, что лучше вернуться с полпути, чем оставаться и подвергнуться полнейшему поражению. Ключом от клада нашего спасения (может явиться только то, что мы) повернем поводья нашей лошади от этого места полного бедствий и несчастий. В течение короткого времени все наше войско и животные погибнут в этом глубококом кровавом море и никто из нас не доберется живым до иранской земли. Затем привели в движение знамя отступления (т. е. началось отступление иранских войск)...

Ага-Мухаммед-шах отдал приказ двинуться в направлении Гюрджистана. С развевающимися по долинам знаменами, он двинулся вперед.

Покойный Ибрагим-хан в свою очередь немедленно через своих быстроходных гонцов сообщил гюрджи-станскому валию: „Ага-Мухаммед-шах Каджар. не будучи в состоянии захватить Шушу, двинул свои войска в сторону Дар-ус-сурура—Тифлиса. Поэтому, не теряя времени, приготовьте необходимые запасы и примите все меры для оказания сопротивления“.

Вали, получив такую весть, немедленно сообщил валию Башы-ачыга (Имеретии)—внуку своему Соло-

¹ Немруд—легендарный основатель Вавилонского царства, бросивший библейского Авраама (пророка Ибрагим-Халила) в огонь. Согласно легенде огонь не причинил Аврааму никакого вреда.

² Семендер—саламандра. В древних мифах есть сказание о драконе, жившем в огне и называвшемся указанным именем.

мон-хану и своим сыновьям и внукам, между которыми он разделил Гюрджистан, и попросил помощи.

Вали Гюрджистана был человеком старым и большим, ему было за семьдесят лет, но несмотря на это, он с нетерпением готовил все необходимое для отражения врага.

Но так как представители его рода враждовали друг с другом, то кроме правителя Башы-ачыга Соломон-хана, отправившего ему четыре тысячи воинов, никто из них не оказал ему помощи.

И сколько бы ни слал вали Гюрджистана есаулов, сколько бы ни отдавал строгих приказов и распоряжений, беспутные, непочтительные сыновья (его) остались глухими к этому зову, предавались веселью и попойкам. Находившийся в безвыходном положении вали, взяв присланные к нему четыре тысячи человек, и конницу, которую он собрал среди казахских илатов, мусульман, немедля, выступил против врага. Он хотел преградить путь и не допустить войска Ага-Мухаммед-шаха в пределы Гюрджистана. Он (со своими воинами) прибыл в Казахский магал и расположился на берегу Инджа-чая.

Некоторое время он ждал помощи от своих сыновей и внуков, думая, что кто-нибудь из них да придет. Но они не пришли, и красавица желания не раскрыла своего лица перед ним. Ага-Мухаммед-шах вступил в Гянджу. Вали вынужден был вернуться обратно. Жену свою, известную по имени Дэда-вале,¹ из предосторожности, отправил в Тушет (Душети), куда вели труднопроходимые дороги. Сам же он с этим малочисленным отрядом остался в Тифлисе. А Ага-Мухаммед-шах, идя все вперед, дошел до Соганлыка, где сделал привал и, там заночевав, утром двинулся на Тифлис. Вали, взяв с собою те же войска, пушки и прочее вооружение, подошел к реке Кызранс, которая ныне называется Карантин. Тут и встретились войска сторон. Чархчи двинулись вперед и загорелась кровопролитная битва.

Разъяренные, огнемечущие пушкари действовали с лихорадочной быстротой и сеяли замешательство среди кызылбашей. Но тут произошел неожиданный слу-

¹ Дэда—по-грузински, мать. Имется в виду вторая жена Иракли II—царица Дария Георгиевна.

чай. Ранним утром спустился такой густой туман, что все окружающее стало невидимым. Так как кызылбаши были незнакомы с местностью, то они стали двигаться в направлении горы. И, когда туман стал рассеиваться и мутное зеркало вселенной прояснилось, вали увидел, что кызылбаши зашли им в тыл и даже очутились выше города.

Вали, увидев это зрелище, вернулся обратно, не имея возможности проникнуть в свой замок, вскочил на коня и с одним всадником и одним погонщиком мула, переправившись через мост Аллавар (?), бежал в горы Кара-калхана. Войско кызылбашей вступило в город Тифлис.¹ Дар-ус-сурур превратился в дом глубокого траура. Кызылбаши вырезали часть населения, а часть взяли в плен.

Каждая периликая красавица попала в плен диво-подобному (чудовищу) и каждая сребротелая сделалась добычей тирана. Сердце каждой маковоликой изнывало по своему возлюбленному, белая грудь каждой розоволикой была изранена горем по бутонистой (матери плачут по своим детям) и лучистые очи каждой тополеподобной (стройной) проливали кровавые слезы по жасминоликому.

Салари:

Не поддавайся козням изворотливой фортуны!
Пешка одержала победу над искусным всадником
(над конем).

Так ловко она окружила его с шести сторон,
Что на шестом ходу дала ему мат.

В этой битве все они (пешки) стали слонами и королевами,

„Оседланные кони их достоянием стали“.

Они (войска Ага-Мухаммед-шаха) ограбили и растащили все, что имелось ценного в церквах и в дворцах. Они пробыли в городе семь дней и за (это) время предали огню насилия и разрушили высокие дворцы, снесли башни и стены города. Затем разнесли до небес злуки литавр возвращения. Эту зиму они провели на Муганском кишлаке.

Находившийся в Тушете вали, собрав всех тавар-

¹ Войска Ага-Мухаммед-шаха ворвались в Тифлис 12 сентября 1795 г.

дов¹ и своих родственников, стал обсуждать с ними создавшееся положение. Он ударил мизрабом² совета (струны) саза³ мероприятий, доводя звуки до их слуха.

„Годы мои сочтены и кравчий фортуны переполнил кубок жизни до краев. Отныне не подобает мне, да и сердце мое не желает, чтобы я, покорно опустив голову, сидел где-то в углу в присутствии Ага-Мухаммед-шаха и слушал его противный моему сердцу голос, издающий приказы и запреты“.

Салари:

„Зная, что у меня кроме сухого (прерывистого) дыхания ничего не осталось (т. е., зная, что дни мои сочтены).

Как я могу радостно дышать (жить)? Ум, понимающий все тонкости, (подсказывает мне), что ключом от замка врат спасения (будет то, чтобы) я для мирных переговоров и соглашений послал к Ага-Мухаммед-шаху заложником одного из моих сыновей.“

В этот момент к валию пришла весть о возвращении Ага-Мухаммед-шаха (в Иран).

После (получения) этой вести вали написал и отправил представить императрице российского лучезарного государства Екатерине искреннее письмо с подробным изложением всех событий.

Императрица, желая помочь пострадавшим, приказала господину генерал-аншефу графу Валерьяну Зубову, чтобы тот с бесчисленными доблестными войсками отправился (в Закавказье), взял валия под свое покровительство и принял все меры к предотвращению посягательств Ага-Мухаммед-шаха Каджара.

Его превосходительство генерал (Зубов) двинулся в путь и дошел до Дербенда.⁴ Долину Баб-ул-Абваб (Дербенда) он избрал местом прогулки (расположения) своего победоносного войска.

Далее, войска генерала Зубова, заняв все провинции, находящиеся на этой стороне Кавказа, дошли до

¹ Тавад — грузинский князь.

² Мизраб — меситатор или плектрон.

³ Саз — струнный музыкальный инструмент.

⁴ Российские войска, находившиеся под командованием графа В. Зубова, к северной стороне Дербента подошли 2 мая 1796 г.

границ Карабага и остановились на зимовку в Сальянах.

(Когда) эта весть дошла до покойного Ибрагим-хана, он отправил своего сына Абуль-Фетх-хана со многими богатыми подарками представиться почтенной (особе) великого сардара графа Валерьяна Зубова. Он изъявил высокому лучезарному русскому государству свою преданность и признательность, написал приближенным ее величества императрицы Екатерины успокоительные письма с выражением своей скромности (покорности). Полномочный же сардар сказал Абуль-Фетх-хану беспредельные почести и милости, а письмо покойного Ибрагим-хана, пребывающего ныне в раю, он направил через Дербенд и Кизляр, чтобы представить его, возносящемуся до небес, высокому порогу (дома) ее величества, могущественной императрицы. Покойному же Ибрагим-хану он (граф Зубов) отправил через одного князя много ценных подарков и выразил ему беспредельную благосклонность и милость императрицы, ученому же (мужу), мастеру Молла-Панах-Вагифу он послал разукрашенный драгоценными камнями посох.

Когда ханы окрании узнали, что покойный Ибрагим хан, пребывающий ныне в раю, изъявил покорность русскому государству, они направили своих послов к хану с письмами, в коих говорилось: „Надев на (свои) плечи одежду покорности, в ушах мы носим кольца рабства (преданности) величеству нашему хану. Верность (служения) ему мы всегда считали первоначальным капиталом (источником) нашей чести, а пыль из под копыт его быстроходного, подобно урагану коня, мы считали сурьмой для своих взирающих очей. Поскольку высокочтимый хан изъявил покорность русскому государству, объявляем, что мы не можем не быть согласны с ним“.

Покойный Ибрагим-хан отобрал из этих писем письма галышского Мир-Мустафы-хана, ширванского Мустафы-хана, гянджинского Джавад-хана и даже письма ханов Иревана, Нахчевана и Карадага и отправил их представить (взору) сардара (графа Зубова).

Хотя гюрджистанский вали, по сравнению с другими ханами, и обладал великолепием и принадлежал к старинному очагу (роду), но все же в разрешении больших и малых дел он не был в силах не считаться с

советах и решениями покойного Ибрагим-хана, ибо правитель Авара Умма-хан и другие правители Дагестана, в силу родственных уз, подчинялись Ибрагим-хану...

Таковыми были великолепие и пышность, пребывающего ныне в раю Ибрагим-хана. Тогда шекинский, ширванский, гянджинский, карадагский, иреванский, хойский, талышский, нахчеванский, тебризский, шахсеванский и шагагийский ханы были подвластны ему, а тифлисский вали из предосторожности, идя с ним по пути дружбы, волей неволей был вынужден исполнять его приказы. Вдруг, по возвращению ночи и дня, и по воле рока неожиданно скончалась царица солнечной короны.¹ Из-за этого вышел приказ (т. е. преемник Екатерины II Павел I отдал приказ) высокостепенному сардару (графу Зубову) вернуться в Россию. Подчиняясь этому высочайшему приказу, он со своими войсками вернулся (на Кавказскую линию). Как только покойный Ибрагим-хан услышал об этом событии, он дал знать гюрджистанскому валию: „Я вместе с победоносными войсками Карабага и Дагестана поднимаю знамя нашествия на Гянджу. Вы также, немедленно, соберите грузинские войска для совместного выступления с нами в том же направлении, чтобы напасть на Гянджу, захватить ее и проучить Джавад-хана гянджинского..“

Вали тоже собрал войско и выступил против гянджинского хана. Они, после осады, захватили город. Мелик-Меджнун был убит в этом бою. Джавад-хан сдался и в качестве заложников послал к Ибрагим-хану своего сына и дочь. Он обязался во всем подчиняться Ибрагим-хану.

После нашествия Ага-Мухаммед-шаха на Дар-ус-сур вали более в Тифлис не возвращался и проживал в Кахете (Кахетии). Через два года после этого события вали скончался, сменив свой царский трон на могольские кирпичи.² Преемником его стал старший сын — Георги-хан.

¹ Солнечная корона — титул русских царей. Имеется в виду Екатерина II, скончавшаяся 6 ноября 1796 года.

² Царь Грузии Ираклий II скончался в бывшей столице Кахетинского царства гор. Телаве 11 января 1796 г. (См. Н. Дубровин „Георгий XII последний царь Грузии и присоединение ее к России“, т. I, изд 2-е, СПб, 1897. См. его же, „История войны и владычества русских на Кавказе“, т. III, стр. 215. СПб, 1886).

Однако другие его братья—Юлон-хан, Парнаоз-хан и Александр-мирза с этим не согласились.¹ Причиной же было то, что все они были рождены от одной матери, а Георги-хан—от другой. Каждый из них, враждуя с Георги-ханом, поднял восстание против него.

Александр-мирза занял магалы: Казах, Бошчалу, (Борчалы), Шемседдин (Шамшадиль) и отказался подчиниться новому вали—Георги-хану.² Последний вынужден был прибегнуть к помощи наемных войск, набранных им в Дагестане.

Гюрджистанские войска при помощи дагестанцев, ироядя Кесаманский кышлак, вступили в казахские земли. Александр-мирза, чувствуя свою слабость, бежал в карабагский вилайет.³ Вали наказал некоторых смутьянов и бунтарей Казаха и Бошчалу.

Тем же войскам Георги-хан приказал вторгнуться в Карсский вилайет, создать там беспорядок и ограбить население. Оттуда его доблестные войска, выполнив в точности задание своего валия, направились в Тифлис. После бегства Александра-мирзы в Карабаг; другие сыновья покойного валия думали лишь о сохранении собственной жизни.

¹ Царевич Юлон был старшим сыном царя Ираклия от второй его супруги царицы Дарии Георгиевны; ко времени описываемых событий ему было около 40 лет.

Царевич Парнаоз был шестым сыном царицы Дарии Георгиевны; ко времени описываемых событий ему было около 26 лет.

Царевич Александр был пятым сыном царицы Дарии Георгиевны; ко времени описываемых событий ему было около 32 лет.

(См. „Грузинский царский дом“, АКАК, т. I, д. № 161, стр. 199).

² Царевич Александр прибыл в Шамшадиль 8 января, а в Казах—11 января 1801 г.

(Письма к Тамазу Орбелиани от царевича Александра, от 8-го и 11-го января 1801 г., (АКАК, т. I, д. № 163, стр. 203, 204).

Ср. Рапорты ген.-майора Лазарева ген.-лейт. Кноррингу, от 20 и 24 го января 1801 г. за № 47 и 55. (АКАК, т. I, д. №№ 314 и 315, стр. 283—284).

³ В Карабаге царевич Александр был в начале марта 1801 г. (См. Рапорт ген.-майора Лазарева ген.-лейт. Кноррингу, от 15-го марта 1801 г., за № 168. (АКАК, т. I, д. № 320, стр. 284—285).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О ВТОРОМ ПОХОДЕ АГА-МУХАММЕД-ШАХА, ВЗЯТИИ КАРАБАГА, О ВЫЕЗДЕ ПОКОЙНОГО ИБРАГИМ-ХАНА В БЕЛАКАНЫ И О ВСЕХ ПОСЛЕДНИХ СОБЫТИЯХ, ПРОИСХОДИВШИХ С АГА-МУХАММЕД-ШАХОМ

Узнав о возвращении сардара (главнокомандующего графа В. А. Зубова), Ага-Мухаммед-шах задумал покорить Карабаг. Весною¹ он собрал войско, превосходившее по численности дождевые капли и листья деревьев, и поднял знамя (борьбы) против Азербайджана. Так как вследствие земных несчастий и небесной кары в течение трех лет в Карабагской провинции не было урожая, то каждое зерно злака ценилось дороже благоухающей мускусной родинки красавицы. Кызылбашские войска с Ага-Мухаммед-шахом во главе подошли к берегу Араса. Из-за этого (неурожая) не было возможности оставаться в крепости Шуше и вступить в бой с кровожадным врагом. Забрав с собою свою семью, также и семьи беков, готовых жертвовать своей жизнью из-за него, высокопоставленный хан отправился в Джары и Талы. Зятя покойного Ибрагим-хана, Насир хан и Селим-хан шекинский, затем Ата-хан шахсеванский и другие знатные беки Карабага были вместе с Ибрагим-ханом (т. е. поехали вместе с Ибрагим-ханом), пребывающем ныне в раю.

Узнав об этом, остановившийся на берегу Араса Ага-Мухаммед-шах послал отряд с тем, чтобы взять в плен Ибрагим-хана, пребывающего ныне в раю, и его приближенных и сородичей.

¹ 1797 г. См. Н. Дубровин. „История войны и владычества русских на Кавказе“, т. III, стр. 209, СПб, 1886 г.

Невдалеке от моста на Тертер-чае они (люди Ага-Мухаммед-шаха) настигли группу Ибрагим-хана. Завязался бой, но преследовавшие кроме потерь ничего не добились (Ныне) покойный Ибрагим-хан со своей семьей и приближенными переправился через реку Кюр и невредимым прибыл в Джары и Белаканы. По поручению Ага-Мухаммед-шаха, некоторые лезгинцы пытались задержать Ибрагим-хана в пути и доставить его Ага-Мухаммед-шаху. Вот-вот должна была завязаться схватка, но тут вмешалась жена покойного Ибрагим-хана—Бике-Ага, сестра правителя Авара—Умма-хана. Она своими советами сумела предотвратить кровопролитие.

В эти самые дни Мухаммед-Рафи-бек карабагский привез в Белаканы окровавленную голову Ага-Мухаммед-шаха и известил о его гибели высокоочтимого Ибрагим-хана, пребывающего ныне в раю.

Подробности этого происшествия таковы: через неделю после того как Ага-Мухаммед-шах вступил в город Шушу, однажды ночью он за незначительный проступок своих приближенных Сафар-Али-бека и Аббас-бека пригрозил им, сказав: „Ранним утром, когда все-сильный властелин небосклона—сверкающее солнце—поднимет на востоке свою лишенную туловища голову и эмалевый подол небосклона сделает подобным розе, я прикажу в назидание другим отделить головы от ваших омерзительных туловищ, поднять их на пики и вашей алой кровью окрасить цветники Карабага в маков цвет“.

Они (Сафар-Али-бек и Аббас-бек) хорошо знали, что Ага-Мухаммед-шах никогда не отступает от своего слова. Жалобные просьбы ходатаев за них не согрели его студеного, железного сердца. Они задались целью покончить с грозным шахом в эту же ночь. И вот, на рассвете, когда Ага-Мухаммед-шах был опьянен негой из чаши сна, они вошли в гаремную часть дворца (опочивальню) насквозь пронзили его кровотокающим кинжалом и (сделали его) подобным кольчуге Давида¹. Забрав с собою разукрашенный драгоценными камнями базубенд², корону и хамаил³, добра-

¹ В восточном завете есть предание о том, что в одном из сражений кольчуга царя Давида была рассечена на куски.

² Базубенд—по-персидски—повязка на руку. Широкая лента из дорогой ткани, расшитая драгоценными камнями или жемчугом. В одеянии иранских шахов базубенд нашивался на рукава выше локтя.

³ Хамаил—жемчужное ожерелье.

лись до Садых-хана шагагийского и осведомили его о случившемся. Садых-хан не поверил их словам, ибо он сам всегда опасался Ага-Мухаммед-шаха и поэтому считал их слова за очередную кознь со стороны последнего. Наконец, они самыми убедительными клятвами уверили Садых-хана в правдивости своих слов. Они с большой осторожностью ввели его во дворец Мухаммед-Гасан-аги, сына покойного Ибрагим-хана, где помещался Ага-Мухаммед Шах Каджар. Первым в опочивальню вошел Сафар-Али-бек и приподнял с лица шаха кончик одеяла. Он снова вонзил свой кровавый кинжал в грудь шаха. Садых-хан, увидев это зрелище, чуть не лишился ума. Забрав с собою хамаил, базубенд и корону, (он) вернулся в свое жилище и, собрав шагагийские войска, оставил Шушу. При выезде он сказал: „Шах посылает меня за Ибрагим-ханом“. Убийцу шаха—Аббас бека он тоже взял с собою. Сафар-Али-бек же остался в крепости.

Через два часа после ухода Садых-хана из калы, весть о смерти шаха облетела весь город. Когда кызылбашские ханы узнали о случившемся, (они) растерялись, их охватило какое-то оцепенение. Каждый из них со своими людьми, целыми отрядами поспешил удалиться из города. Народ валом валил к дому, где находился труп шаха. Население нападало на кызылбашские войска и отнимало все, что они имели... В это самое время племянник покойного Ибрагим-хана—Мухаммед-бек прибыл во дворец и то, что осталось еще неразграбленным, захватил сам, и все золото, серебро драгоценности велел перенести в свой собственный дом. Бразды правления он взял в свои руки и голову Ага-Мухаммед-шаха через Мухаммед-Рафи-бека отослал своему дяде в Белаканы. Когда хан, пребывающий ныне в раю, освободился от (угрозы дальнейших) злодеяний Ага-Мухаммед-шаха, (он) отрезанную голову его, в качестве подарка, отослал грузинскому валию. Через несколько дней (Ибрагим-хан) своего храброго сына и наследника Мехти-Кули-агу послал в Карабаг с поручением успокоить население города, воцарить там тишину и порядок. За ним он послал в Карабаг самого старшего своего сына Мухаммед-Гасан-агу...

Через несколько дней хан, пребывающий ныне в раю, приехал в Карабаг и попрежнему взял в свои руки бразды правления...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О ВТОРОМ ПОЯВЛЕНИИ РУССКИХ ВОЙСК В ЭТОЙ СТОРОНЕ КАВКАЗА И О СОБЫТИЯХ, ИМЕВШИХ МЕСТО ТОГДА

Как только иранский венценосец Ага-Мухаммед-шах Каджар был убит, а Георги-хан стал самостоятельным валием Гюрджистана и престол вадия украсился его особой, на царский престол Ирана сел Фетх-Али-шах Каджар.¹

Вали опасался с одной стороны Рума,² с другой стороны—Ирана, а с третьей стороны считал свои владения небезопасными со стороны Дагестана. Ко всему этому еще прибавилась ненависть братьев к нему. Он со своим старшим сыном Давуд-мирзой³ к порогу великого императора лучезарного, звездного (высокого) государства, царю-царей, властелину народов, его величеству Павлу Петровичу направил письмо, наполненное мольбой и просьбами. В этом письме говорилось:

«Я нахожусь в окружении иноверцев и предоставлен самому себе. Каждую минуту жду нападения с какой-либо стороны, и это приводит меня в отчаяние. Окружающие Вас сановники знают о моем положении.

¹ Уже к началу 1800 г. Фетх-Али-шах укрепился на престоле и подверг казни многих враждебных ему ханов. См. Письмо Джафар Кули-хана Хойского к ген.-лейт. Кноррингу. (АКАК, т. I, д. № 961, стр. 675). См. также записку с. с. Коваленского о Грузии. (АКАК, т. I, д. № 34, стр. 113).

² Рум—Турция.

³ Давуд-мирза—Данил Георгиевич, старший сын царя Георгия XII от первой супруги. См. Грузинский царский дом. (АКАК, т. I, д. № 161, стр. 200).

Несчастья, постигшие меня, отражены в зеркалах их сердец. Двухязычное перо не в состоянии описать всех злодеяний, учиненных нам Ага-Мухаммед-шахом.

К царю вселенной, повелителю мира мы обращаемся с просьбой: из уважения к нашей нации и во имя защиты религии взять нас под свое покровительство. Просим Вас украшающим весь мир лучезарным знаменем Вашим отогнать от нашего лица тьму насилия коварного и жестокого врага".

Вслед за Давуд-мирзой, он направил к небесно-великолепному порогу императора одного из избранных людей Гюрджистана, доверенного человека, принадлежавшего к роду знатных тавадов, занимавшего должность эшик-агасы-баши, и ранее известного во дворце владыки мира¹ князя Гарсеван-бека Чавчавадзе. По получении этого письма взволновалось львиное сердце царя-царей, его величества императора. Он повелел генерал-майору Лазареву выступить с полком солдат и усердно охранять границы Гюрджистана. Одновременно статского советника Коваленского назначил министром и велел ему находиться при гюрджистанском вали.

Названные выше люди приехали в Тифлис и представились валию.² Спустя год Умма-хан с двадцатитысячным войском выступил из Дагестана в направлении (Гюрджистана).

Умма-хан мыслил так: „Коль скоро вали отдал себя под покровительство русского оружия и забыл свою дружбу с нами и наше доброе отношение к нему, так я пойду в Гюрджистан, выбью оттуда русские войска и, как в былые времена, предам огню и мечу Дар-уссурур и ограблю его дочиста".

Услышав об этом, вали чрезвычайно встревожился и от страха впал в мрачные думы, ибо он хорошо помнил злодеяния Ага-Мухаммед-шаха в Тифлисе. Ему даже страшно было вспомнить об этом жутком событии. Население Тифлиса, спасая жизнь, решило бежать. Каждый выбирал себе более безопасное место.

¹ Имеется в виду дворец российских императоров.

² Полк русских войск под командой ген.-майора Лазарева вступил в Тифлис 26 ноября 1799 г. Министр Коваленский прибыл в Тифлис 8 ноября того же 1799 г. См. Письмо с. с. Коваленского к ген.-л. Кноррингу, от 2 декабря 1799 г., Тифлис. (АКАК, т. I, ч. II, д. № 6, стр. 98).

Вышеупомянутый генерал сколько ни увещевал, сколько ни уговаривал население Дар-ус-сурура не поддаваться панике и не оставлять город, все же оно не поверило ему, ибо до того времени еще не знало силы оружия победоносной русской армии и не испытало его на пробном камне. Генерал (Лазарев) понял, что сколько бы ни был сильным огонь его наставлений и увещеваний, они не могут тронуть холодного железа сердец тифлисских жителей. Капли его обещаний и уверений не могли продолбить гранит сердца населения. Он мужественно через глашатаев оповестил население Тифлиса о том, что напрасно оно бросает родные очаги, напрасно покидает свою родину и что он с счастливыми русскими войсками выступит против (лезгинского) войска. Если он окажется победителем, то случится то, чего население желает, если же, не дай этого бог, он окажется побежденным и не устоит перед врагом, тогда только население может удалиться кто-куда желает.

Население Гюрджистана, услышав об этом, успокоилось. Встрепенувшиеся птички их сердец обрели покой. После этого, упомянутый генерал, собрав свое доблестное войско и приведя его в боевой порядок, выступил против Умма-хана. Вечером, под деревней Суграджо (Сагареджо?) на реке Кыбыр' (Норе) два войска, жаждавших крови, два грозных боевых отряда встретились лицом к лицу. Когда дагестанское войско заметило, что количество русского войска не очень велико, оно просто поразилось и недоумевало: как могло такое малочисленное войско решиться на бой. Как они своими деревянными¹ ногами пройдут по трудным, малодоступным дорогам этой страны?

На том самом месте враждующие стороны разгрузили свои тюки, разбили лагеря.

Некоторые военачальники лезгин говорили, что утреннее худо лучше вечернего блага („Утро вечера мудренее“), лучше с утра приступить к бою.

Умма-хан и другие военачальники на это ответили:

Бейт: „Кто знает, кроме бога, что рок готовит нам на завтра“.

„Я советую сейчас же разогреть арену боя, оглушить мир пальбой наших пушек и ружей,

¹ Русские солдаты носили тяжелую, грубую обувь, поэтому лезгины называли их ноги деревянными.

(посредством) наших сверкающих сабель напоить этих злодеев сиропом из чаши смерти“.

Сказав это, Умма-хан части своего войска приказал окружить, подобно камню перстня, с четырех сторон воннов генерала и, взяв всех их в плен, вернуться к нему.

Дагестанские войска, во исполнение приказа своего командующего, ринулись в бой.¹ Когда лезгины начали приближаться к русским войскам, упомянутый генерал (Лазарев) приказал немедленно зарядить драконоподобные и огнемечущие пушки, а доблестным солдатам приказал с гиком и криком „ура“ лететь молниеносно на врага. Дагестанские войска заметили, что лучечный огонь русских все вокруг превращал в море огня. Одежда на русских солдатах кровью дагестанских воинов (окрасилась) в алый цвет. Они не могли устоять перед русскими. Их ноги переставали служить им. Лезгины, не выдержав натиска, обратились в бегство. Их потери в людях и снаряжении были велики. Уцелевшие от меча с невероятным трудом присоединились к оставшимся частям своего войска. Они в точности рассказали (им) о происшедшем. Услыхав это, они (лезгины) весьма опечалились и испугались

Салари:

„И мы из-за чести и славы своей
Вынем из ножен саблю ненависти.
На арене боя поскачем на конях
Со стрелой, пикой и острой саблей,
Окунемся как киты в море крови,
Сделаем тесной арену боя для них.
Если не прославим себя мужеством
Пусть не впрок будет нам носить
папаху на голове“.

¹ Сражение между русскими и грузинскими войсками, выступавшими под командой ген.-м. Лазарева и царевича Иоанна, и дагестанскими войсками, находившимися под предводительством аварского Умма-хана (Омар-хана) и царевича Александра, произошло на берегу р. Иоры неподалеку от сел. Каклабета 7 ноября 1800 г. По донесениям генерала Лазарева, дагестанцы потеряли только убитыми около 2 тыс. человек, потери русских и грузин составляли 13 чел. См. рапорты ген.-м. Лазарева ген.-л. Кноррингу, от 8-го и 14-го ноября 1800 г., №№ 67 и 68. (АКАК, т. д. №№ 109 и 111, стр. 168, 170—175).

Когда генерал увидел это радостное событие (поражение и бегство врага), он велел барабанщикам бить отбой. После отдыха, он, взяв свое победоносное войско, направился на укрепления врага. Решительным наступлением, отважными атаками он рассеял лезгин. Умма-хан и другие лезгинские командующие всячески старались хитростью приостановить бегство своих диких воинов и вынудить их к бою с русскими, но все было тщетно. Дагестанцы были встревожены и напуганы первыми ударами русских войск.

И когда лик дзевной феи стал чернеть, как судьба Умма-хана, лезгины, ударив лицом в грязь и навьючив кеджаве¹ на верблюдов отступления, пустились бежать. Они бежали до границ гянджинских земель. Так как в то время горы были покрыты снегом, совершить переход в Дагестан было невозможно. Они думали, что достигнув Гянджи, оттуда направятся в Карабаг и, пробыв там всю зиму, с наступлением весны вернутся к себе на родину.

Как только население Гянджи узнало об участии лезгин, обнажив мечи, начало истреблять этих малочисленных и беспомощных людей²; даже тех, которые уцелели и бежали, догоняли и также беспощадно убивали. Остатки разгромленных лезгин нигде больше не могли укрыться. Они после долгих мытарств добрались до Джар и остались зимовать.³ Через некоторое время Умма-хан там заболел и умер.⁴ Его похоронили в Джарах. Лезгины облеклись в траур и тяжело переживали эту утрату.

¹ Кеджаве — крытые сиденья для путешественников, навьючиваемое на животных.

² В рапорте ген.-майора Лазарева к ген.-лейт. Кноррингу от 4 декабря 1800 г. сказано: „Из числа войск Омар-хана, пошедших в Симухию, некоторые партии для добычи кинулись на владения гянджинского Джевад-хана, а сей, узнав о их беге, против их поставил войско“. (См. АКАК, т. I, д. № 127, стр. 183).

³ В рапорте ген.-майора Лазарева ген.-лейт. Кноррингу от 21 декабря 1800 г. сообщается следующее: „Конфидент мой, посланный в Чары, привез известие, что Омар-хан действительно прибыл в оные и по невозможности перейти снеговые горы намерен пробыть зиму в Белаканах; что войска с ним нет, а которое было все разошлось по своим домам“. (АКАК, т. I, д. № 132, стр. 187). Ср. Письмо Джеват-хана к ген.-м. Лазареву. (АКАК, т. I, д. № 812, стр. 606).

⁴ Омар-хан аварский умер в Белаканах 10 марта 1801 г. См. Рапорт ген.-м. Лазарева ген.-л. Кноррингу от 16-го марта 1801 г., за № 174 (АКАК, т. I, д. № 421, стр. 332).

Генерал (Лазарев), немедля, послал своих людей в Тифлис для оповещения населения (о победе русских войск) и даже послал головы нескольких убитых. Но никто этому сообщению не поверил.

Тогда и я сам был в Дар-ус-суруре. Спустя несколько дней, господин генерал, с большими почестями, торжественно въехал в пределы Гюрджистана. Тифлис по этому случаю ликовал. Вера населения Гюрджистана и прочих людей в смелость и отвагу русских победоносных войск сильно возросла, ибо (это было одним из редких и трудноразрешимых дел. После этого слава и доблесть генерала и его победоносных войск попала на уста народа. Действительно, (слава о) неподдающейся описанию храбрости генерала распространилась на весь Кавказ¹. Перо не в состоянии описать подобную отвагу.

После этого события вали жил еще один год, а зимой скончался². Его братья, собрав большое войско, из Картиля (Картли) двинулись в сторону Тифлиса. Они стремились своего старшего брата Юлон-мирзу сделать валием страны, властелином и знатных и простолюдин. Они пришли в расположенное над Тифлисом селение Хабучала и остановились там. Генерал со своим доблестным войском выступил к ним навстречу. Он их гнал до Башы-ачыга (Имеретии). После своего возвращения он назначил временно на пост валия старшего сына покойного валия — Давуд-мирзу.³

Так шло время до весны, когда златовенечное светлое солнышко, войдя в Овен⁴, дошло до своей весен-

¹ Фетх-Али-шах, узнав о победе над Умма-ханом аварским, ост. вил намерение о посылке отрядов в Грузию. См. Всеподданнейший рапорт ген.-л. Кнорринга, от 8-го февраля 1801 г. (АКАК, т. I, д. № 969, стр. 683).

² Царь Грузии Георгий XII умер 28 декабря 1800 года. См. Рапорт ген.-м. Лазарева ген.-л. Кноррингу, от 28 декабря 1800 г. за № 93. (АКАК, т. I, д. № 137, стр. 188).

³ Мирза-Алигезаль-бек в данном случае допускает неточности поскольку царевич Давид Георгиевич формально царем или правителем Грузии назначен не был. См. Высочайший рескрипт на имя ген.-л. Кнорринга, от 20 января 1801 г. (АКАК, т. I, д. № 520, стр. 413). См. Всеподданнейший рапорт ген.-л. Кнорринга от 1 февраля 1801 г. (АКАК, т. I, д. № 407, стр. 319—323). Ср. Письмо от царевича Давида к католику Антонию, от 7 февраля 1801 г. В нем царевич Давид называет себя правителем Грузии. (АКАК, т. I, д. № 408, стр. 323).

⁴ Овен—знак зодиака, соответствует марту месяцу.

ней резиденции. В это время растения и цветы, являющиеся бутоногрудыми девами земли, украшая своим ярким нарядом леса и поляны, пускали свои ростки и раскрывались. Протяжная трель соловьев, распевавших победную песнь и кружившихся вокруг розовых кустов, раздавалась в садах, горлицы также от радости и восторга пели песню ликования. Косметичка утреннего зефира придавала негу прекрасным цветам, наводила белила своего искусства и румяна своего могущества на бутоны роз.

В это время живший на Линии генерал от инфантерии Кнорринг, отправлявший должность инспектора, приехал в Тифлис¹. Он тут учредил свою канцелярию и выбрал из грузинских тавадов четырех человек, назначив их, как основных столпов государства, диван-беками.² Согласно указаний генерала Кнорринга, все важнейшие дела правительства и важнейшие прошения и ходатайства должны были быть рассматриваемы советом четырех. Сам же он вернулся обратно. Так прошел год. Потом князь Цицианов был назначен главнокомандующим и наместником Закавказских областей³. Он был наделен широкими полномочиями в вопросах правления краем.

Князь Цицианов в Тифлисе заложил основу губернии и организовал необходимые учреждения для губернии. Находившиеся в то время в Гюрджистане все сыновья валия возражали против новых мероприятий, требуя восстановления старых порядков. Они были преисполнены желания затеять неладное. Князь Цицианов, в силу своей благосклонности к ним, долго их увещевал, долго давал им наставления, но все это не возымело на них никакого действия. Они упорно думали о своей затее.

¹ Ген.-л. Кнорринг прибыл с Кавказской Линии в Тифлис в мае 1801 г. См. Разные вопросы, представленные ген.-м. Лазаревым на разрешение ген.-л. Кноррингу, в бытность его в Тифлисе, и ответы последнего. (АКАК, т. I, д. № 537, стр. 420).

² В июне 1801 г. было открыто грузинское правительство, в состав которого вошли четыре мдиван-бека. Это правительство должно было ведать доходами и расходами по Грузии, а также гражданскими делами. См. Письмо к князьям Грузинским — мдиван-бекам Заалу Баратову, Иоанну Чолакаеву, Игнатию Туманову, от 6-го июня 1801 г. за № 30к. (АКАК, т. I, д. № 542, стр. 425).

³ В управление Грузией кн. Цицианов вступил с февраля 1803 г. (АКАК, т. III, д. № I, стр. 4).

Наконец, князь Цицианов убедился в том, что об-разумить сыновей покойного вали—дело безнадежное, что ветерок увещеваний не раскроет бутончики их сердец. Он всех их в принудительном порядке выслал в Русию (Россию).¹ В их числе подлежала высылке жена покойного валия—Дэда-вале, но она отказывалась подчиниться требованию князя. Князь Цицианов по-слал к ней генерала Лазарева и поручил ему убедить ее в бесплезности такого упрямства. Он поручил Лазареву обходиться с ней вежливо и склонить ее к выезду.

Генерал Лазарев поехал к ней, много говорил, убеждал, но все напрасно; она не приняла предложен-ный генерала. Она пренебрегла заслугами генерала и забыла, что население Гюрджистана во многом обяза-но ему. Она, незаметно вынув кинжал из ножен, убила его². Когда весть о трагической смерти Лазарева дошла до Цицианова, он распорядился и ее в прину-дительном порядке выслать в Русию, а при надобности применить силу³.

После этого из семьи валия в Гюрджистане не оста-лось никого. В делах Гюрджистана наступил покой, и тревога уступила место тишине.

В то время лезгины Джар и Белахан по старинке продолжали делать налеты на Гюрджистан и уводить население в плен. Они никак не могли отказаться от своих диких нравов и непристойных поступков. Сколь-ко бы писем ни писал генерал своим пахнущим амб-рой пером—все это не имело действия. Он им писал, что теперь не те времена, когда они имели дело с подданными валия, теперь во главе государства стоит царь, равный по величине Джемшиду. Он требовал, чтобы они отказались от злодеяний и не нарушали покой своих соседей. Он писал, что такое их поведе-ние не даст им ничего полезного, а кончится для них очень плохо.

¹ Царевичи Вахтанг Ираклиевич и Давид Георгиевич были отправлены в Петербург в феврале 1803 г. См. Предписание кн. Цицианова ген.-м. Гулякову, от 19-го февраля 1803 г., № 137. (АКАК, т. II, д. № 112, стр. 69).

² Ген.-м. Лазарев был убит царицей Дарией Георгиевной 21 апреля 1803 г. См. Замечания о Грузии. АКАК, т. III, д. № 1, стр. 5)

³ Царица (Дария Георгиевна) выехала в Россию 25 октября 1803 г. См. Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова, от 27-го октября 1803 г., № 98. (АКАК, т. II, д. № 167, стр. 102, 103).

Неоднократно князь Цицианов обращался к ним по этому поводу, но они никак не хотели образумиться. Наконец, он решил наказать их и, взяв некоторое количество войск, направился в сторону Дагестана. Как только лезгины узнали об этом, собрали сходку и решили готовиться к отпору. Они подошли к реке Каныку (Алазани), разбили шатры и расположились лагерем в ожидании прихода русских войск. Они решили не впускать на территорию Джар победоносного русского войска, не ведая того, что щепка не устоит перед огненной молнией и что никакими мерами нельзя отворотить несчастье, исходящее от небес.

Как только русские войска дошли до реки Каныка (Алазани), они, как соколы, жаждущие дичи, переправились через реку. Свист пуль, вылетающих из их ружей, был для них песней победы, а блеск их мечей — отражением их могущества. В один миг не осталось и следа от этих (джаро-белаканских) буйных войск. До Белакан они (русские войска) нигде не останавливались и не отдыхали. Они до тла разрушили их (белаканцев) сильную крепость, убежище и место надежды (опоры) Белаканы¹. Им задали такую взбучку, чтобы они больше никогда не осмелились бы взять кого-либо в плен из Гюрджистана, чтобы они больше не преступали бы границ этого древнего и рокового для них края. Князь Цицианов на территории Джар оставил гарнизон, назначив его командующими генерал-майора князя Орбелнани и генерал-майора Гулякова.

Он (князь Цицианов) поручил им, в случае враждебных действий лезгин и их буйства, принять против них соответствующие меры и не допускать их причинять беспокойство населению Гюрджистана.

Сам же он (князь Цицианов) вернулся обратно и на следующий год вступил в Гюрджистан.

Князь Цицианов написал письмо Джавад-хану гянджийскому и предложил ему подчиниться русскому государству и русским властям, поставленным свыше,

¹ Поход российских войск в Джарскую область был совершен по предписанию кн. Цицианова в апреле 1803 г. под командованием гсн.-м. Гулякова. См. Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова, от 17 апреля 1803 г., № 42. (АКАК, т. II, д. № 1387, стр. 685 и сл.). К указанному рапорту приложены условия, на которых Джарская область вступила в российское подданство.

не враждовать и не вступать своей ногой в область мятежа, иначе он (Джавад-хан) из цветника вражды с саяновниками могущественного и древнего государства, кроме цветов вреда никаких других не сможет сорвать; семя же вражды, кроме сожалений, никаких плодов не даст.

Джавад-хан не придавал значения этим миролюбивым советам и не послушался его (князя Цицианова) слов. Всколыхнув свои знамена, князь Цицианов двинул войска, подобные бушующему морю, в направлении Ганджи. Собрав конницу тавадов, азнауров, шемседлинцев и казахцев, князь Цицианов приготовился к походу. Вступая в гянджинские земли (ханство)¹, победоносные русские войска заняли всю окрестность. Джавад-хан же, собрав своих людей и войско, двинулся против врага. В двух верстах от Гянджи, в местности Кулу-кобу оба войска встретились лицом к лицу. Завязался горячий бой. Джавад-хан после некоторого сопротивления, обессилив, с расстроенными (войсками) пустился в бегство. Как он добрался до крепости и заперся в ней.

Отважные русские войска, воидя в город, тесно окружили цитадель со всех четырех сторон и оставались там (в продолжении) месяца. В ночь под праздник Фитр они решили с помощью лестниц взобраться на стены. Джавад-хан геройской атакой отбил несколько таких попыток. Наконец, выстрелом майора Лисаневича, он со стены жизни попал в область смерти (был убит). Солдаты со всех четырех сторон перешли в наступление и ворвались в (город)²...

После приказа высокопоставленного, все сильного главнокомандующего семьи жителей привели в город, а семью Джавад-хана доставили в мечеть, а потом, поместив в одном доме, установили при ней охрану.

Князь там (в Гяндже) организовал власть и назначил коменданта. Успокоив население и, обещав ему мир и безопасность, вернулся в Гюрджистан.

¹ Письмо кн. Цицианова к Джавад-хану от 29-го ноября 1803 г. (АКАК, т. II, д. № 1172, стр. 588. Ср. также Письма кн. Цицианова к Джавад-хану, от 9, 11, 26, 28, 29 декабря 1803 г. (АКАК, т. II, д. № 1175—1179, стр. 590, 591)

² Гянджинская крепость была взята штурмом на рассвете 3 января 1804 г. См. Предложение кн. Цицианова Кавказскому гражданскому губернатору Каспарову, от 8-го января 1804 г., № 5. (АКАК, т. II, д. № 1182, стр. 592).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПОХОД КНЯЗЯ ЦИЦИАНОВА НА ИРЕВАН. ВОЙНА И ПОБЕДА, ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕГО В ОТЧАЯНИИ В СВЯЗИ С НЕВОЗМОЖНОСТЬЮ ЗАХВАТИТЬ ИРЕВАН

Вернувшись в Тифлис, князь Цицианов зиму провел в подготовке войска и снаряжении к походу. С наступлением весны он направился на Иреван.¹ Правитель Иревана Мухаммед-хан неоднократно писал князю письма, в которых говорил: „Не теряйте времени, немедленно направьтесь в Иреван и осветите эти места восходом полумесяца ваших победоносных знамен. Как только появятся ваши доблестные войска, ключи от крепости тут же представлю вам. Я подчинюсь высокой власти лучезарного российского государства“.

Как раз в это время правитель Нахчевана Кельб-Али-хан находился в Иреване. Хотя Мухаммед-хан и был самостоятельным правителем Иревана, но все же решение важнейших вопросов и устройство больших и малых дел (Иреванского ханства) было связано с волей Кельб-Али-хана и зависело от его советов.

Сардар (главнокомандующий русскими войсками князь Цицианов), продвигаясь вперед, дошел до местечка Уч-килиса² и велел разбить там величественные шатры.

¹ Российские войска под командованием кн. Цицианова к крепости Эривани подошли в конце июня 1804 г. См. Письмо кн. Цицианова к Эриванскому Мамед-хану, от 26-го июня 1804 г. за № 3:8 (АКАК, т. II, д. № 1232, стр. 615).

² Уч-килиса — по-азербайджански, буквально „три церкви“ — Эчмиадзин.

Иранское же государство снабдило малолетнего Аббас-мирзу большим количеством войск, назначив его главнокомандующим, обеспечило его бесчисленным снаряжением и направило навстречу сардару Цицианову. Аббас-мирза, горя желанием вступить в бой, поднял знамя наступления. Обе армии встретились в Уч-килисе. Тут произошла ожесточенная битва.¹ Пыль из-под копыт коней затмила звезды, от блеска мечей на четвертом (своде) небес прищурились очи солнца.

Салари:

„На поле брани от пыли, поднятой конями,
Не сверкали ни солнце, ни луна...
Крик и шум животных доносились до небес.
Ревели молодые воины, крича:
„Бей, не щади!“
Выбивали ум из головы, истощали силы.
В той битве рекой лилась кровь“.

Большинство бойцов погибло, уцелевших было мало. Русские войска разделались на три группы. Кызылбаши так штурмовали их, что светлый мир стал темным (т. е. черная пыль, поднятая столбом, заслонила свет солнца). Русские войска потеряли друг друга из виду. Каждая группа полагала, что другая—поражена и уничтожена. Как только воздух прояснился русские увидели, что все они живы и здоровы, а кызылбаши увидели, что они разбиты. Растения от их крови стали кызылбашиами² (головки растений окрасились их алой кровью). После этого повода воли выпали из их рук. Они больше не могли оказывать сопротивления. Охваченные страхом, они не смели приблизиться к врагу. Отступив, они расположились лагерем выше Иревана, в сильно укрепленном убежище Канакире.

Цицианов вместе со своим войском расположился

¹ Сражение при Эчмиадзине произошло 19 или 20 июня 1804 г. Ген Цицианов об этом сражении писал, что им было сделано „сильное отражение многочисленной толпы персиян, предводимых сыном Баба-хана“. См. Письмо кн. Цицианова к Эриванскому Мамед-хану, от 22 июня 1804 г., № 316. (АКАК, т. II, д. № 1231, стр. 615).

² Кызылбаши—буквально красноголовцы.

там (при Эчмиадзине) на отдых. Затем он двинулся за ними (кызылбашами). Получилось так, что они достигли кызылбашей в сумерки. Увидя это, кызылбашки оставили все свои шатры и снаряжение и обратились в бегство. Русское войско захватило все оставшиеся от них вещи и запасы.¹ Оттуда они (русские войска) направились на осаду Иревана.²

Отправив (в поход) Аббас-мирзу, Фетх-Али-шах с бесчисленным войском пошел вслед за ним. По дороге он услышал о поражении Аббас-мирзы. Продвигаясь со скоростью ветра и молнии, они соединились друг с другом в местечке, называемом Девелу (?).

В местности, находящейся выше Иревана, (они) вступили с русскими в крупное сражение. Не достигнув цели, они (иранские войска) пришли в совершенное расстройство, отступили и расположились в окружающей местности. Они нападали на людей, везущих провиант. Русские войска окружили город Иреван, а кызылбашки окружили их (русских). Кызылбашки настолько отрезали все пути продвижения, что русские войска потеряли всякий выход. Даже участвовавшие в походе Цицианова грузинские князья во время своего бегства были схвачены кызылбашками и попали в плен (к ним).³

Фетх-Али-шах отправил сардара Пир-Кули с валнем Гюрджистана Александром-мирзой в Дар-ус-суруп.

Первыми отвернулись от русских и перестали подчиняться этому государству (России) илаты Казаха и Бошчалу. Кроме Насиб-бека, оказавшего большие услуги в гянджинской битве и находившегося при майоре Лисаневиче, а также шемседдинцев, все остальные

¹ О сражении при Капакире и захвате лагеря иранских войск 30 июня 1804 г. см. Сообщение кн. Цицианова кн. Тенишеву, от 7-го июля 1804 г., № 332 (АКАК, т. II, д. № 1668, стр. 809).

² Эриванская крепость была блокирована российскими войсками со 2 июля 1804 г. (АКАК, т. II, д. № 1668, стр. 810).

³ См. Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова, от 15-го августа 1804 г., № 41—Эривань. К рапорту приложен „Список князьям и дворянам, отправившимся в Тифлис 7-го августа“. Значительная часть обозначенных в списке лиц иранскими войсками была захвачена в плен (АКАК, т. II, д. № 1672, стр. 811). См. также Письмо кн. Ив. Орбелиани к кн. Цицианову, от 10-го ноября 1804 г. Тавриз. (АКАК, т. II, д. № 1678, стр. 813). Ср. Фирман Фетх-Али-шаха имеретинскому царю Соломону, от 25-го августа 1219 (1804) г. (АКАК, т. II, д. № 1682, стр. 815, 8.6).

села и деревни близ города Тифлиса, все илаты и даже убежавшие в Башы-ачыг (Имеретию) сыновья валия, присоединившись к валию, подняли восстание против русских.¹

В селении Кара-килисе (Караклисе) находилось небольшое число солдат. Они (восставшие) окружили их и сельских жителей, но в конце концов не смогли овладеть этим местом. Из-за недостатка провианта в своей армии господин Цицианов снарядил и отправил в Гюрджистан за провизией отряд до 150 солдат во главе с майором Кандраровым,² которого называли Кара-майором³, присоединив к нему Рустам-бека Мелик-Абу-оглы со своими людьми. Им было поручено как можно скорее доставить войскам продовольствие. Войска кызылбашей, узнав об этом, стали их преследовать. Три дня они их преследовали, имея с ними неоднократные стычки. Когда преследовавшие вступили в Панбак (Памбак), они сообщили сардару Пир-Кули о том, что три дня ведут с ними усиленную борьбу и за это время не только привели их в отчаяние, но и сами от них пришли в отчаяние. Они просили Пир-Кули помочь им. Сардар Пир-Кули и сыновья валия присоединились к ним и пришли к ним на помощь. Бой длился с утра до сумерек. В этом бою погибло много людей. Пока майор не был ранен, горячая схватка продолжалась, но как только майор, получив три пулевых ранения, умер, его солдаты пали духом и потерпели поражение. Армяне (из отряда Монтрезора) убежали и укрылись в пещере, превратив ее в укрепление. Наконец, и они попали в петлю плена.

Вернувшись оттуда, они (кызылбашы) осадили Кара-килису (Караклис), засели там и стали сеять семена смуты и раздора.

Губернатор с маленьким отрядом солдат отправил из Дар-ус-сурура для войск сардара (князя Цициано-

¹ О переходе из стороны иранских войск части борчалинцев, кизахцев, шамшадильцев и памбакцев см. Фирман Фетх-Али-шаха к кабардинским, чеченским и осетинским князьям, бекам, узденям, старшинам и народу, от джемади-эс-сани 1219 (1804) г. (АКАК, т. II, д. № 1689, стр. 820, 821).

² В тексте вместо фамилии Монтрезор обозначена фамилия „Кандраров“. О судьбе отряда майора Монтрезора, отправленного из корпуса у Эривани, см. Замечания о Грузии. (АКАК, т. III, д. № 1, стр. 5).

³ По-азербайджански—черный майор.

ва) большое количество провианта, приблизительно до 200 арб. Когда обоз дошел до яйлага Джылгы, то илаты, расположившиеся на этом месте, пересекли ему дорогу. Попав в затруднительное положение, солдаты соорудили себе из арб укрепление и засели (укрылись за ними). Пригнав к своему укреплению немного баранов из отар илатов, они вошли в него и стали защищаться. Как ни старались и ни трудились илаты, но взять укрепления не смогли. Наконец, они вынуждены были уведомить об этом сардара Пир-Кули и просить у него помощи. Сардар Пир-Кули вскочил на своего быстроходного, подобного ветру, коня и прибыл к ним (на помощь).

Он (Пир-Кули) очень старался и измерял путь своих мероприятий шагами рассудка, но аркан его мысли не мог охватить тех укреплений. Он не мог взять деревянного укрепления. Наконец, не достигнув цели, он потерял всякую надежду. От стыда и досады его лицо покраснело и он заплакал. С мокрыми глазами он пришел к подошве горы Аглаган¹ и упал на нее как слеза.

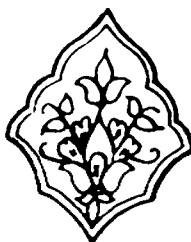
Как только весть об этом (об окружении солдат с двумястами арб) распространилась в Тифлисе, на выручку был послан генерал с тремястами солдат и с пушками на четырех арбах. (Он должен был), не останавливаясь (нигде), срочно доставить провиант войскам сардара (князя Цицианова). Когда генерал подошел к окруженным в укреплениях войскам, никто из илатов не посмел выйти ему навстречу. Сардар Пир-Кули также не решался выйти на арену боя. Взяв продовольствие, (русские) в целости и сохранности доставили его в Кара-килиса. Видя, что провиант не доставлен, крепость (Эривань) не удастся взять и в русских войсках появилась малярия, князь Цицианов вернулся в Кара-килиса и роздал продовольствие воинам. Сардар Пир-Кули и злополучные сыновья валия, увидя это, были вынуждены с быстротою молнии бежать обратно.

Илаты Бошчалы и других областей Гюрджистана отвернулись от могущественного (русского) государства и подняли голос восстания. Они просили переселиться в Карабаг и оставить свою древнюю родину.

¹ Аглаган — буквально означает — плачущая.

Майор Лисаневич, узнав об этом, вместе с Насиб-беком пришел к ним. Он давал им благие советы и смягчил их сердца. Он удержал их (от возмущения) до вступления сардара в пределы Гюрджистана. (Цицианов) пригласил к себе старейшин этих илатов в селение Садаклу (Садахло). Он отравил их мозги (сознание) сильным и горьким ханзаром¹ (он ядовито обратился к ним), говоря: „Что послужило причиной вашего восстания против могущественного государства, кто отравил ваше здоровое сознание?“

Не находя ответов на вопросы Цицианова, они наложили на свои уста печать молчания и волей-неволей покорились. Увидя такое состояние, море милосердия господина сардара разбушевалось (князь Цицианов растрогался) и сказал им: „Коль скоро это некрасивое и неподобающее дело случилось по вашей неосведомленности, я закрываю глаза на вашу измену государству и прощаю ваши грехи. Но вы должны вернуть хозяевам все награбленные вами в Гюрджистане вещи“. После этого он (князь Цицианов) вступил в Гюрджистан. Через несколько дней он отправился для усмирения восставшего населения гор. После водворения там порядка и спокойствия, он возвратился в Тифлис, зиму провел там и весною поехал в Гянджу.

¹ Ханзар—дикая ядовитая тыква.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

О ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРА МЕЖДУ САРДАРОМ И ПОКОЙНЫМ ИБРАГИМ-ХАНОМ И СЕЛИМ-ХАНОМ И О НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ СОБЫТИЯХ

Прибыв в город Гянджу, князь Цицианов разбил победные шатры вокруг города. Он направил своих уполномоченных с письмами к правителю Карабага Ибрагим-хану и его зятю Селим-хану, назначенному Ибрагим-ханом правителем Шекинского ханства. (Селим-хан) опирался на главное правительство (Ибрагим-хана). Князь Цицианов предлагал им покориться высокопоставленному русскому государству и дал им понять, что, покоряясь высокому русскому государству, подобному по могуществу Джемшиду, они таким образом укрепят основы своей власти. Он (князь Цицианов) принял просьбы названных высокопоставленных ханов. Ибрагим-хан выехал из Карабага, Селим-хан — из Шеки, а князь Цицианов — из Гянджи. Они встретились на берегу реки Кюрек-чая,¹ между ними происходило много разговоров и споров, были поставлены условия и заключены договоры. Обе стороны подкрепили основу мира клятвами. Были заключены соглашения и трактаты.² После этого высоко-

¹ Встреча князя Цицианова с Ибрагим-ханом карабагским состоялась на берегу реки Кюрек-чая. См. Отношение кн. Цицианова к кн. Чарторыйскому, от 9 мая 1805 г., № 298. (АКАК, т. II, д. № 1435, стр. 702). Ср. Предложение кн. Цицианова ген.-м. Поршняину, от 23-го мая 1805 г., № 605. (АКАК, т. II, д. № 1438, стр. 707).

² Трактат о вступлении Ибрагим-хана карабагского в российское подданство был заключен 14 мая 1805 г. См. Отношение кн. Цицианова к кн. Чарторыйскому, от 22-го мая 1805 г., № 328

поставленный сардар отправил майора Лисаневича с 500 солдатами в Карабаг, и столько же (солдат) было направлено в Шеки. Сам же он занялся наведением порядка в Гюрджистане и Башы-ачыге (в Имеретии). Основная мысль сардара заключалась в том, чтобы взять в руки земли, расположенные между (Каспийским и Черным) морями и обеспечить движение народа как по суше, так и по морям. С этой целью он на территории Мигрель (Мингрелии) на берегу Черного моря построил крепость Идет-кули.

После этого у него возникла мысль захватить Бадкубе (Баку) и озарить этот город сиянием полумесяца своих победоносных знамен. С этой целью он (кн. Цицианов) вернулся в Дар-ус-сурур и со своими отрядами, облаченными в железное одеяние, грызущими сталь, подобными бушующему морю, он направился на покорение Бадкубе. Он потребовал помощи у Ибрагим-хана и хан, пребывающий ныне в раю, послал на помощь (князю Цицианову) своего счастливого старшего сына Мехти-Кули-хана.

Владения Мустафы-хана ширванского были расположены на пути следования победоносных русских войск. Несмотря на это, он уклонялся от подчинения этому великому государству. Он твердо стоял на пути вражды и злобы. Господин сардар счел обязательным наказать¹ его и разбудить от спячки. С этой целью он направился в Ширван. Услыша эту печальную весть, Мустафа-хан испугался и, собрав своих илатов и поданных, удалился с ними на гору Фит-дагы,² являющуюся естественной крепостью и мощным убежищем. Там (он) засел и обосновался. По прибытии господина сардара, между ними был установлен мир и заключены

(АКАК, т. II, д. № 1437, стр. 705). Текст проекта упомянутого трактата опубликован в АКАК, т. II, д. № 1436, стр. 705. Трактат о вступлении Селим-хана шекинского в российское подданство был заключен 21 мая 1805 г. в лагере на реке Кюрек-чай. См. Отношение кн. Цицианова к кн. Чарторыйскому, от 22-го мая 1805 г. № 328. (АКАК, т. II, д. № 1437, стр. 705).

¹ Письма кн. Цицианова к Мустафе-хану, от 12, 14, 15 и 24 декабря 1805 г. (АКАК, т. II, д. №№ 1359, 1360, 1362, 1364, стр. 671—673).

² Фит-дагы—гора Фит около сел. Лагич. О пребывании Мустафы-хана на Фит-даге см. Письмо кн. Цицианова к Мустафе-хану, от 15-го декабря 1805 г., № 933. (АКАК, т. II, д. № 1362, стр. 673).

трактаты.¹ Много раз сардар приезжал к Мустафа-хану в сопровождении всего лишь одного всадника. Мустафа-хан из чувства доброжелательства заметил господину сардару: „Поездками в сопровождении лишь одного всадника вашей счастливой особе может быть нанесен вред“. Сардар ответил ему: „У высокостепенного, подобно Джемшиду, величественного и великолепного царя царей мира имеются миллионы таких солдат, как я. Если меня не станет, то только одним будет меньше. Нет никакой разницы будет ли (убит такой) как я, имеющий ранг, или же простой солдат“.

Затем, двинувшись оттуда, окружили Бад-кубе с моря и с суши.² Спустя некоторое время, бакинский хан Гусейн-Кули-хан разными средствами и предложениями положил основу мира и соглашений. Сардар поверил его лицемерным словам. Гусейн-Кули-хан вышел из крепости, разбил шатры и расположился в них. Затем он отправил господину сардару следующее известие: „У меня имеются некоторые важные и тайные мысли, я должен их поведать вам устно, поэтому мой совет (вам) пожаловать в мой шатер“.

Не видя никакого умысла в этой просьбе, чисто-сердечный и доверчивый господин сардар прибыл в шатер Гусейн-Кули-хана. Сидя там, они вели переговоры. Во время их переговоров один из родственников Гусейн-Кули-хана, некто по имени Ибрагим-бек, злодейской пулей ранил сардара. Сардар в тот же час скончался.

Стих:

„Своей красой и ароматом мир
был бы раем,
Если бы не было в нем старости
и смерти“.

Считая этот поступок великой услугой и (выражением) преданности государству кызылбашей, (Гусейн-Кули-хан) через гонцов, режущих дорогу быстрее ветра, сообщил об этом случае кызылбашскому государству.

¹ Трактат о вступлении Мустафы-хана ширванского в российское подданство был заключен 25 декабря 1805 г. См. Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова, от 27-го декабря 1805 г., № 51. (АКАК, т. II, д. № 1366, стр. 674).

² См. Предписание кн. Цицианова ген.-м. Завалишину, от 31 января 1806 г., № 63. (АКАК, т. II, д. № 1521, стр. 745).

Несметные, бесчисленные подобно звездам войска государства кызылбашей, снабженные чрезмерным провиантом и снаряжением, наводнили бакинскую степь.

От скопления знати и престонородья, от войск, от движения четвероногих, быстрых, как ветер, горы и степи представляли собою картину дня страшного суда.

Узнав об этом, русские войска не решились вернуться обратно по сухопутной дороге, они сели на корабли и отправились морем в Хаджи-тахир-хан (Астрахань).

В этих вилайетах¹ применялись иранские законы. (край) был подчинен их порядкам, не имеющим основы, вследствие чего вилайеты находились накануне вспышки восстания.

Пребывавший в Панбаке (в Памбаке) в должности старшего командира господин генерал-майор Несветаев² временно исполнял обязанности сардара. Он старался расположить к себе и успокоить сердца знати и простолюдин.

Через семь-восемь месяцев прибыл на пост сардара на Кавказ господин генерал-фельдмаршал граф Гудович. Приехав в Дар-ус-сурур, он приступил к своим обязанностям.³

Прошли годы и месяцы, открылся путь вражды (России) с султаном Рума (Турции). Граф Гудович сделал огромные и бесчисленные приготовления, (которые) не в состоянии были сосчитать никакие учетчики. Господин Несветаев с победоносными и бесчисленными, подобно звездам, счастливыми войсками оставил в Гемри (Гумри),⁴ а сам с большой пышностью и великолепием, с сокрушающими и подвергающими врага огню отрядами войск, потоком ринулся в сторону Ахалкелек (Ахалкалаки). В это самое время Хумши-заде Селимпаша был правителем в Ахысте (Ахалцихе) и занимался наведением порядка в правительственных делах.

¹ Вилайет—область, район, уезд, местность, край.

² Несветаев, Петр Данилович, ген.-майор. См. Предписание кн. Цицианова ген.-м. Несветаеву, от 25-го августа 1805 г., № 1066. (АКАК, т. II, д. № 1165, стр. 585).

³ Уже в июне 1806 г. генерал-фельдмаршал И. В. Гудович занялся кавказскими делами в качестве преемника кн. Цицианова. См. АКАК, т. III.

⁴ Гумри после завоевания его царской Росней был переименован в Александрополь, ныне называется Ленинанканом.

Услышав тревожные вести об этом удивительном событии, он растерялся от нахлынувших на него дум и мыслей. Для защиты Ахалкелека (Ахалкалак) и для отражения русских он выделил войско и направил против них. Он не знал, что кусты и низкорослые деревья не могут воспрепятствовать текущему потоку, что щит меропрятий людей и джинов¹ не может отразить (удар) метеора. Не останавливаясь нигде, господин граф (Гудович) со своими героями арены борьбы (со своими войсками) дни и ночи проводил в седле. Местность Ахалкелека он превратил в лагерь своих победоносных войск. Его кровожадные бойцы разбили там свои победные шатры. Ахалкелеки, подобно камню в кольце,² со всех четырех сторон были окружены. Таким образом он простоял здесь восемь дней. Затем соорудили лестницы и с четырех сторон устремились в город. Сердца, проживавшего там населения, повергли в страх. За два часа до рассвета вступили в бой. Через три часа после рассвета сверкающие мечи окрасили лица бойцов алой кровью именитых героев. (Наконец), граф увидел, что овладеть башней победы невозможно. Не достигнув цели, он вернулся обратно. Простояв ночью, утром он двинулся в сторону Гюрджистана. По прибытии своем в Тифлис он услышал, что Юсиф-паша назначен сараскером³ и с намерением начать войну прибыл в Карс. Граф, сделав (соответствующие) приготовления, отправился в Гемри⁴ (Гумри).

Оба войска встретились на реке Арпа-чае и расположились друг против друга. По истечении некоторого времени произошло сражение. К сумеркам османцы были побеждены. Русские взяли у османцев большие

¹ Джины — духи, обитающие на небе.

² Ахалкалакскую крепость российские войска осаждали в мае 1807 г. См. Предписание гр. Гудовича ген.-м. Рыкгофу, от 10 мая 1807 г., № 136. Ахалкалаки. (АКАК, т. III, д. № 542, стр. 542). Гурецкие сведения об осаде кр. Ахалкалаки см. Объявление главнокомандующего Турецкою армиею в Анатолии Юсуф-Зия-паша пребывающему в Верхней Шурагели русскому ген. Несветасву, от 15 раби-уль-эввеля 1222 (1807) г. (АКАК, т. III, д. № 922, стр. 531).

³ Сараскер — командующий.

⁴ О движении ген. Гудовича к Гумри см. Предписание гр. Гудовича ген.-м. Несветасву, от 3 июня 1807 г., № 158. Лагерь при р. Лори. (АКАК, т. III, д. № 947, стр. 545).

трофен и много пушек.¹ Сардар (граф Гудович) торжественно вернулся в Тифлис.

Сделав большие приготовления и подняв победоносные знамена, (граф Гудович) зимой двинулся в направлении Иревана². Генерала Небольсина с большими отрядами победоносных войск он (граф Гудович) отправил через Карабаг завоевать Нахчеванский вилайет. Нахчеван был занят³. Иреван оказался в тесном окружении. Через довольно продолжительное время (русские войска) перешли в наступление. Кравчий фортуны перелил через край чашу жизни многих людей. Ветер смерти в глазах многих людей превратил светлый, просторный мир во тьму (т.е. на поле брани пало много людей). Рука, с рвением протягивавшаяся к подолу красавицы победы, не могла достать его.⁴

Не достигнув цели, (русские войска) ударили в литавры возвращения и вошли в Дар-ус-сурур.

После этого на пост сардара главными сановниками вечного государства был назначен генерал от инфантерии Тормасов. Он усладил себя из чаши этого высокого ранга. Графа отозвали в Россию.⁵ Упомянутый сардар (Тормасов) предпочел мир войне и заключил соглашение с османским государством.

Несмотря на то, что (генерал Тормасов) не прекращал борьбы и не охлаждал арену боя с кызылбашами, не смыкал своих бдительных очей и не мог спокойно

¹ Туренкая армия сараскера Юсуф-паши была разбита на Арпа-чае 18 июня 1807 г. Российскими войсками в качестве трофеев были взяты 10 пушек и 2 мортиры. См. Всеподданнейший рапорт гр. Гудовича, от 20 июня 1807 г., № 11. Лагерь при Арпа-чае. (АКАК, т. III, д. № 957, стр. 548).

² В октябре 1808 г. российские войска под командованием гр. Гудовича держали в блокаде Эривань. См. Предписание гр. Гудовича ген.-м. Небольсину, от 18 октября 1808 г., № 149. (АКАК, т. III, д. № 875, стр. 496).

³ О взятии российскими войсками Нахчевана см. Отношение гр. Гудовича к кн. А. А. Прозоровскому, от 5 января 1809 г., № 1. (АКАК, т. III, д. № 895, стр. 507, 508).

⁴ О двухмесячной блокаде, неудачном штурме крепости Эривани (17 ноября 1808 г.) и отступлении российских войск см. Отношение гр. Гудовича к кн. А. А. Прозоровскому, от 5 января 1809 г., № 1. (АКАК, т. III, д. № 895, стр. 509, 510).

⁵ Гр. И. В. Гудович командовал войсками в Грузии до 5 марта 1809 г., но еще в конце апреля ведал Кавказскими делами. (АКАК, т. III, стр. III). См. также Рапорт ген.-л. Репина гр. Гудовичу, от 27 апреля 1809 г. № 460. Баку, АКАК, т. III, д. № 904, стр. 516).

спать, ожидая неприятностей со стороны Ирана, все же кызылбашам удалось усыпить бдительность эмиров (военачальников) высокого российского государства и тайно переправить через границу Мухаммед-Али-мирзу. Прибыв в сторону Гюрджистана, он ограбил Бошчалы, нанес населению бесчисленный ущерб и многих увел в плен.¹ На следующий год они направили сардара Гусейн-хана иреванского вместе с валием в сторону Гюрджистана, чтобы пройти через Ахысга (через Ахалцих) и оттуда поднять смуту и беспорядки в Гюрджистане. Как только сардар (Тормасов) узнал об этом событии, (он) перебрался через Шамкир (Шамхор) и торопливо прибыл и расположился около моста Садра. Отдав (в распоряжение) генерал-лейтенанта Паулуччи и генерала Лисаневича войско, (главнокомандующий Тормасов) направил их в Ахысга против сардара Гусейн-хана. В полночь, когда мир, подобно аббасидам², облачился в черное одеяние и был как бы в трауре по погибшим кызылбашским войскам, победоносные войска совершили на кызылбашское войско внезапный шабхун,³ во время которого был (произведен) грабеж и истреблено много людей. Кызылбашские войска растерялись. Некоторые из них (воинов) с большим трудом спасли свои души из водоворота смерти и несчасть и конными, и пешими пустились в бегство.⁴ По дороге же османские войска многих из них захватили и ограбили догола. Оставшиеся в живых (кызылбаша) с чрезвычайными и невероятными трудностями, несчастьями и мучениями достигли границ Иревана.

Сардар Гусейн-хан, боясь и стыдясь кызылбашского государства, убежал в крепость Кер-оглу. Через не-

¹ О вторжении Мухаммед-Али-мирзы—старшего сына Баба-хана в Борчалинскую дистанцию см. Отношение ген. Тормасова к гр. Румянцеву, от 10-го сентября 1809 г., № 88—Лагерь при речке Машавери. (АКАК, т. IV, д. № 1075, стр. 695). См. также Предписание ген. Тормасова ген.-м. Портягину, от 16 сентября 1809 г., № 390. (АКАК, т. IV, д. № 1076, стр. 697).

² Аббасиды—носили черное одеяние.

³ Шабхун—неожиданное ночное нападение.

⁴ Лагерь иранско-турецких войск, в котором находились Гусейн Кули-хан иреванский и царевич Александр, был разгромлен в ночь на 5 сентября 1810 г. Российскими войсками командовали ген.-м. Паулуччи и полковник Лисаневич. См. Всеподданнейший рапорт ген. Тормасова, от 19 сентября 1810 г., № 185. (АКАК, т. IV, д. № 1242, стр. 819).

которое время (кызылбаши), дав ему заверения, пригласили его (обратно) на свое место.

На следующий год (Тормасов) уехал в Россию. Возглавляющие государство назначили сардаром маркиза Паулуччи. (Он) приехал в Тифлис.¹ Отправляясь оттуда в Бад-кубе, он проездом остановился в Гиндже.

Освободив из под ареста семью и детей² Джавад-хана и нескольких кызылбашских ханов, находившихся в заключении, он оттуда направился в Бад-кубе³.

В это время (население) Кахета (Кахетия) и Кысыка (Кизиха) подняло бунт.⁴ Внук покойного Ибрагим-хана полковник Джафар-Кули-ага убежал из Карабага и перешел к государству кызылбашей. Наиб-ус-салтане (Аббас-мирза) прибыл в Карабаг и разгромил батальон, (стоявший) в Гырчи.⁵ Маркиз, услышав эти страшные известия, отказался от поездки в Бад-кубе и прибыл в Ширван к Мустафе-хану. Оттуда он двинулся в Ка-

¹ Генерал лейтенанту маркизу Паулуччи 6 июля 1811 г. было поручено начальство над корпусом войск, находившихся в Грузии и управление по части гражданской. См. Высочайший рескрипт маркизу Паулуччи от 6-го июля 1811 г. С.-Петербург. (АКАК, т. V, д. № 1, стр. 1). К управлению Закавказьем маркиз Паулуччи приступил, повидимому, с сентября 1811 г. (АКАК, т. V, д. № 2, стр. 1).

² Женам, дочерям и внукам покойного Джавад-хана было дано разрешение на выезд в Иран. См. Письмо маркиза Паулуччи к Аббас-мирзе, от 20-го февраля 1812 г., № 161, Елизаветполь (АКАК, т. V, д. № 167, стр. 119). См. также Огнюшение маркиза Паулуччи к гр. Румянцеву, от 7-го апреля 1812 г., № 103. (АКАК, т. V, д. № 169, стр. 119).

³ В Баку маркиз Паулуччи был в первой половине февраля 1812 г. См. Всеподданнейший рапорт маркиза Паулуччи, от 22-го февраля 1812 г., № 46. (АКАК, т. V, д. № 88, стр. 59).

⁴ Главной причиной восстания в Кахетии, начавшегося в первых числах февраля 1812 г. (См. Всеподданнейший рапорт маркиза Паулуччи, от 26-го марта 1812 г., № 85 (АКАК, т. V, д. № 97, стр. 68 и сл.) были репрессии, примененные российским командованием при взыскании хлеба, следовавшего и подать. Неурожай, имевший место в 1811 г., повел к голоду и моровой язве. Крестьяне не имели возможности внести подати хлебом. См. Письма кахетинских мятежников к телавским коменданту и исправнику и Донесение общества кахетинского собрания маркизу Паулуччи. (АКАК, т. V, стр. 81, 82).

⁵ О победе наследника карабагского ханства Джафар-Кули-аги в Иран и о поражении и пленении иранскими войсками батальона Тронцкого полка см. Всеподданнейший рапорт маркиза Паулуччи, от 22-го февраля 1812 г., № 46. (АКАК, т. V, д. № 88, стр. 59).

рабаг. Приехав в город,¹ он разгневался и некоторых людей сильно бранил из-за событий в Гырчи. В ту же ночь он получил письмо от жены, что грузины Кахета и Кысыка подняли бунт, (чтобы он) по получении письма прибыл в эту сторону и постарался бы успокоить население. Сардар, не задерживаясь, направился в сторону Дар-ус-сурура.² Боясь казахов, сардар по дороге опасался их, они же встретили его чрезвычайно сердечно и искренно оказали ему большое внимание и почести и проводили его в Тифлис. Казахцы (до этого) несколько раз нападали на грузин и грабили их. На самом деле в то время казахцы оказали сардару большую, искреннюю и безграничную услугу и верность.

Для наказания повстанцев из Тифлиса было послано победоносное войско, (которое) с некоторыми из них (мятежников) вступило в бой, а некоторые из них пошли по пути покорности³. В это самое время молва о приходе французов в Русию распространилась повсюду.

Маркиза Паулуччи освободили от должности сардара и отозвали в Русию, а на место его стал сардаром генерал Ртищев.⁴ После (своего) приезда в Гюрджистан в 1814 г.⁵ (генерал Ртищев) вступил на путь соглашений и укрепил основы дружбы с государством кызылбашей. Для заключения мира со стороны Ирана

¹ Имеется в виду Шуша.

² 21 февраля 1812 г. ген.-м. Паулуччи выехал из Карабага (Шуши) в Тифлис, куда и прибыл на пятый день. См. Всеподданнейший рапорт маркиза Паулуччи, от 26 марта 1812 г., № 85. (АКАК, т. V, д. № 97, стр. 75).

³ Восстание крестьян в Кахетии было подавлено к 10 марта 1812 г. (АКАК, т. V, д. № 97, стр. 80).

⁴ Маркиз Паулуччи был отозван в Петербург рескриптом Александра I, от 16 февраля 1812 г., в том же рескрипте обозначено, что на его место назначен ген.-л. Ртищев. См. Высочайший рескрипт маркизу Паулуччи, от 16-го февраля 1812 г. С.-Петербург. (АКАК, т. V, д. № 32, стр. 20). Маркиз Паулуччи сдал дела ген. Ртищеву не ранее апреля 1812 г. См. Отношение маркиза Паулуччи к ген.-л. Ртищеву, от 7-го апреля 1812 г., № 333. (АКАК, т. V, д. № 40, стр. 23).

⁵ Переговоры о мире начались раньше. Гюлестанский мирный договор был заключен 12 октября 1813 г. См. Всеподданнейший рапорт ген. Ртищева, от 14 октября 1813 г., № 195. (АКАК, т. V, д. № 879, стр. 736. См. II, С. 3. изд. 1830 г., т. XXXII, № 25. 466, стр. 641).

в почную землю¹ прибыл Мирза-Абуль-Гасан-хан. К заключению мира приступили в торжественной обстановке.² Этот мир называется Гюлистанским миром и до сих пор это (наименование) продолжает оставаться на устах знати и простолюдин. После этого наступила тишина и мир, полный коварства, обрел покой. (Это положение продолжало существовать) до тех пор, пока через некоторое время генерал Ртищев не был отозван и (на его место был назначен) сардаром генерал Ермолов.³ Его превосходительство, ознакомившись с состоянием дел во всех вилайетах, в зависимости от требований обстановки в некоторых вилайетах установил новые порядки. В это время ханы Карабага и Ширвана бежали к кызылбашам⁴ (в Иран), шекинский же хан—Исмаил-хан скончался.⁵ (Таким образом эти) три ханства перешли под управление могущественного и высококого государства (российского).

Его превосходительство Ермолов в этих краях открыл диван-хане, избрал диван-беков⁶ и назначил комендантов, и вел дела по установленным им самим законам.

¹ В Азербайджане в старину страны, находившиеся на западе и севере, назывались вечерними или ночными, а расположенные на востоке и юге назывались утренними или дневными. В данном случае под ночной землей подразумевается Петербург.

² В данном случае Мирза-Адигезаль-бек не совсем точен. Современники событий не могли знать о секретных целях посольств. Александр I в инструкции, данной Ермолову, писал: „Главная цель Персидского двора в сем случае состояла в том, чтобы просить о возвращении земель, уступленных нам от Персии. Вследствие сего посол Мирза-Абуль-Хасви-хан был отправлен в С.-Петербург немедленно после размена ратификациями“. (АКАК. т. VI, ч. II, в. № 267, стр. 122).

³ Ген.-л. А. П. Ермолов прибыл в Тифлис 10 октября 1816 г. (АКАК. т. VI, ч. I, стр. II).

⁴ Мустафа-хан ширванский бежал в Иран 19 августа 1820 г. См. Рапорт ген.-м. Власова ген. Ермолову от 19 августа 1820 г., № 43, Сел. Сагьян. (АКАК. т. VI, ч. I, д. № 1212, стр. 810). Мехти-Кули-хан карабагский бежал в Иран 21 ноября 1822 г. См. Рапорт кн. Мадатова ген.-л. Вельяминову, от 21 ноября 1822 г., № 916. (АКАК. т. VI, ч. I, д. № 1293, стр. 848).

⁵ Исмаил-хан шекинский скончался 24 июля 1819 г. См. Рапорт майора 9-го Егерского полка фон-Дистерло 2-го ген.-л. Вельяминову, от 24 июля 1819 г., № 81. (АКАК. т. VI, ч. I, стр. 738).

⁶ Диван-беки заседали под председательством комендантов и являлись советниками и помощниками по делам управления.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПОВЕСТВУЕТ О ВТОРИЧНОМ НАРУШЕНИИ КЫЗЫЛБАШАМИ (МИРНОГО) ДОГОВОРА И ОБ ИХ ВРАЖДЕБНЫХ И ЗЛОБНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА (РОССИИ)

Между двумя высокими и лучезарными государствами был заключен и надлежаще оформлен мир. По-прежнему продолжались их связь и взаимоотношения. Но в 1826 году по р. х. среди знати и простонародья распространился слух о том, что государственные деятели Ирана, нарушив мир и соглашение, замышляют о вражде (с русским государством). Государственные люди (России) не поверили этим (слухам) и считали их ложными.

В это самое время князь Меншиков был назначен в качестве полномочного посла его императорского величества царя царей и направлялся в Иран. (Князь Меншиков) поехал послом в Иран через Карабаг и Худааферинский мост¹. Это событие успокоило знать и простолюдин. Уже три года, как я сам был назначен на караульную службу на границе с Ираном в стороне Иревана. Ежедневно от карапахов² я получал точные и верные сведения и сообщал (о них) начальнику. Наконец, господин начальник дал мне знать, чтобы я перестал ему писать об этих тревожных све-

¹ Кн. Меншиков у Худааферинского моста был 23 мая 1826 г., а в первых числах июня находился уже в Тебризе. См. Рапорт ген.-м. кн. Меншикова ген.-л. Вельяминову, от 23 мая 1826 г. На левом берегу Аракса, у моста Худааферинского. (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 620, стр. 344).

² Карапахи — азербайджанское племя, живущее в разных местностях Закавказья.

денях, ибо он вынужден доносить (о них) вышестоящим государственным деятелям и кроме порицаний никакого ответа не получает. (Начальник поручил мне) быть бдительным и зорко следить за событиями.

Короче говоря, вышеупомянутый посол, проезжая через Тебриз и Кочан, встретился с кызылбашскими войсками и, ознакомившись с положением дел, не имел возможности об этом поставить в известность деятелей могущественного государства.¹ При переправе своей через реку Арас² кызылбашки убили несколько купавшихся там казаков. По совету карабагцев, (кызылбашские войска) оттуда направились в Герус (Герюси) против батальона (бывших там русских войск). Батальону же было приказано немедленно, не задерживаясь и не останавливаясь (нигде), отправиться в кала.³

Поручик Сафар-Али-бек, бывший в то время там наибом, был их проводником. В пути около Корунзора (батальон русских войск) встретился с войсками (кызылбашей), произошло сражение. От чрезмерного солнечного жара русское войско томила жажда. Они (русские войска) усиленно старались достичь реки Акеры. Капитан Гаджи-Агалар-бек, узнав (об этом), с несколькими бекзаде⁴ собрал пеших и конных курдов, пришел и отрезал путь к реке. С обеих сторон солдатам не давали возможности продвигаться, некоторых из них порубили острыми саблями, а иных взяли в аркан плена.⁵ Никто не спасся и не сумел бежать и вы-

¹ Кн. Меншиков известил ген.-л. Вельяминова о фактах, указывавших на намерение иранского правительства начать войну, против России. См. Рапорт ген.-м. кн. Меншикова ген.-л. Вельяминову, от 23-го июня 1826 г. Лагерь при с. Ходжа-Кияс (расположенном на пути из Тебриза в Султанне). (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 628, стр. 347). См. также Донесение кн. Меншикова ген.-л. Вельяминову, от 2-го июля 1826 г. (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 633, стр. 349).

² О вступлении в Карабаг значительных сил иранских войск см. Всеподданнейший рапорт, от 30 июля 1826 г. (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 651, стр. 357). Первые отряды иранских войск перешли границу в нескольких местах 15 июля 1826 г. См. Н. Дубровина „История войны и владычества русских на Кавказе“, т. VI, стр. 617, изд. СПб, 1888

³ Кала—вообще крепость. Под этим названием разумеется Шуша.

⁴ Бекзаде—рожденный от бека, сын или потомок бека.

⁵ О поражении, нанесенном отряду российских войск, шедших из Герюси в Шушу, см. Реляцию Аббас-мирзы, полученную в Тавризе 25 июля 1826 г. и возвещенную пушечною пальбою. (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 650, стр. 356, 357). Ср. Н. Дубровина, указ. соч., т. VI, стр. 621.

браться (отсюда). Забрав оттуда пленных, (кызылбаши) направились в гости к Гаджи-Агалар-беку в Корунзор. И оттуда (из Корунзора) полковника Назимка и майора Коваленского вместе с захваченными (в плен) солдатами и другими офицерами с фетх-намэ¹ отослали к Фетх-Али-шаху, находившемуся тогда со своими войсками в Ардебиле.

Мехти-Кули-хан карабагский и сардар Эмир-хан выехали из Нахчевана и в Корунзоре присоединились к шахзаде.² К утру двинулись с места. Проводив Мехти-Кули-хана через горные районы в курдские кочевья, (шахзаде) решил отправиться со своим войском против (русских) войск, стоявших в Чанакчах.

Еще до этого, когда на берегу Араса были убиты казаки, брат Мехти-Кули-хана Сулейман бек, находившийся вместе с другими своими родственниками в Варандском магале, отвернулся (от русских) и собирался изменить (им), но в это время командир полка генерал Реутт догадался (об этом) и, предупредив Сулейманбека, ввел войска в крепость.³ Но илаты (кочевники) Джеваншира, находившиеся в Зергяре, Дарагозе (Дарагоце) и в прочих окрестностях, ограбив Аг-оглан, настигли (обозы русских войск), увозивших провиант и амуницию, и захватили их. Как раз в это время я послал войскам провиант. (Нападавшие) ограбили (и угнали) даже выучный скот (для доставки продовольствия).

Оттуда шахзаде по герюсинской дороге намеревался двинуться по направлению к Чанакчи, но, услышав об этом случае, направился в сторону крепости (Шуши). Он приблизился к ней на расстояние ружейного выстрела и даже подошел к крепостным стенам, но, не достигнув цели, вернулся обратно, ибо твердые меры, принятые полковником и комендантом (крепости) вынудили его вернуться, не осуществив своих намерений. Некоторые армяне, взяв с собою шушакендца Сафар-юзбаши,⁴ окопались на скале Хазине, на южной сторо-

¹ Фетх-намэ—донесение о победе.

² Шахзаде—рожденный от шаха, принц. Имеется в виду Аббас-мирза.

³ Командир 42-го егерского полка полковник Реутт с 5 ротами (из девяти, находившихся в Карабаге) своего полка укрылся в крепости Шуше, которая вскоре после этого с 25 июля 1826 г. была окружена главными силами иранских войск. См. Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова, от 30 июля 1826 г. (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 651, стр. 357). Ср. Н. Дубровин, указ. соч., т. VI, стр. 635.

⁴ Юзбаши—сотник.

не крепости (Шуши) и засели там (и войска Аббасамирзы) не в состоянии были взять это укрепление.

Кроме жителей города (Шуши) все (остальные) жители Карабага, все беки, султаны и мелики пришли к Мехти-Кули хану и к наиб-ус-салтане и из'явили ему покорность. Они были одарены дорогими халатами и удостоились высоких¹ наград. Присоединив карабагцев к (своим) кызылбашским войскам, он (наиб-ус-салтане), подобно камешку в кольце, окружил город (Шушу). Ежедневно и ежечасно между ними происходили столкновения и стычки.

В это время, по причине ухода русских войск из талышского вилайета, талышинские ханы сбросили со своей шеи ярмо покорности². Правитель Талыша Мир-Гасан-хан послал своих братьев в распоряжение шахзаде. Мустафа-хан ширванский тоже отправился в Ширван. Жители Ширвана поддались его обману и из'явили ему покорность. Играя на литаврах измены мотив восстания, они подняли его звуки ввысь (жители Ширвана подняли восстание)³. С русскими войсками происходили неоднократные сражения. Наконец, (русские) собрали все свои войска и приверженцев из сел Ширвана и отправились в сторону кубинского вилайета. Мустафа-хан, став самостоятельным, оперся (сел) на ханский престол и поселился в старой Шемахе.

¹ На сторону иранских войск перешла часть беков, связывавшая свое благополучие с восстановлением ханской власти. К этой части беков, державшейся ориентации на Иран, примыкали связанные с ними нукары и часть маафов. Основная масса крестьян была враждебна иранским войскам.

А. П. Ермолов, вовсе не склонный преувеличивать благожелательность местного населения по отношению к российским войскам, в одном из своих предписаний ген. Паскевичу отметил: „Многие из татар (азербайджанцев—В. Л.) или не участвуют в измене или увлечены в оную поневоле; все они будут служить усердно или по крайней мере будут способствовать в огьскании средств продовольствия“. Предписание ген. Ермолова ген.-ад'ют. Паскевичу, от 4 сентября 1826 года. (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 676, стр. 373).

² Талышинский хан напал на посты Каспийского морского батальона, стоявшие в Талышинском ханстве и панес им весьма чувствительный урон. См. Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова, от 30 июля 1826 года. (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 651, стр. 357).

³ О вторжении Мустафы-хана в Ширван см. АКАК, т. VI, ч. II, д. № 651, стр. 357. В восстании против российских войск в Ширване принимали участие лишь отдельные группы населения, заинтересованные в восстановлении власти ханов, видевшие в ней источник своего благополучия. Массы крестьян не поддерживали ни Мустафу-хана, ни иранские войска, пришедшие с ним.

Русские военачальники (находившиеся в Шеки) тоже оставили Шеки и направились в город Тифлис¹.

Гусейн-хан, сын Селим-хана, отправился в Шеки и стал самостоятельным ханом (этой провинции).

Войско, бывшее в Зурнабаде, попросило гянджинцев разрешить им пройти через Гянджу в Тифлис. Население Гянджи, узнав об этом, приняло решение учинить им препятствие и войско вернулось обратно.

Угурлу-хан² приехал в Гянджу и стал (там) ханом. После ухода князя Саварсамидзе³ из Панбака (Памбака) и Шурагеля, Гусейн-хан⁴ и Гасан-хан⁵ пришли туда из Иревана, подожгли возведенные русскими строения и стали хозяевами тех местностей.⁶ Гасан-хан отправился даже в Бошчалинский магал, ограбил немцев, проживавших под Кунджиком, и увел много пленных.

Кызылбашы повседневно распускали ложные слухи (о том, что) сардар генерал Ермолов освободил Тифлис и хочет уехать в Россию, а о Мадатове никаких известий не имеется. (Это продолжалось) до тех пор, (пока) не прибыл мой гонец с сообщением, что Ермолов с достоинством и уверенно восседает в Тифлисе и что Мадатов прибыл из России с многочисленным войском, о котором говорят, (что это войско является) личным войском царя.

Услышав эти известия (кызылбаша) переполошились. Наиб-ус-салтане (своего) наследника Мухаммедмирзу и своего дядю по матери Эмир-хан-сардара, а также Назар-Али-хана с большим количеством войск отправил в Гянджу (с поручением) обосноваться там и, тщательно укрепив ее крепость, со всем старанием заняться охраной границ. Спустя несколько дней пос-

¹ О выводе двух рот, стоявших в Шекинской провинции, см. Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова, от 13 августа 1826 г. (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 661, стр. 362).

² Угурлу-хан—старший сын Джавад-хана гянджинского (см. Родословную таблицу гянджинских ханов. АКАК, т. VI, ч. II, стр. 906).

³ Полковник кн. Саварсамидзе был начальником Памбакской и Шурагельской дистанций. При вторжении в июле 1826 г. крупных сил иранских войск, российские отряды вынуждены были оставить пограничные посты.

⁴ Гусейн-хан, сардар эриванский.

⁵ Гасан-хан, брат Гусейн-хана, сардара.

⁶ Об отступлении российских войск из Памбака и Шурагеля к Гяндже (Елизаветполю) и о действиях сардара эриванского Гусейн-хана см. Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова, от 12 сентября 1826 г. (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 681, стр. 375).

ле того, как крепость (Шуша) была окружена, (Аббас-мирза) послал туда своего приближенного Биджан-хана, с предложением сдать крепость, обещав мир и благожелательность.

После этого из крепости прислали майора Клугенау¹. Короче говоря, после долгих переговоров и бесчисленных рассуждений, пришли к соглашению оставить в качестве заложников коменданта майора Чилиева с одним капитаном, а майора Клугенау с одним старшиной от них (иранцев) отправили к сардару Ермолову с тем, чтобы получить его согласие на сдачу крепости.

Ермолов ответил, что слова „капитуляция“ в русском языке нет потому, что „капитуляция“ во французском языке означает сдачу крепости. Майор сам остался там, а письмо (Ермолова) отправил с одним есаулом по имени Ибрагим. Письмо было задержано и не доставлено (по адресу).

Как раз в это время Аллахяр-хан с большим количеством воинов присоединился к войскам шахзаде и они снова начали штурмовать крепость, но и из этого ничего не вышло. (Войско шахзаде) расположилось на окраинах города. В это самое время поступило (сообщение) о сражении Эмир-хана сардара с Мадатовым, о его смерти и о поражении его войска².

(Шахзаде) двинулся в Агдам. Оттуда меня и коменданта³ отправили в Тебриз. Оставив Мехти-Кули-хана в Карабаге, (шахзаде) направился в сторону Гянджи. Мадатов, убив Эмир-хан-сардара, вошел в

¹ Подробное изложение переговоров майора Клугенау с Аббас-мирзой имеется в сочинении Н. Дубровина „История войны и владычества русских на Кавказе“, т. VI, стр. 637—639. СПб. 1888.

² Упоминаемое Мирзой-Адигезаль-беком сражение между иранскими и российскими войсками произошло 2 сентября 1826 г. на правом берегу р. Шамхор-чан. Иранские войска под начальством Мачед-мирзы, сына Аббас-мирзы и Эмир-хана сардара имели 2 тыс. регулярной пехоты и 8 тыс. конницы, они были наголову разбиты полуторатысячным отрядом российских войск, находившихся под командованием ген.-м. кн. Мадатова. В преследовании бежавшего в панике неприятеля принимала участие казахская конница, нанеся иранским войскам значительный урон и захватившая большие трофеи. См. Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова, от 7 сентября 1826 г. (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 677, стр. 373, 374).

³ Упомянувшегося выше майора Чилиева.

Гянджу.¹ За ним прибыл сардар Паскевич со своими войсками и присоединился к (ним). Кызылбаши, продолжая свое отступление, вошли в гянджинские земли.

Оставив обоз на берегу Кюрек-чая и взяв с собою только сарбазов² и конницу, (Аббас-мирза направился дальше), ночь провел на берегу реки Зазалу в гянджинском вилайете. К утру сардар Паскевич и генерал Мадатов, приведя свои войска в порядок, двинулись в путь и дошли до (мавзолея) шейха Низами, (где) и встретились с кызылбашскими войсками. Произошло великое сражение и через час кызылбаши были побеждены.³

Не будучи в состоянии выдержать натиска, кызылбашские войска пустились в бегство. В течение (одних суток) кызылбашские войска переправились через Арас. Две пушки их остались между Тергер-чаем, и Инджа-чаем. (Кызылбашские войска), переправившись через Арас, рассеялись. Наиб-ус-салтане направился к шаху, выехавшему в ту пору из Ардебиля и расположившемуся поблизости Ахара в местечке Тавилейн-шам. Сардар Паскевич тоже прибыл под Таус и расположился там на некоторое время на отдых.

Мустафа-хан находился в Ширване, а Гусейн-хан в Шеки. Брат Гусейн-хана—Гаджи-хан, собрав шекинские войска, переправился через Кюр, ограбил одно из наших обá⁴ и два царских (казенных). Впоследствии Мустафа-хан самовольно ушел из Ширвана к себе домой в Карадаг.⁵ Гусейн-хан же оставался на том месте,

¹ После поражения под Шамхором, иранские войска оставили Гянджу. 4 сентября отряд кн. Мадатова занял Гянджу без выстрела. См. Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова, от 7 сентября 1826 г. (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 678, стр. 374).

² Сарбаз—солдат регулярной иранской армии, созданной Аббас-мирзой.

³ Генеральное сражение между иранскими войсками, находившимися под предводительством наследника престола Аббас-мирзы, и российскими войсками, которыми командовал ген. И.Ф. Паскевич, произошло 13 сентября 1826 г. неподалеку от Гянджи вблизи мавзолея Низами. Сорокатысячная армия Аббас-мирзы была разбита десяти тысячным отрядом российских войск. После поражения, иранская армия сняла блокаду Шуши и бежала за р. Аракс. См. Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова, от 30-го сентября 1826 года. (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 690, стр. 380).

⁴ Обá—кочевье.

⁵ Иранская армия, бежавшая за р. Аракс, после поражения под Гянджой, не отважилась вновь перейти ее и подать помощь своим отрядам, находившимся в Кубинской и Ширванской про-

пока сардар не подошел к Нухе на расстояние трех фарсахов.¹ А Гусейн-хан, не будучи в силах противостоять и обороняться, бежал, и, переправившись через Арас, ушел в иранское государство².

Сардар Паскевич также переправился через Арас, и, направившись в Карадаг, разгромил карадагскую провинцию и привез (оттуда) много пленных и трофеев³.

Успокоив и разместив (по своим местам) население Карабага, (Паскевич) забрал лишние войска и отправился в Тифлис. Затем Мадатов, собрав войска Карадага⁴ и Ширваната, а также взяв солдат, дошел до Мешкина⁵, произвел крупное ограбление и подчинил шахсеванских ханов. Он взял с них клятву в том, чтобы они не помышляли об измене⁶ российскому (государству). В иранской земле возникло волнение. В Тебризе

винциях. Шахский сын Шейх-Али-Мирза и Мустафа-хан ширванский, находившиеся в Кубинской провинции, опасаясь того, что российские войска отрезут им путь отступления, 24 сентября, оставив пределы Кубинской провинции, бежали в Иран. См. Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова, от 21-го октября 1826 г. (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 694, стр. 383).

¹ Фарсах (ферсенг)—около 6 верст.

² Ген. Ермолов с отрядом российских войск, собранных в Кахети, переправившись через р. Алазнь, вступил в Нуху 19 октября 1826 г. Нухинский хан, узнав о приближении российских войск, бежал в сторону Ирана. См. Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова, от 21 октября 1826 г. (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 694, стр. 383).

В указанном документе ген. Ермолов, осматриваясь на вопросе об отношении населения шекинской области к иранским войскам, писал: „В Шекинской провинции нашел я большую часть беков виновными в самой гнуснейшей измене, но простой народ, обрадованный изгнанием хана (направленного Аббас-мирзой — В. Л.) Таковы чувства народа и в прочих провинциях“.

³ В целях удаления от р. Аракса войск Аббас-мирзы ген. Паскевич 25 октября переправился на правый берег р. Аракса. Российские войска возвратились на левый берег Аракса 31 октября, т. е. на шестой день. См. Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова, от 14 ноября 1826 г. (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 698, стр. 385).

⁴ Очевидно, описка. Следует читать в „Карабаге“.

⁵ Мешкин—город в иранском Азербайджане.

⁶ Отряд российских войск, при котором находились карабахская и ширванская конницы, переправился через Арас 28 декабря 1826 г. Отрядом командовал ген.-л. Мадатов. Во время пребывания этого отряда в мешкинском округе к кн. Мадатову с просьбой о российском покровительстве явились Ата-хан шахсеванский, управлявший мешкинским округом, депутаты от шагагийского народа, почетные старшины карадагского ханства и проживав-

началась подготовка к обороне крепости¹ и распространились слухи о приходе русских войск.

В то время мы были узниками в Тебризе. По состоянию города и по настроению населения было видно, что если генерал (Мадатов) прибудет сюда, то он без тревоги и без боя захватит Тебриз. В это время известие о возвращении Мадатова обратно дошло до них. Эта весть доставила тому племени (тебризцам) большую радость.

Мадатов вернулся в Тифлис. Он готовился к тому, чтобы весной совершить поход в Иран. Сардар Ермолов с соответствующими приготовлениями отправил Мадатова в иранский поход. Мадатов дошел до Худааферинского моста. Навстречу ему выступили кызыл-баши. Завязались горячие бои.

(В это время) Ермолов был смещен с сардарства, и из самостоятельный сардарский трон сел Паскевич². Полковника князя Абхазова³ (Паскевич) назначил правителем этих городов, а войска, находившиеся под командованием генерала Мадатова, он поручил генералу Панкратьеву.⁴ Абхазова он назначил начальником штаба. (Выехав) из Тифлиса, он через пять дней прибыл к войску, находившемуся на Худааферинском мосту. Проспав эту ночь и, приняв дела от Мадатова, (Панкратьев) утром отправил Мадатова в Тифлис.

(Панкратьев) с войсками вернулся обратно и дошел до места, называемого Козлу-чай. Сардар Паскевич, подготовившись достаточно, направился в иреванскую

ший в Карадаге сын Мамед-хана каракоюлинского. Отряд пробыл в Карадагском ханстве до 16 января 1827 г., когда, переправившись через р. Аракс, возвратился в Карабаг. См. Всеподданнейшие рапорты ген. Ермолова, от 12, 20 и 26 января 1827 г. (АКАК, т. VI, ч. II, д. №№ 703—705, стр. 387—389).

¹ АКАК, т. VI, ч. II, д. №№ 703—705, стр. 387—389.

² Ген. И. Ф. Паскевич был назначен командиром отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющим гражданской частью и пограничными делами в Грузии и в губерниях Астраханской и Кавказской указом от 28 марта 1827 г. См. Высочайший указ Правительствующему Сенату, от 28 марта 1827 г., С.-Петербург. (АКАК, т. VII, д. № 2, стр. 1).

³ Князь Абхазов сменил ген. Мадатова на посту управления Карабагской, Ширванской и Шекнинской провинциями в апреле 1827 г. (АКАК, т. VII, стр. IV).

⁴ Ген.-м. Панкратьев уже в мае 1827 г. состоял в должности командующего карабагским отрядом. См. Всеподданнейший рапорт ген. Паскевича, от 17 мая 1827 г., № 17. Пост Акзи-беюк. (АКАК, т. VII, д. № 507, стр. 542).

область¹. Иреванский сардар, переселив всех илатов, для охраны Сардар-абада² и Иреванской крепости оставил в последней своего брата Гасан-хана, сам же передвигался по окрестностям (области). В это время находившийся в Даралагезе правитель Карабага господин генерал-майор Мехти-Кули-хан обладатель хамая (генеральской ленты) связался с Паскевичем, отвернувшись от иранского правительства, (он) хотел возвратиться и покориться лучезарному (русскому) государству. Князь Абхазов, посоветовавшись с Панкратьевым, взял (с собою) два батальона войск и отправился к Мехти-Кули-хану.

Встреча их произошла в Аг-карвансараяе, на границе двух государств. Князь, взяв с собою упомянутого хана, успокоил его, и они приступили к переправе подчиненных (людей Мехти-Кули-хана на эту сторону)³.

В то время охранявший и защищавший крепость Аббас-абада Эхсан-хан нахчеванский, узнав (о том), что я нахожусь там, послал ко мне гонца со (следующей) просьбой: „Дайте знать князю, чтобы он двигался в эту (нашу) сторону. Как только он прибудет, крепость сдам ему“.

(Русское командование) всесторонне обсудило этот вопрос, но без санкции главнокомандующего не решилось предпринять что-либо. Они сообщили о положении сардару, а сами отправились в Карабаг. Его высокоблагородие сардар, узнав об этом, отказался от (похода на) Иреван и отправился в сторону Аббас-абада. Возглавившие кызылбашское государство, услышав об этом, придали Мухаммед-Эмин-хану Каджару несколько тысяч бойцов и отправили его с некоторыми ханами и бахтиярскими⁴ сарбазами в (сторону) кре-

¹ В июне 1827 г. ген. Паскевич с войсками находился уже близ Эривани. См. Отношение ген. Паскевича к гр. Нессельроде, от 18 июня 1827 г., № 90, Эчмиадзин. (АКАК, т. VII, д. № 511, стр. 546).

² Об обороне крепости Сардар-абада и взятии ее российскими войсками 19 сентября 1827 г. см. Отношение ген. Паскевича. (АКАК, т. VII, д. № 1518, стр. 561).

³ О возвращении Мехти-Кули-хана в Карабаг и заслугах Мирзы-Адигезаль-бека в этом деле см. Рапорт ген. Паскевича гр. Дибичу, от 2 июня 1827 года, № 62, Эчмиадзин. (АКАК, т. VII, д. № 402, стр. 453, 454).

⁴ Бахтияры—название одного из иранских племен.

пости Аббас-абад¹. Эхсан-хан лишился своих прав в крепости. Сардар (главнокомандующий) прибыл и окружил Аббас-абад. Через несколько дней с той стороны показался наиб-ус-салтане с большим количеством войск². По распоряжению главнокомандующего, навстречу им вышла сначала конница казаков, а потом солдаты (и все они) переправились через Арас. Завязалась битва. Аббас-мирза был побежден³. Русские войска вернулись обратно и с четырех сторон пошли на штурм крепости. Они вырыли рвы и подвели подкопы (под крепость). Жители крепости потеряли надежду на помощь шахзаде. Увидя, что подкопы приближаются к ним, они поняли, что Эхсан-хан изменил им и согласились сдать крепость русским войскам. После занятия крепости, сардар Паскевич овладел пушками и другими видами снаряжения⁴. Взяв в плен Мухамед-Эмин-хана и других ханов и сарбазов, находившихся в крепости, отправил их через Карабаг в Тифлис, а Эхсан-хана за эту услугу назначил нанбом крепости Нахчевана. Так как в крепости (Аббас-абаде) стояла большая жара, Паскевич, оставив в крепости коменданта, сам переехал на эйлагн Кара-баба и расположился там на отдых.

Аббас-мирза, услышав, что (русские) собираются доставить пушки крупного калибра для разрушения крепостей, отправил письмо, а потом и сам переправился на ту сторону реки Араса. В местечке Аваран

¹ Крепость Аббас-абад находилась в 10 верстах от Нахчевана на берегу р. Аракса, ее защищал трехтысячный гарнизон под командою Эхсан-хана нахчеванского и Мамед-Риза-хана тебризского. Оба они были подчинены главному начальнику, шахскому зятю Мамед-Эмин-хану. См. Всеподданнейший рапорт ген. Паскевича, от 4 июля 1827 г. Аббас-абад. (АКАК, т. VII, д. № 513, стр. 559).

² Большое количество иранских войск появилось на правом берегу р. Аракса против крепости Аббас-абада 5 июля 1827 г. См. Всеподданнейший рапорт ген. Паскевича, от 7 июля 1827 г. Аббас-абад. (АКАК, т. VII, д. № 515, стр. 551).

³ Сражение произошло на правом берегу р. Аракса при Деван-булаге. Иранская конница в числе 16 тысяч всадников под предводительством Аббас-мирзы была разбита. См. Всеподданнейший рапорт ген. Паскевича, от 7 июля 1827 г. Аббас-абад. (АКАК, т. VII, д. № 515, стр. 551).

⁴ Крепость Аббас-абад была сдана российским войскам 7 июля 1827 г. В крепости взято 18 пушек. См. вышеуказанный рапорт ген. Паскевича. (АКАК, т. VII, д. № 515, стр. 552).

завязалась ожесточенная битва¹. Обе армии дрались с исключительным мужеством. Отсутствие воды затрудняло положение (русских) солдат, и они имели большие потери. (В этих схватках) даже генерал Красовский получил несколько пулевых ран. Шахзаде, ограничившись этим, обрзоданный своими успехами, повернул обратно и отправился в Дар-ус-сафа²—Хой.

Сардар Паскевич, находившийся на эйлаге Кара-баба, получив эти тревожные сведения, оставив обоз с тяжелым кладом, со своими победоносными войсками отправился на арену боя. Пока сардар подошел (к месту сражения) шахзаде повернул поводья возвращенья (успел уехать). Сардар (главнокомандующий), взяв с собою пушки, сначала направился в сторону Сардар-абада. Силой огнедышащих пушек он разрушил стены и башни и овладел крепостью. Было захвачено несметное количество продовольственных припасов, хлопка и военного снаряжения³. Освободившись оттуда, (покончив с Сардар-абадом, Паскевич) направился в сторону Иревана. Огнедышащие пушки попрежнему в течение нескольких дней изрыгали из своего жерла молниеподобный огонь, переворачивавший стены города и превращавший их в горсть пепла (в прах). Жители города с рвением старались, но из этого ничего не вышло. Наконец, Гасан-хан и прочие иранские эмиры (военачальники) были схвачены⁴.

¹ Сражение между отрядом ген.-л. Красовского с войсками Аббас-мирзы произошло 17 августа 1827 г. во время движения отряда Красовского к Эчмиадзину в местности, где дорога подходит близко к реке Абзрани. Потери отряда Красовского были довольно значительны. См. Всеподданнейший рапорт ген. Паскевича, от августа 1827 г. (АКАК, т. VII, д. № 517, стр. 560).

² Дар-ус-сафа—по-арабски буквально „дом развлечений“—эпитег города Хоя.

³ При осаде крепости Сардар-абада российскими войсками была применена осадная артиллерия, действием которой разрушена средняя четырехугольная башня и в стене образован пролом. 19 сентября иранский гарнизон пытался бежать из Сардар-абада, но был атакован российским войском, частично уничтожен и взят в плен. В Сардар-абаде взято 13 пушек, магазин с 14 тыс. четвертей пшеницы, огромный запас хлопка, значительное количество пороха и снарядов. См. Всеподданнейший рапорт ген. Паскевича, от 21 сентября 1827 г. Сардар-абад. (АКАК, т. VII, д. № 521, стр. 563).

⁴ В осаде и взятии крепости Эривани решающая роль принадлежала русской осадной артиллерии, действием которой были образованы проломы в крепостных стенах и произведены значитель-

Приведя в должный порядок дела Иревана, Паскевич собрал войско и на быстроходных, подобно ветру, конях двинулся в сторону Хоя. Войсками, находившимися под командованием князя Эристова на эйлаге Кара-баба, он строго приказал срочно выступить в сторону (против) Тебриза¹.

Сам (Паскевич) пошел и взял хойский вилайет. Князь Эристов также (в то же самое время) без боя и без пролития крови покорил Тебриз² и озарил эту область полумесяцем своего победоносного знамени. Войска Аббас-мирзы рассеялись. Сам же он, весьма сконфуженный, проводил время на границе Мараги. Сардар Паскевич вошел в Дех-карган.

Хотя Аббас-мирза принимал меры, но не найдя выхода явился с несколькими (приближенными) людьми к сардару (главнокомандующему Паскевичу). Сардар также не оставил его ни на минуту без почестей и уважения. Продолжительное время они оставались вместе. Между ними происходили переговоры о мире, о границах и контрибуции. Затягивая время (переговоров), шах не давал согласия. Наконец, они расстались друг с другом. Сардар (Паскевич) прибыл в Дар-ус-сал-

ные разрушения в городе. Эриванское население не желало оборонять города, жители показали на стенах белые платки. Эривань была взята 1 октября 1827 г. В крепости найдено 48 разных пушек и до 50 фальконеров. Всеподданнейший рапорт ген. Паскевича, от 3 октября 1827 г. Эривань. (АКАК, т. VII, д. № 523, стр. 564).

¹ Отряд кн. Эристова выступил из Маранда по направлению к Тебризу 11 октября 1827 г. Об отношении азербайджанского населения к российским войскам кн. Эристов доносил: „Жители везде найдены по своим местам и встречали войска наши не как неприятелей, но как их покровителей, выходя во множестве навстречу и принося по обыкновению своему в жертву быков“. См. Всеподданнейший рапорт ген. Паскевича, от 16 октября 1827 г. Маранд. (АКАК, т. VII, д. № 526, стр. 568).

² Население Тебриза содействовало российским войскам в занятии города. Кн. Эристов, командующий российским отрядом, о нежелании тебризцев оборонять город против российских войск доносил следующее: „Зять и первый министр шаха Аллах-Яр-хан, присланный для начальствования в городе, употребляя все средства, чтобы склонить к защите жителей и находившихся там два батальона сарбазов; наконец, прибегнул к жестокости. Резал уши, носы, выкалывал глаза, но все усилил его были тщетны“. 13 октября 1827 г. без боя российские войска вступили в Тебриз, где взяты большие трофеи: 40 разных пушек, свыше 1 тысячи ружей, свыше 10 тыс. ядер и много других артиллерийских снарядов. См. Всеподданнейший рапорт ген. Паскевича, от 16 октября 1827 г. Маранд. (АКАК, т. VII, д. № 526, стр. 568, 569).

тане¹—Тебриз, Аббас-мирза же направился в свою страну. Между ними была тесная связь. Сардару (Паскевичу) было известно, что кроме шаха никто не препятствует заключению мира. Затем сардар, написав письма в вилайеты своим победоносным и верным войскам, собрал их и распространил (такой) слух: „Я (Паскевич) прибуду к Дар-уль-хилафа²—Техрану и захвачу (этот) город, являющийся столицей (Ирана)“. Наibus-салтане написал письма своему отцу, сообщил ему о возникавших событиях и известил (его о следующем): „Сардар идет на тебя, как неожиданное бедствие“. Наконец, шах также был вынужден согласиться на мир. Мир был заключен в местечке Туркманчай. Реку Арас установили границей между двумя высокими государствами и согласились уплатить семь куруров³ контрибуции, а также заключили несколько соглашений. Хойский вилайет (русские) взяли в залог до уплаты контрибуции⁴.

После получения установленной контрибуции Дар-ус-сафа—Хой был возвращен представителям иранского государства и его высокоблагородие, славный и полномочный сардар (наместник Паскевич), забрав свои войска направился в Дар-ус-сурур—Тифлис⁵. В то самое время открылась (началась) война со стороны оттоманского государства⁶. (Генерал Паскевич) занялся

¹ Дар-ус-салтане—по-арабски столица. В данном случае речь идет о Тебризе.

² Дар-уль-хилафе—по-арабски буквально означает дом (обитель) халифа, а в переносном смысле вообще столица. В данном случае означает столицу Ирана—Техран.

³ Курур—равен двум миллионам рублей в счете на российскую серебряную монету.

⁴ Об удержании российскими войсками Урмии и Хоя в обеспечение уплаты контрибуции, установленной Туркманчайским трактатом см. Письмо гр. Паскевича к Аббас-мирзе, от 16-го апреля 1828 г. № 17. (АКАК, т. VII, д. № 579, стр. 614). Об удержании Хоя также Письмо гр. Паскевича к Аббас-мирзе, от 29-го мая 1828 г. № 54. (АКАК, т. VII, д. № 599, стр. 630).

⁵ Ген. Паскевич выехал в Тифлис после заключения Туркманчайского договора. Уже в апреле 1828 г. ген. Паскевич находился в Тифлисе. См. Письмо гр. Паскевича к Аббас-мирзе, от 16 апреля 1828 г. № 17. (АКАК, т. VII, д. № 579, стр. 614). Гор. Хой был оставлен российскими войсками в конце 1828 г.

⁶ Военные действия против Турции со стороны Закавказья были начаты 14 июня 1828 г. См. Всеподданнейший рапорт гр. Паскевича, от 19 июня 1828 г. Лагерь при кр. Карс. (АКАК, т. VII, д. № 753, стр. 748).

приготовлением к ней. Если позволит милостивый бог, после завершения дагестанских событий, в соответствии с желаниями руководителей великого и долговечного государства, газель моего амброзного пера на просторной бумажной глади начнет истекать мускусом (повествования) об османских событиях¹ (которые) это перо подробно изложит в отдельном томе...

Эта книга окончена написанием... рукой Мирзы-Гусейна-Мухаммед-Ага-оглу под псевдонимом Салари.

¹ Русско-турецкая война закончилась Адрианопольским трактатом, заключенным 2 сентября 1829 г. Военные действия в Закавказье прекратились лишь в октябре 1829 г. См. Всеподданнейший рапорт гр. Паскевича, от 14 ноября 1829 г., Тифлис. (АКАК, т. VII, д. № 817, стр. 829).

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

БИОГРАФИЯ АВТОРА ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАПИТАНА МИРЗЫ-АДИГЕЗАЛЬ-БЕКА

Автор этого произведения — капитан Мирза-Адигезаль-бек сын Ахверди-бека, сына Адигезаль-аги, — так излагает и описывает свою жизнь. Я родился в Карабаге. В то время, когда я учился в шушинской школе, Ага-Мухаммед-шах, наступая на крепость Шушу, окружил ее¹. (Тогда) мы вместе с родственниками и илатами перебрались и приютились в грузинском вилайете. В то время покойный вали Иракли-хан приветливо принял нас. Он отвел нам под кишлак и под посевы местечко, называемое Сары-килиса, и снабдил нас продовольствием и семенами.

В то время Ага-Мухаммед-шах не смог овладеть крепостью Шушой и, доверяя советам и обещаниям Джавад-хана и Мелик-Меджнуна, направился в сторону Тифлиса. Как только это стало известно нам, мы решили переехать из Сары-килисы и укрыться на горе Коджор (Коджоры), что находится выше Тифлиса. (В это время) пришло известие, что Ага-Мухаммед-шах остановился на реке Алгет. Не будучи в силах оставаться в Коджоре (Коджорах), мы по эйлагской дороге прибыли в Картиль. Прибыв оттуда в селение Ахалкелек (Ахалкалаки), мы увидели, что население убежало, оставив на месте все свое имущество и скотину. Мы отыскиали человека и расспросили его. Он сообщил, что шах вчера занял город Тифлис.² (Узнав

¹ Ага-Мухаммед-шах осаждал Шушу летом 1795 г.

² Войска Ага-Мухаммед-шаха взяли Тифлис 12 сентября 1795 г.

مؤلفه نبغه بود آن میرداد و کوزل بیگ که از پیش حال گنجینه او انسی جان ایر
سولت میفرموده انسی جان نیز از کوزل بیگ ابرو کوزل بیگ را از کوزل بیگ از انسی جان کوزل بیگ که
که گوییم بسطه انسی جان فراموش کرده اند و بیگانه گشت خانه سنه در سنه سنه استخوان ایکن آنجا نشانی نمانده
از زینت کتوب کجا مره ایدن آیاده این چنین میگویند کوزل بیگ کز چنان دلاست نه پناه گفت و در وقت و ایام
از کوزل بیگ هزاره کوزل بیگ دین کوزل بیگ براری شد در وقت کوزل بیگ هزاره و میره دین کوزل بیگ
ایوب و همان و شسته اما کوزل بیگ شسته کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ
مبار ایدوب لطفیس لطفه سوئی انکار اوله و قسا کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ
مختم ایکن کز نینده ایکن غیر کدی که آنجا نشانی لکیت چایده نزل ایدوب در قوجره نای کوزل بیگ
بیلاق لولا ایکن بر نینده و ک کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ
نایوب و از لری کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ
نقصیل شیری کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ
و بی آدم قایوب و از لری کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ
بوی کرده کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ
نه لطفه کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ
در عصر کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ کوزل بیگ

Azərbaycan Milli Kitabxanası

об этом) мы сейчас же бросились бежать вверх по Кюр и увидели, что в городе Керпи также не осталось людей. Оттуда мы направились в селение Картиль и увидели, что и там пусто. Наконец, убедившись, что оставаться в этих местах трудно, мы бежали и вошли в сосновый лес. Мы шли по дороге, не зная куда идем. Три дня и три ночи мы шли, нигде не останавливаясь. На четвертый день мы вышли в степь и увидели, (что здесь) имеется жилье. Спросили (где мы находимся). Нам ответили, что (эта) земля — Ахысга (Ахалциха). Остановились там. В это время пришли карские и шорагельские войска и ограбили нас. Затем паша Ахысги Шериф-паша разместил нас по селам. Ту зиму мы оставались там. У одного османского муллы я научился писать и читать по-османски.

Летом мы переехали оттуда в Гюрджистан и остановились около Мелик-абу, в местности Болнис. Ограбленные и разрозненные илаты наши по одному начали собираться и составили одно общество. Так мы продолжали жить там.

(В это время) скончался Иракли-хан. Его сын Георги-хан стал валием Гюрджистана.¹ Он просил помощи у великого императора². Во главе войска (посланного императором Павлом I) стояли генерал-майор Лазарев и министр Коваленский.³ Затем вали задумал иное. Он решил послать к (гурецкому) султану своего свояка и эшик-агасы Аслан-бека Орбелиани. Догадавшись об этом, министр Коваленский перестал доверять мирзам валия. Он велел отыскать человека, умеющего читать османские письма. Ему указали на меня. Он вызвал меня к себе и заставил меня написать довольно много секретных писем паше Ахысга Нанб-паше. Аслан-бека задержали и вернули обратно. Министр соблюговолит назначить мне жалованье.

Пока вали не умер⁴ и Гюрджистан не подпал под

¹ Царь Ираклий II умер 11 января 1798 г. (Н. Дубровин, „Георгий XII последний царь Грузии и присоединение ее к России“, стр. 1, изд. 2-е, СПб, 1897).

² Имеется в виду Павел I.

³ Министр Коваленский, назначенный к царю Грузии Георгию XII, прибыл в Тифлис 8 ноября 1799 г. См. Письмо с. с. Коваленского к ген.-л. Кноррингу, от 2 декабря 1799 г. Тифлис. (АКАК, т. I, ч. II, д. № 6, стр. 98).

⁴ Царь Георгий XII умер 28 декабря 1800 г. См. Рапорт ген.-м Лазареву ген.-л. Кноррингу, от 23 декабря 1800 г. за № 93. (АКАК, т. I, д. № 137, стр. 188).

покровительство высокого (русского) государства (министр Коваленский) держал меня втайне.

Я состоял на службе при начальствующих лицах (русского) государства. Затем генерал-майор Лисаневич был (назначен) главноначальствующим в Панбак (Памбак) и Шорагель,¹ и взял меня с собой. До одиннадцатого года я состоял при нем секретарем, (пока) он не соблаговолил представить меня к чину подпоручика. Наконец, в шестнадцатом году я получил разрешение от сардара Ермолова² и прибыл на службу к бывшему владельцу Карабага генерал-майору Мехти-Кули-хану. Его высокоблагородие вернул мне наши старые (родовые) земли и кроме них он одарил меня многими землями, именьями и райятами (подвластными крестьянами). Когда упомянутый хан отправился по ту сторону границы, в это время возглавляющие государство (главноначальствующие лица) назначили меня нанбом Игирмидортского магала.

Затем между генералом Ермоловым и Гусейн-ханом³ сардаром возникли споры и разногласия о границе. Для охраны нашей границы был назначен батальон и 50 казаков. Потом Ермолов написал коменданту: „Капитана Мирзу-Адигезаль-бека я также назначил на охрану границ“. Все время эти войска находились при мне и под моей властью (также как) и илаты.

Три года до августа 25-го дня мы были заняты назначением серхед-беков,⁴ установлением (пограничного) караула и охраной границ. В 1826 году (нам) больше не дали батальона. Взяв с собою шестьдесят солдат с одним офицером, двести всадников из илатов и отряд армян в сто человек, мы стали (на страже) границы. В это время карапахцы находились в Геокдже

¹ Точно установить время прибытия ген.-м. Лисаневича в Памбак и Шорагель в качестве окружного начальника не удалось, но известно, что уже в августе 1811 г. ген.-м. Лисаневич находился на этом посту. См. Предписание ген. Торماسова ген.-м. Лисаневичу, от 13 августа 1811 г., № 134. (АКАК. т. IV, д. № 1179, стр. 775. Ср. док. № 1180, стр. 776).

² Ген. А. П. Ермолов в качестве командира отдельного корпуса в Грузии и главноуправляющего гражданской частью прибыл в Тифлис в октябре 1816 г. См. Отношение ген. Ермолова к гр. Нессельроде, от 19-го ноября 1816 г. (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 281, стр. 136).

³ Гусейн-хан—сардар эриванский.

⁴ Пограничных беков—т. е. начальников пограничных постов.

(Гокче). Некоторые из них стали моими сотоварищами. (Они) мне сообщили, что кызылбаши замышляют нарушить мир и начать войну. Об этом деле я неоднократно подробно и своевременно писал коменданту майору Чилиеву. Наконец, Чилиев мне написал: „Все, что вы мне пишете, я также вынужден сообщать генералу Ермолову. Его высокопревосходительство отвечает мне упреками (в то время как и) я убежден, что кызылбаши, нарушив мир, готовятся к войне. Я написал поручику Макарову, находящемуся при Вас (о том, что), как только капитан Мирза-Адигезаль-бек даст вам знать, поезжайте в крепость (Шушу). А Вам (надлежит) во время обнаружения вражды (как только кызылбашские войска начнут против нас враждебные действия) отправить офицера (ко мне), а самому отвести илатов в прочное убежище и сидеть (окопаться и готовиться к обороне)“.

Я написал (в ответ), что это население не последует за мной и не останется в окопах, ибо Мехти-Кули-хан находится на той стороне¹, оно (население) отправится к нему. Вы разрешите мне либо приехать в крепость (Шушу), либо уехать в Тифлис. Комендант не согласился и приказал мне находиться среди населения.

Короче говоря, в то время (когда) мы находились у Базиргян-булага, (к нам) подошел некто (из племени) Колани, по имени Али-Мухаммед и сказал мне: „Встань, у меня имеется секретное слово к тебе“. Я встал, мы вошли в овраг. Он достал много бумаг и дал мне. Я увидел, что это письма Мехти-Кули-хана к бекам, юзбашам и кетхудам, а мне он написал, что наиб-ус-салтане истребил находившийся в Герюсах батальон, а остальных взял в плен. „Ты тоже, имеющихся при себе всех солдат, приведи к наиб-ус-салтане, да будут наши души его жертвой. (За эту услугу) вы удостоитесь безграничной милости и благоволения, будете получать постоянное жалованье и обладать богатством“.

Когда я прочел это письмо, мое настроение испортилось. Сейчас же я уведомил об этом упомянутого офицера, приказав ему: „Вам следует этой же ночью выехать (в Шушу)“. Офицер же, встревожившись,

¹ На стороне иракских войск, у Аббас-мирзы.

сказал: „Как же я проберусь через эти горы, скалы, дороги и через племя Колани?“

Я заверил его, (ответив): „Этих слов я никому не скажу. При наступлении вечера ты достань при людях какую-нибудь бумагу и, прочитав ее, нарочно скажи мне, что казенный табун прибыл в Чилабюрд (Джераберд), и что тебе приказано отправиться и охранять его и что следует этой же ночью приготовить 30 вьючных животных, (на что) я (отвечу) тебе: „Ты так скоро собираешься уехать, ты ведь (знаешь, что) кочевья находятся далеко, если тебе достаточно будет малого количества животных, то я могу дать тебе лошадей находящихся при мне всадников“.

Короче (говоря), офицер попросил восемь лошадей. Отобрав (лошадей) у находившихся при мне (людей), я отдал (их) ему и сказал: „Выезжай через час после наступления вечера и, преодолев большое расстояние, к утру прибуди в селение Гасанриз. Не задерживаясь там, срочно возьми лошадей у кевхи¹ и под предлогом (что Вы торопитесь принять) табун, следуйте в путь (далее). Всю солдатскую амуницию и провиант оставьте в килисе, всюду следуя по лесу, спешите в крепость (Шушу). Таким образом, дав хороших проводников, я снарядил в путь офицера, а сам остался там, пока на следующий день к полудню (это) не стало известно народу. Идя группами (люди) говорили (друг другу): „Русский сбежал“. Я сказал им, что (офицер) поехал охранять казенный табун. Словом, я оставался (там) приблизительно до тех пор, пока солдат (офицер) не миновал все опасные места. Затем я убеждал народ, говоря ему: „В (тот) год, когда Цицианов отправился в Иреван, (население) Казаха и Бошчалу не ведало силы русского государства и, подобно вам, возмутилось. Впоследствии оно пожалело об этом. Теперь вы находитесь в таком же положении. Конечно, вы не должны обманываться подобным необоснованным делом и лишиться своей преданности“. Повторив несколько раз им эти слова, я направился к себе домой. Я хотел добраться до солдат, находившихся в Гяндже, а оттуда отправиться в город Тифлис.

В это время дошли сведения (о том), что гянджин-

¹ Кевха—сокращенное кетхуда, что значит сельский старшина.

ды изменили (России), а кызылбаши двигаются в направлении Тифлиса. Расстроившись от этих вестей, и лишившись надежды, я вновь прибыл к илатам. Там ежедневно от шахзаде и хана приходили на мое имя письма, (в которых говорилось): „Люди всех вилайетов прибыли, по какой причине Вы не идете?“. Уклоняясь (от прямого ответа) на каждое из них (писем), я затягивал время. Наконец, однажды я решил (еще раз) пойти к илатам и прочесть им наставления и увещевания. Я находился в гостях в доме юзбаши Али-Рзы. (В это время) пришел один человек (из кочевников) и сообщил мне, что этот юзбаши, у которого я нахожусь в доме, послал человека к Ханлар-аге потребовать у него пятьдесят курдских всадников, чтобы арестовать меня и доставить к шахзаде. Услышав эти слова, я много думал и встревожился. Не найдя другого выхода, я пришел к мысли не идти со связанными руками. Затем, подумав, я написал от имени своих братьев (на свое имя) письмо. Я отдал (письмо) неизвестному (незнакомому илатам) человеку, чтобы он принес (письмо) ночью и вручил бы (его) мне. Упомянутый человек доставил это (письмо) от имени нашего дома в кочевье Кара-коюнду, сказав, что это письмо подлежит доставке Мирзе-Адигезаль-беку и что оно послано ему его братьями. (Человек при этом добавил): „Моя лошадь устала, я не могу больше ехать, вам следует отвезти и доставить письмо ему (Мирзе-Адигезаль-беку)“.

Размышляя, в полночь я (услыхал), что юзбаши говорит: „Кто ты, всадник?“ (Тот) ответил: „Я привез письмо“. Получив письмо, старшина начал меня трогать за ноги, желая разбудить, я же вовсе не спал, а был погружен в думы. Словом, я сделал вид, что проснулся и сказал: „Что за весть?“ (Старшина) ответил: „Я собрал людей охранять вас, чтобы в вас не стреляли и не причинили бы вам вреда“. Покушавшимся же на меня был он сам. Словом, юзбаши мне сказал, что принесет светильник, чтобы я прочел бы это письмо. Я сказал, что прочту утром. Он настоял, чтобы я прочел (его) сейчас же и чтобы стало известно, что за вести в нем (содержатся).

Он принес чираг, я открыл письмо и, прочтя его, (будто-бы) обрадовавшись, сказал: „Приготовьте коня, я должен выехать“. Юзбаши спросил (о причине). Я

сказал: „Генерал Мадатов приехал в Гянджу и просит меня (к себе), а Ермолов приехал в Шамкир (Шамхор)*.

Успокоившись, они привели коня. Староста попросил отдать ему письмо для того, чтобы завтра показать его народу. Опасаясь, я отдал ему письмо и, сев на коня, уехал. Я думал скакать опять в сторону Тифлиса.

В это время я встретился с армянином по имени Вердиев. Он сообщил, что Угурлу-хан¹ приехал и стал в Гяндже ханом, а русские войска ушли. Шамкирцы, шемседдинцы и казахцы пришли в покорность. Услышав эти вести, я потерял надежду и, встревожившись и уповая на бога, остался (там, среди илатов).

Через два дня я увидел, что Исмаил Тулу-Мустафа-оглы привез (мне) ферман от шахзаде и письмо от Мехти-Кули-хана. Желая расположить меня к себе, они пригласили приехать к ним. Я хотел придумать повод и не ехать. (Тогда) Исмаил тайком показал мне (другое) письмо (и сказал): „Если Вы не поедете, то мне следует вручить это письмо народу“. Я увидел, что наиб-ус-салтане пишет: „Двенадцать дней, как я нахожусь под крепостью, вся вселенная, даже Ширванат, Гянджа и все население Карабага (изъявили) мне покорность, только Мирза-Адигезаль-бек думает о сопротивлении и непокорности. Доставьте мне его голову или же привезите его пленным ко мне, а оставшееся (имущество) его пусть будет вашим“.

Увидев это, я сказал самому себе: „Не подобает ради спасения своей души посягать на жизнь столько людей (окружавших его илатов). Я сам поеду. И скажу, что я не видел ни лиц кызылбашей и не служил им (никогда). Если они будут милосердными, то мне ничего не сделают“. Словом, я поехал и сперва увидел хана. Он сопровождал меня со своим эшик-агасы Али-Мардан-беком к наиб-ус-салтане. Он сидел на стуле в шатре. Я преклонил голову. Он спросил: „Кто это такие?“ Эшик-агасы ответил: „Мирза-Адигезаль, Мелик-Усуб и такие-то“. (Аббас-мирза) спросил: „Это

¹ Угурлу-хан, старший сын Джавад-хана Гянджинского. (См. Родословную таблицу гянджинских ханов. (АКАК, т. VI, ч. II, стр. 906).

— Мирза-Адигезаль? Тот ответил: „Да“. (Шахзаде) приказал: „Принесите фалакку“¹.

Тотчас же меня повалили (на землю), ноги мои вдели в фалакку и дали мне розгами пятьсот ударов. Сколько я ни умолял и ни просил, ничего не помогало. Наконец, я сказал: „Вы (собираетесь совершить), поход в Гюрджистан, (там) будете искать (такого человека, как я), но не найдете“.

(Как только) я произнес это (шахзаде) приказал: „Довольно! Отведите и закуйте в цепи“. Меня отвели и заковали в цепи. В прошлом я как-то сказал, что офицер русского государства стоит выше кызылбашского хана, ибо офицера нельзя избивать розгами, но хана (кызылбашского) стегают. Эти мои слова были переданы шахзаде и когда меня истязали, он заметил: „Это офицер, (его) бить нельзя, но хана бьют“. После этих слов меня заковали в цепи. Тотчас же фаррашбаши (дворецкий) принес келемдан² и бумагу и сказал: „Напиши что-нибудь“. Я ответил: „Как я напишу в таком состоянии?“ Он сказал: „Известно, что письмо, написанное тобой старосте Али-Рзе, доставили наибу-ус-салтане, (теперь) будут сличать твой почерк“. Так как я то письмо написал левой рукой, то тождественность почерков писем не была возможной. Я не принимал (их предложения написать что-либо), они не отставали (говоря): „Нельзя не писать“. Наконец, будучи вынужденным, я написал следующее двустишие Саади: „Обаятельные падишахи, идя на охоту, связывают ноги дичи, но (иногда), развязав, отпускают на волю“.

Это двустишие взяли (к хану) и увидели, что сходства нет. По поводу написанного мной двустишия, улыбнулись и засмеялись. После этого брата хана Сулейманбека³ назначили вместо меня наибом и отправили туда.⁴ После этого (ко мне домой) послали слугу хана Аvezхан-бека. Он поехал и описал все мое движимое и не-

¹ Фалакка—деревянное приспособление, в которое вдевали ноги наказуемого, а затем прутьями или палками били его по пяткам.

² Пенал с чернильным прибором.

³ Сулейман-бек, младший брат Мехти-кули-хана карабагского. См. Родословную Ибрагим-хана и его детей. (АКАК, т. II, д. № 1115, стр. 695).

⁴ Имеется в виду Карабаг.

движимое имущество. Схватили и доставили (к хану) также и моих братьев.

Я оставался в цепях. Ежедневно меня мучили и терзали. Когда пришли (русские) войска, (однажды) комендант обратился ко мне с просьбой выслать войску провиант. Я собрал среди населения и отправил (ему) сто вьюков муки. Как-то услышав об этом, шахзаде приказал: „Выколите мирзе глаза“. На основании этого приказа, меня повалили, а руки привязали к дереву. Нож приставили к моим глазам, чтобы выколоть их. В тот же час появился Мирза-Мухаммед-Али мустовфи¹ и (мне) сказал: „Дай пять тысяч ашрафи, чтобы я не выколол твои глаза“. Я сказал: „Все состояние, которое я имел, вы описали и конфисковали. Теперь, кроме своего тела, я ничего не имею“.

В то же время (некоего) по имени Мухаммед-бека послали с поручением привезти все мое имущество. После отъезда упомянутого (лица), мой брат Мустафа-ага, услышав эту весть, захватил все, что попало в его руки из моего имущества и бежал, стараясь добратся до Гюрджистана. Набрал много всадников, Сулейман-бек пустился (вдогонку) за ним и настиг его на гянджинском яйлаге. Он схватил моего брата, его семью и имущество и вернул обратно. Его подвергли всяким насилиям и мучениям, отобрали мой табун, скот, баранту и все прочее (наше) имущество. Моя семья осталась голодной и в весьма трудном положении. Мои братья Мухаммед-ага и Али-ага бежали в шекинский вилайет. Мустафа-ага, замученный и израненный оставался у своих детей. Наши доброжелательные друзья по ночам тайно давали (оставшимся нашим) детям хлеб и с'естное.

В то время, когда меня задержали и заковали в цепи, я написал письмо сардару Ермолову и, дав моим людям, именуемым Мухаммед-Али и Равас, пять туманов денег, отправил с ними (письмо к Ермолову). Упомянутые люди поехали в Казах и явились к графу Си-

¹ Мирза-Мухаммед-Али-мустовфи, один из важнейших при дворных чиновников Аббас-мирзы, выполнял ряд дипломатических поручений. См. Предписание ген. Ермолова д. с. с. Могилевскому и ген.-м. Ермолову, от 9 июля 1823 г. и Отношение ген. Ермолова к графу Нессельроде, от 28 февраля 1827 г., № 7. (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 519 и 708, стр. 200 и 390).

моничу.¹ Граф, расспросив их о случившемся, узнал все о положении (о том, что) крепость не взята и очень обрадовался. Он велел им следовать в Тифлис. Мухаммед-Али он направил в Тифлис, а Раваса оставил при себе. Мухаммед-Али тайком пробрался в Тифлис и вошел в дом князя Мадатова. Мадатов, увидев (его), узнал все положение и с большой радостью сообщил (обо всем) Ермолову. Ермолов в тот же час пришел к Мадатову на дом и расспрашивал у упомянутого (Мухаммед-Али) о всем происшедшем.

Три дня они держали его (Мухаммед-Али) в тайне, чтобы никто не знал (об этом). На четвертый (день) одно письмо написали (Иосифу) Антоновичу,² а одно — мне. Ему (Мухаммед-Али) дали тридцать ашрафи и, спрятав в седле (письма), отправили в путь.

(Мухаммед-Али) случайно ночью в Шамкире наткнулся на караульных. (Дозорные) схватили его, привели в Гянджу к Угурлу-хану. Хотя Угурлу-хан настойчиво допрашивал его, но ничего не добившись, освободил его. После (того, как Мухаммед-Али уехал), один из карабагцев сказал Угурлу-хану, что этот (человек) был курьером и, что напрасно его выпустили из рук. Когда было сказано так, вновь послали человека (вдогонку за Мухаммед-Али), его настигли у (мавзолея) шейха Низами и повели к Угурлу-хану, тщательно обыскали его. Наконец, найдя письма в седле, очень обрадовались. Его с письмами доставили к наиб-ус-салтане. Наиб-ус-салтане допросил его, взял письма и потребовал меня к себе. В тот же час пришел палач и, освободив меня от цепей, доставил (к Аббас-мирзе). Как только я вошел, он обратился ко мне: „Твой гонец прибыл, спроси чем заняты твои елиноверцы?“.

Я ответил, что во всем Казахе и Бошчалу (находятся) мои люди. (Возможно, что) они поехали туда по своим личным делам, к своим родственникам, чтобы (их) увидеть.

Он (Аббас-мирза) ответил: „А это что за письмо

¹ Граф Симонич, подполковник, командир Грузинского гренадерского полка. (АКАК, т. VI, ч. II, стр. 939).

² Иосиф Антонович Реутт, полковник, командир 42-го егерского полка, состоял в должности коменданта крепости Шуши, которая с 22 июля по 6 сентября 1826 г. осаждена была иранскими войсками. (АКАК, т. VII, стр. IX).

написал тебе Ермолов?». Я замолчал. Он сказал: «Если хочешь, то я прочту». Он стал читать написанное мне письмо сардара. (Когда он) дошел до того места, (где говорилось): «Вы выше и почетнее всех, Вы доказали свою преданность руководителям (русского) государства». Как только он прочел это место, (то) от гнева соскочил со стула и воскликнул: «Ты только (подумай), от Дербенда до Тифлиса натворил ли подобно тебе кто-нибудь такие дела? Я обязан предать тебя смерти».

Тотчас же главному палачу он приказал: «Отведи его и привяжи к жерлу пушки. Может быть во время выстрела кусок его мяса попадет к его товарищам. Да будет он проклят!» Тотчас же меня заковали в цепи и повели. Была вечерняя пора, и наступила тьма. Меня вернули. (Шахзаде) приказал: «Оставьте (его) на эту ночь, завтра в полдень казните, чтобы другим было в назидание». В ту ночь (на меня) надели (еще) одну цепь и оставили, чтобы на завтра приставить к жерлу пушки и выстрелить. Размышляя, я пришел к решению попросить у фарраш-башни келемдан и бумагу (под предлогом того, что) хочу написать завещание. Он дал. Я написал Мехти-хану¹, что с того дня, как я попал в цепи, я считаю себя мертвым, но как только я погибну, русские также перебьют всех беков, заключенных в крепости (Шуше): «Я не хочу, чтобы из-за меня погибло столько беков, а в особенности, Рустам-бек»². Тотчас же я послал письмо с одним человеком. Оно было доставлено хану. Прочитав, хан вызвал Гаджи-Агалар-хана и направил его вместе с Керим-ханом к наиб-ус-салтане. Он просил не казнить Мирзу-Адигезаля до взятия крепости, ибо русские также могут казнить всех беков. (Он добавил при этом): «Вы с божьей помощью можете казнить (Мирзу-Адигезальбека) по взятии крепости». Словом, (Аббас-мирза) с большим трудом согласился на их просьбу. Я опять остался в цепях.

Однажды Угурлу-хан написал (наиб-ус-салтане), что

¹ Имеется в виду Мехти-Кули-хан карабагский.

² Рустам-бек ближайший родственник Мехти-Кули-хана карабагского, в 1826 г. проявил себя как сторонник ориентации на Иран. См. Предписание ген. Ермолова кн. Мадатову, от 4-го декабря 1826 г., № 512. (АКАК, т. VI, ч. II, л. № 1330, стр. 870).

его (Мирзы-Адигезаль-бека) братья заградили путь и убивают всех проходящих. (Из-за этого шахзаде) еще раз хотел вызвать (меня) к себе. В то время, как (меня) вели (к нему), муштенд¹ воспрепятствовал этому. Меня (опять) отвели и держали в цепях. Затем мне тайком сообщили, что Мадатов разбил войско (кызылбашское) в Шамкире (в Шамхоре) и что сардар Эмирхан убит.

Войско (Аббас-мирзы) тотчас же снялось с места. Нас в цепях отправили в Агдам. Там коменданта² и нас собрали в одно место. Сделав колодки, (их) набили на наши ноги. Наняв у чарвадаров³ кляч, (нас) посадили на (этих) кляч с паланами.⁴ Дав Гасан-хану герайскому пятьсот шахсеванских всадников и приставив к нам брата фарраш-баши Агу-Али-Акпер-бека, нас отправили в Тебриз. Сам (Аббас-мирза) отправился в сторону Гянджи.

Мой брат Мустафа-Ага сейчас же после (своего) побега отправился к Мадатову и сообщил ему: „Да будет вам известно, что шахзаде прибыл⁵. Об этом сам Мадатов пишет в своих мемуарах.

Словом, он (Мадатов) вернул моего брата и (при этом) сказал: „(Шахзаде) по прибытии арестует вас и ваших детей. Отправьте их куда-нибудь“. Брат мой сейчас же вернулся и, захватив детей, убежал из кочевки. Вслед за ними прибыл Мустафа-хан в сопровождении четырехсот слуг. Жители кочевки сообщили ему что брат Адигезаль-аги с семьей убежал. (Они), арестовав девять человек из наших родственников, доставили к шахзаде. Их заковали в цепи.

Когда войска наиб-ус-салтане по воле божьей потерпели поражение⁵, кызылбашин не успели захватить их (родственников) с собою, и они вернулись домой, взяв с собою свои цепи.

Мы же с комендантом в ту же ночь были переправлены через Арас. В это время распространилась молва о том, что шахзаде потерпел поражение. Нас возили по всем магалам Караджадага и распространяли

¹ Муштенд—главное духовное лицо.

² Имеется в виду майор Чилев.

³ Чарвадары—проводники караванов.

⁴ Палан—род седла.

⁵ Имеется в виду поражение иранской армии под Гянджой 13 сентября 1826 г.

слух о том, что Ермолов отдал нас в качестве заложников и обещал (иранцам) вернуть их земли. (Кызылбаш и говорили о нас): „Это очень влиятельные и большие люди“.

Словом, нас доставили в Тебриз. Коменданта держали отдельно под усиленной охраной. Нас заковали в цепи, а на ноги надели колодки. Таким образом в течение нескольких месяцев чинили нам беспримерные муки.

(С нами был заключен) один узник суннит по имени Ибрагим, житель города Тебриза. Изведенный (муками) он нам говорил: („Давайте) убежим!“

Я не соглашался. Наконец, мы пострадали душой. Нас было человек двадцать заключенных. Как-то ночью мы, захватив начальника тюрьмы, связали (его), вынули у него ключи и открыли замки. Начальника тюрьмы мы заковали в те (самые) цепи, (в которые были закованы сами). Около нас была палатка. Мы отрезали от нее веревки и взяли (их с собою). Мы пошли по какой-то дороге. (Далее) мы со стены спустились вниз при помощи веревки. Сначала спустился я. Веревка содрала (кожу с) моих рук. Я сказал товарищам, чтобы они держались за веревку, обмотав свои руки обрезками от паласа, дабы не попортить себе рук. Когда спускался один из товарищей, веревка оборвалась и он, поломав себе голень, остался там. Оттуда мы по веревке переправились через ров (на другую) сторону.

Жители Тебриза отправились к мавзолею Сеида-Гамзы, а мы побежали в сторону Паян-дага и там до вечера скрывались под большим камнем. Вечером мы поднялись и двинулись с места. Двигаясь вверх по (берегу) Аджи-чая, мы перешли через мост на противоположную сторону реки. Идя по берегу, мы дошли до (какой-то) плотины, где двое неизвестных, поднявшись с края дороги, крикнули: „Кто вы такие?“. Мы ответили, что мы гянджинцы. Тотчас же он сказал: „Стреляйте!“ По нас открыли огонь из старужей. Наши товарищи бросились в воду. Я повернул обратно по дороге и (пустился) бежать. Меня преследовали два человека, но, не сумев догнать, отстали. Я поднялся на гору и, притаившись за скалой, прислушивался. Я услышал, что некоторых из моих товарищей задержали и спрашивают их обо мне. Они от-

вечали: „Ей богу, мы не видели, он убежал“. В это время я услышал звуки человеческих шагов. Я опознал его (шедшего). Это был есаул Зейнал-абдин. Я позвал его. Он тоже узнал меня и подошел ко мне. Оттуда мы пошли вверх по горе. Поместились под скалой и сложили камни у входа. Там оставались до утра. Население всех окрестных сел подняли на горы (чтобы разыскать нас). Несколько раз проходили мимо нас, но, по божьей милости, нас не заметили. Наступил вечер. Мы думали: „Местность нам незнакома, а дороги, куда мы можем идти, отрезаны“. Мы пришли к мысли возложить надежду на Сенда-Гамзу (укрыться в мавзолее Сенда-Гамзы). Мы шли босиком по аджинской дороге. В двух местах мы видели, что нас разыскивают сарбазы¹. Скрываясь от них, мы с величайшими трудностями дошли до Сенда-Гамзы. У дверей (мавзолея) Сенда-Гамзы был установлен караул из десяти сарбазов. Они все спали. Мы прошли мимо них и вошли внутрь. Мы увидели, что все фарраши, встревоженные нашим побегом, пришли сюда и засели в бесте.² Как только они увидели меня, обрадовались и побежали сообщить об этом шахзаде. Он тоже обрадовался и вместо взыскания трехсот ашрафи штрафа с фарраш-баши велел выдать им наградные.

За час до утра (Аббас-мирза) прислал к нам хаджа-баши³ Гаджи-Алескера и Гаджи-Агалар-хана. Придя в (мавзолей) Сенда-Гамзы, они клятвой (старались) уверить в неприкосновенности моей жизни и вывести (из беста). Когда они произносили клятву, я сказал Гаджи-Агалар-хану: „Зачем ты клянешься? Разве мы не верим друг другу? Я тебе верю“. Выйдя с ним оттуда, я направился в дом Гаджи-Агалар-хана. Принесли шорбу⁴. Мы с’ели. Хотели немного отдохнуть, но тут же пришел фарраш и забрал нас. Мы увидели, что нашего проводника, суннита Ибрагима четвертовали, а начальнику тюрьмы выкололи глаза. Свыше ста тысяч тебризцев вышло на улицу посмотреть (на нас), иду-

¹ Сарбазы—солдаты иранской регулярной армии, созданной при Аббас-мирзе.

² Бест—по-персидски место убежища, укрытие в мечетах, при высокоотимых гробницах и т. п. местах. Укрывшиеся в бесте, согласно обычаю, пользовались неприкосновенностью.

³ Хаджа-баши—старший евнух.

⁴ Шорба—рисовый суп.

щих к шахзаде. Шахзаде стоял в верхней части площади. Увидев нас, он разгневался и сказал мне:

„Эй кяфир, очевидно ты вспомнил свиной суп и вино русских и потому совершил побег?“ Я ответил: „Ты падишах, час твоей справедливости даст больше чем тысяча лет молитв. Вы и в Карабаге говорили (мне), что я с русскими выпивал вино и стал таким, тогда как я за всю свою жизнь вина вовсе не пригубил. Ни разу вы не спросили меня о том, правдали это или же ложь?“

Когда (я) сказал так, он спросил Гаджи-Агалар-хана: „Что он говорит?“ Тот ответил: „Клянусь вашей головой, что он говорит правду!“

После этого он (шахзаде) допрашивал меня больше часа. На все его вопросы я отвечал. Наконец, Гаджи-Агалар-хан сказал (шахзаде): „Вы изволили обещать отдать мирзу мне, вместо моего брата Рустамбека“. Он соизволил (сказать): „Дарю (его тебе)“.

Гаджи-Агалар-хан взял меня оттуда к себе домой, наложил мазь на мою раненую руку и заказал шить мне одежду. Так несколько дней я пробыл (у него). В то время когда Мадатов приближался к Мешкину, Мустовфи-Мирза-Мухаммед-Али сказал, что русские приближаются, мы должны будем засесть в крепости. Пребывание его (Мирзы-Адигезальбека) в Тебризе — нежелательно. Он должен находиться на острове моря Шахи.¹

Гаджи-Агалар-хан, услышав эти слова, долго упрасивал, (чтобы не делали этого). Наконец, меня увезли из Тебриза в с. Бинаб. Больше месяца я находился там под караулом. Потом прибыл человек и увез меня в Тебриз. Как только я приехал, Абуль-Фетх-хан² мне сказал: „Шах послал сюда канм-макама³ и предложил заключить мир (с русскими) во что бы то ни

¹ Море Шахи — озеро Урмия.

² Абуль-Фетх-хан, брат Мехти-Кули-хана карабагского, бежавший в Иран в начале русско-иранской войны 1805—1813 гг. От Аббас-мирзы получил в управление земли по левому берегу реки Чугундура или Капан-чая (магал Мигри). См. Родословную Ибрагим-хана и его детей. (АКАК, т. II, д. № 1415, стр. 695).

Собственноручное письмо ген. Ермолова к гр. Нессельроде, от 2 апреля 1825 года, № 35. (АКАК, т. VI, ч. II, д. № 567, стр. 310).

³ Канм-макам — наместник, министр, представитель, уполномоченный.

стало. Каим-мақам же посоветовался со мною и сказал: „Вы должны найти влиятельного человека и отправить к Мадатову, чтобы склонить его к миру“. Я указал ему на тебя, сказав: „Если Мирза-Адигезаль захочет, то сделает это“.

Мой совет его обрадовал, потому тебя вызвали сюда, чтобы послать к Мадатову. Конечно, с шахзаде ты должен будешь говорить подобающе*.

Я ответил:

„Разве этот вопрос зависит от Мадатова или Ермолова?“

(Абуль-Фетх-хан) сказал:

„Я знаю, но я хочу, чтобы ты освободился (из плена)“.

Я сказал: „Они не доверят мне“. Он мне ответил: „Они такие дураки, им говори что хочешь, поверят. Они дураки и льстецы“.

Как только настала ночь, каим-макам послал за мною фарраша, и меня тайно привели к нему. Каим-макам оказал мне большое уважение и заметил: „Ты пленный, а я—нуждающийся, (мы) оба должны помогать друг другу. Его величество послал меня сюда и велел мне заключить мир. Я решил послать тебя к Мадатову и при твоём посредничестве заключить мир. Ты должен от имени иранского государства разъяснить и заверить Мадатова, что (мы) полностью и с лихвой возместим за сожженные строения, за потравленные посевы и за прочие убытки. (Одновременно) возместим весь ущерб и убытки причиненные тебе.“

Ты должен хорошими словами склонить Мадатова к миру и (в течение) одного месяца доставить мне ответ по этому делу“.

Я отвечал, в духе его желаний и обнадежил его. Оттуда он меня повел к нанб-ус-салтане. Он тоже принял меня приветливо, извинился (за все причиненное мне), дал мне большие обещания, обнадежил меня, а потом, назначив месячный срок, разрешил мне уйти. Он отправил со мною Гусейн-Кули-бека минджаванского. Мы выехали из Тебриза. Как только приехали в крепость Шушу, я отправился к Иосифу Антоновичу Реутту¹. Увидев меня, он очень обрадовался и сказал, что я должен поехать в Тифлис. Попрощавшись с ним,

¹ И. А. Реутт, полковник, командант крепости Шуши.

я сначала заехал к себе домой и увидел, что из моего имущества ничего не уцелело, не будучи более в состоянии выдержать (этого), выехал в Тифлис и в тот же день приехал туда. Я узнал, что и генерал Дибич тоже в тот же день приехал в Тифлис.¹ В тот же день я отправился к генералу Мадатову. Как только он увидел меня, заплакал от радости и взял меня к сардару Ермолову. Он (Ермолов) обнял меня и очень обрадовался. В течение трех суток он расспрашивал меня о положении дел в Иране. Ему очень понравилось; что я так удачно обманул их и вывернулся из положения. Он даже начал гордиться моей ловкостью. Ермолов представил меня генералу Дибичу. Дибич, узнав о всех моих приключениях, обрадовался (моему счастливому избавлению). Он остался доволен мною и выразил мне благодарность. Потом я отправился к генералу Паскевичу. Мои братья находились на службе при нем, и он был в курсе дела. (Паскевич) принял меня с почестями и оказывал мне большое внимание.

По истечении некоторого времени князя Мадатова назначили командующим войсками, находившимися здесь.² Он попросил генерала Ермолова разрешить ему взять меня с собой. Генерал Ермолов не соглашался. Наконец, Мадатов условился с ним о том, что как только генерал Ермолов вступит в иреванские земли, то (Мадатов) пошлет меня к нему. С этим условием (генерал Ермолов) отправил меня вместе с Мадатовым в Карабаг. Я находился при Мадатове вплоть до того, как его сместили и назначили на его место князя Абхазова.³ Об этом составитель моей книги Мирза-Гусейн-Мухаммед-Ага-оглу под псевдонимом Салари выше упоминал своим двуязычным пером.

После того, как князь Абхазов познакомился с моей биографией и со всеми теми трудностями, которые я пережил, повысил меня в чине и пожелал оставить меня (на службе). Я стал одним из его приближенных. Я служил с большим рвением и преданностью и в от-

¹ В январе и феврале 1827 г. начальник штаба ген.-адъютант И. И. Дибич находился в Тифлисе в связи с передачей дел А. П. Ермоловым И. Ф. Паскевичу.

² Имеется в виду Карабаг.

³ Князь Абхазов сменил ген. В. Г. Мадатова на посту управления Карабагской, Ширванской и Шекинской провинциями в апреле 1827 г. (АКАК, т. VII, стр. IV).

ношении Ирана давал различные советы, посылал туда курьеров и налаживал дела. О моих делах и заслугах было написано в журналах и отмечено по канцелярии наместника. Если пожелаете ознакомиться со всем этим, можете обратиться туда. Князь Абхазов ходатайствовал перед генералом Паскевичем о присвоении мне воинского звания капитана и четырехсот рублей пенсии¹. Его превосходительство полномочный и благородный наместник, в свою очередь, по этому вопросу возбудил ходатайство перед его величеством императором, перед владыкой душ всех народов, и он осчастливил меня высочайшим своим согласием. С тех пор я преспокойно пребываю у себя дома. У меня есть подобающее мне имущество, свои райаты.²...

Этот краткий и не без недостатков очерк я предлагаю вниманию сына его превосходительства генерала Колюбакина—подполковнику и кавалеру Михаилу Петровичу. И надеюсь, что ознакомившись с ним, он представит его туда, куда найдет нужным.

¹ К капитанскому чину Мирза-Адигезаль-бек был представлен до 1830 года, потому что в 1830 году князь Абхазов уже покинул Закавказье и находился в Осетии. (АКАК, т. VI, стр. VII).

² Райаты—подвластные крестьяне.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН .

- Аббас-бек—87, 88.
Аббас-мирза, сын шаха Тахмасиба II—46, 47.
Аббас-мирза (шах-заде, наиб-ус-салтане)—16, 31, 35, 36, 100, 101, 112, 116—122, 125—128, 133, 136, 138—141, 143—145.
Абдул-Фетх-хан, брат Мехти Кули хана карабагского, сын Ибрагим-хана—30, 83, 144, 145.
Абхазов, князь—начальник Карабагской, Ширванской, Шекинской провинций—13, 17—20, 123, 124, 146, 147.
Авез-хан-бек—137.
Авраам—79.
Ага-Али-Акпер-бек—141.
Ага-Киши-бек, сын Гаджи-Челеби-хана шекинского—67.
Ага-Мухаммед-шах Каджар (Ага-Мухаммед-хан Каджар)—6—8, 26, 27, 30, 32, 35, 39, 61, 63, 75—82, 84, 86, 87, 89, 90, 130.
Адигезаль-ага, дед автора—130, 141.
Адиль-шах (Али-Кули-хан, Али-Кули-шах), племянник Надир-шаха—51, 52.
Азад-хан урмийский—62.
Александр-мирза—85, 92, 101, 111.
Александр I—113, 114.
Алескерзаде А.—13, 62.
Али, см. Панах-хан.
Али-ага, брат автора—138.
Аян-бек, прапорщик—21.
Али-Кули-хан, брат Ага-Мухаммед-шаха—62, 76.
Али-Мардан-бек—136.
Али-Мухаммед—133.
Али-Рза, юзбашин—135, 137.
Аллах-Кули-султан, мелик Джераберда—59.
Аллахяр-хан—120, 127.
Амир-Аслан-хан—52, 62.
Антоний, католикос—94.
Аслан-бек Орбелиани—131.
Аслан-султан шадиланский—18.
Ата-хан шахсеванский—86, 122.
Атверди-бек, отец автора—130.
Ахмедова С. К.—23.
Ахундов Мирза-Фатали—36.
Баба-хан, см. Фетх-Али-шах Каджар.
Багиров М. Д.—26.
Бакиеванов А.—5, 21—23, 30, 52, 62, 68, 72, 75, 76.

- Баратов Заал, мдиванбек—95.
Бархударян—64.
Берже А.—31, 64.
Биджан-хан, доверенное лицо Аббас-мирзы—120.
Бикья-ага, сестра Умма-хана, супруга Ибрагим-хана—74, 87.
Бутков П. Г.—67, 75.
- Вагиф, см. Молла-Павах-Вагиф.
Вахтанг Ираклиевич—96.
Вельяминов, ген. л-т.—12, 114—116.
Вердиев—136.
Власов—ген.-м.—114.
Воронцов, Михаил Семенович—граф, наместник Кавказа—28.
- Гаджи-Агалар-бек, капитан—36, 116, 117.
Гаджи-Агалар-хан—140, 143, 144.
Гаджи-Алескер, ст. евнух—143.
Гаджи-хан—121.
Гаджи-Челеби-хан шекинский—54, 63, 65—67.
Гасан-Джалалян—57.
Гасан-хан герайский—141.
Гасан-хан, брат сардара эриванского—119, 124, 126.
Гейдар-Кули-хан нахчеванский—59, 65.
Георги XII (Георги-хан)—8, 9, 33, 39, 84, 85, 89, 94, 131.
Грибоедов А. С.—19.
Гудович И. В., генер.-аншеф—75, 108—110.
Гуляков, ген.-м.—96, 97.
Гусейн-Кули-бек минджеванский—145.
Гусейн-Кули-хан бакинский—11, 34, 107.
Гусейн-хан, сардар эриванский—14, 111, 119, 132.
Гусейн-хан, сын Селим-хана шекинского—15, 119, 121, 122.
Гырхлы, племя—45.
- Давид—87.
Давуд-мирза (Давид Георгиевич), старший сын Георгия XII—89, 90, 94, 96.
Дария Георгиевна (Дэда-вале), супруга Ираклия II—33, 80, 85, 96.
Демурчи Гасанлу, племя—56.
Дергах-бек сарыджалинский—61.
Джавад-хан гянджинский—33, 83, 84, 93, 97, 98, 112, 119, 130, 136.
Джамал Джеваншир (Мирза-Джамал) Карабаги, автор сочинения „Карабаг“—21, 31, 38, 39, 52, 64.
Джафар-Кули-хан хойский—89.
Джафар-Кули-хан, внук Ибрагим-хана—112.
Джеваншир, племя—25.
Джемшид—96, 105, 107.
Джинли, племя в Грузии—56.
Дибич, граф, ген.-ад'ют.—17, 18, 124, 146.
Дистерло, фон, майор, комендант Шекинской провинции—114.
Дубровин Н.—84, 86, 116, 117, 120, 131.
- Екатерина II—7, 8, 82—84.
Ермолов, Алексей Петрович, ген.-л-т.—10—12, 14, 16, 17, 35, 36, 114, 117—123, 132, 133, 136, 138—140, 142, 144—146.
Ермолов, полковник—12, 13.

Завалишин, ген.-м.—107.
Зая—51.
Зейнал-Абдин, есаул—143.
Зияд-оглу (Зияд ханлы), фамилия гянджинских беглярбеков—
29, 47.
Зубарев, кол. ас.—20, 21.
Зубов Валерьян, ген.-аншеф, граф—30, 82—84, 86.
Ибрагим, есаул—120.
Ибрагим, житель Тебриза—142, 143.
Ибрагим-бек—34, 107.
Ибрагим-хан, брат Надир-шаха—52.
Ибрагим-хан карабагский (Ибрагим-Халил-ага)—8, 21, 25, 26, 30—
32, 38, 50, 59, 68, 70—77, 79, 83, 84, 86—88, 105, 106, 112, 137,
144.
Илван-мирза см. Юлон-мирза.
Иоани, царевич—92.
Иракий II (Иракли-хан), царь Грузии—32, 33, 63, 65, 67, 77, 80,
84, 85, 130, 131.
Искендер (Искендер-бек, Искендер-хан), брат Керим-хана Зенда—
71, 73.
Исмаил Гулу-Мустафа оглы—136.
Исмаил-хан шекинский—114.
Каджары, азербайджанское племя, живущее в южном Азербайджа-
не—47.
Кандраров (Кара-майор; Монтрезор)—102.
Кара-чорлу, азербайджанское племя—18.
Каспаров, кавказский гражданский губернатор—98.
Кебирли, азербайджанское племя—47, 51.
Кельбали-хан нахчеванский—99.
Кеягерлю, азербайджанское племя—56.
Кепрулу-оглу-Абдуллах-паша, турецкий сераскер—58.
Керим-хан—140.
Керим-хан Зенд, векиль—64, 71—73, 75.
Клугенау, майор—120.
Кворринг, ген.-л.—85, 89, 90, 92—95, 131.
Ковалевский, майор—117.
Ковалевский, российский министр при царе Грузии Георгии XII—
8, 9, 90, 131, 132.
Колани, племя—133, 134.
Колюбакин, ген.—36, 43.
Колюбакин, Михаил Петрович, подполковник—38, 43, 147.
Красовский, ген.-л.—126.
Кязим-хан карадагский—65.
Лазарев, ген.-м.—85, 90—94, 96, 131.
Левинтов, Вадим Николаевич—23, 40.
Лисаневич, майор, впослед. ген.-м.—10, 11, 31, 101, 104, 106, 111, 132.
Мадатов, князь, ген.-м.—12, 14, 15, 17, 114, 119, 120—123, 136,
139—141, 144—146.
Макаров, поручик—133.
Малинский—37.
Мамед-мирза, см. Мухаммед-мирза.
Мамед-хан, см. Мухаммед-хан.

- Мелик-Аллахверди хачинский—57.
 Мелик-Аллах-кули джерабердский—57, 58.
 Мелик-Ваня—13.
 Мелик-Гуси варандский—55.
 Мелик-Джемшид варандский—59.
 Мелик-Еган дизакский— 57—58.
 Мелик-Каграман—57.
 Мелик-Меджун джерабердский—84, 130.
 Мелик-Мирза-хан хачинский—57.
 Мелик-Улу-баб, внук Мелик-Шахназара—59.
 Мелик-Усуб гюлистанский—58, 69, 136.
 Мелик-Хатам джерабердский—59, 69.
 Мелик-Шахназар варандский—55, 57—59, 62.
 Меликов Иван, князь—18.
 Мейшиков, посол в Иране—115, 116.
 Мехти-Кули-ага, сын Ибрагим-хана карабагского—10, 12, 13, 16—18, 21, 32, 39, 88, 106, 114, 117, 118, 120, 124, 132, 133, 136, 137, 140, 144.
 Миллинди, племя—'8.
 Миклашевский, полковник—19.
 Минкевич, Нина Владимировна—23.
 Мир-Гасан-хан талышинский—118.
 Мирза-Абдуль-Гасан, иранский посол—114.
 Мирза-Адигезаль-бек, капитан, автор книги—5—24, 26—40, 43, 63, 64, 94, 114, 120, 124, 130, 132, 133, 135—137, 140, 141, 144, 145, 147.
 Мирза-Гусейн-Мухаммед-Ага оглы, см. Салари.
 Мирза-Джамал, см. Джамал Джеваншир.
 Мирза-Мухаммед-Али, мустофи—138, 144.
 Мир-Мехти-Хизани, историк—40.
 Мир-Мустафа-хан талышинский—77, 83.
 Могилевский—12, 13, 138.
 Молла-Вели-Видади, поэт—100.
 Молла-Панах-Вагиф, поэт, визирь карабагского хана—30, 38, 39, 78, 83.
 Монтрезор, майор, прозв. Кара-майор—см. Киндраров.
 Мустафа-Ага, брат автора—138, 141.
 Мустафа-хан ширванский—77, 83, 106, 107, 112, 114, 118, 119, 122, 141.
 Мустафа-хан, правитель Кюрдешта—75.
 Мухаммед-Ага, брат автора—138, 141.
 Мухаммед-Али-мирза, сын Баба-хана—111.
 Мухаммед-Али, приближенный Мирзы-Адигезаль-бека—138, 139.
 Мухаммед-бек—138.
 Мухаммед-бек, племянник Ибрагим-хана—88.
 Мухаммед-Гасан—ага, сын Ибрагим-хана карабагского—88.
 Мухаммед-Гасан-хан Каджар—25, 32, 38, 61—65, 72—75, 76, 86.
 Мухаммед-мирза, сын Аббас-мирзы—119, 120.
 Мухаммед-Рафи-бек—87, 88.
 Мухаммед-Риза-хан тебризский—125.
 Мухаммед-хан караююлиинский—123.
 Мухаммед-хан (Мамед-хан) эриванский—99, 100.
 Мухаммед-Эмин-хан Каджар, зять Фетх-Али-шаха—124, 125.

Надир-шах (Тахмасп-кули-хан)—24, 28, 29, 34, 45—48, 50—52, 57, 58, 61, 62.
Назар-Али-хан—119.
Назмка, полковник—117.
Наиб-паша ахалцихский—131.
Наполеон—36.
Насиб-бек—101, 104.
Насир-хан—86.
Наследышев—14.
Небольсин, ген.—110.
Немруд—79.
Несветаев, Петр Данилович, ген.-м.—108, 119.
Нессельроде, граф, министр—124, 132, 138, 144.
Нефедьев—20.
Низами (шейх Низами)—5, 21, 22, 67, 121, 139.
Новсал-хан аварский—74.
Омар-хан, см. Умма-хан.
Орбелиани, кн., ген.-м. 85, 97, 101.
Отуз-ики, азерб. племя—25, 47, 51, 53, 54.
Павел Петрович, импер.—8, 84, 89, 131.
Панах-хан (Панах-Али-бек, Али, Сарыджа-Али)—25, 29, 30, 49, 51—54, 56—65, 68—74.
Панкратьев, ген.-м., командующий Карабагским отрядом—123, 124.
Парнаоз-хан (Паринаваз-хан)—85.
Паскевич И. Ф.—17—21, 118, 121—129, 146, 147.
Паулуччи, маркиз, ген.-л.—11, 111—113.
Пир Кули, иранский сардар—101—103.
Портнягин, ген.-м.—105—111.
Потто, ген.—34.
Прозоровский А. А., князь—110.
Равас—138, 139.
Райтер, майор—21.
Раффи—64.
Репин, ген.-л.—110.
Реутт, Иосиф Антонович, полковник—117, 139, 145.
Ртищев, ген.-л.—36, 113, 114.
Румянцев, граф—11, 111.
Рустам—51.
Рустам-бек, родственник Мехти-Кули-хана карабагского—140, 144.
Рустам-бек Мелик-Абу оглы—102.
Рыкгоф, ген.-м.—109.
Сзани—78, 137.
Саварсамидзе, князь, полковник—119.
Садых-хан шагагийский—35, 88.
Салари, Мирза-Гусейн Мухаммед-Ага оглы, поэт—22, 38, 43, 69, 72, 73, 78, 81, 82, 92, 100, 128, 146.
Сарыджа-Али, см. Панах-хан.
Сафар-Али-бек, поручик—116.
Сафар-Али-бек—87, 88.
Сафар, юзбаши—117.
Сейд-Мухамма-Урфи Ширази, поэт—77.
Селяи-хан хан шекинский—86, 105, 106, 119.
Симонович, граф—138, 139.

Соломон, имеретинский царь—79, 101.
Сулейман-бек, брат Мехти-Кули-хана карабагского—117, 137, 138.

Такайшвили Е. С.—63, 66.
Тахмасиб Сефевиде, шах Ирана—46.
Тахмасп-Кули-хан, см. Надир-шах.
Теймураз, царь Картли—67.
Тенишев, князь—101.
Тер-Григорьян, Тигран Иванович—64.
Тормасов, ген. от инф.—10, 110—112, 132.
Туманов Игнатий, мдиван-бек—95.

Угурлу-хан гянджинский—119, 136, 139, 140.
Умма-хан (Омар-хан) аварский—74, 84, 87, 90—94.

Фазлалли-бек—50.
Фатали-хан кубинский—7.
Фетали-хан Афшар—25, 30, 34, 35, 67, 69—73.
Фетх-Али-шах Каджар (Баба-хан)—89, 94, 100—102, 111, 117.

Халил—50.
Ханлар-Ага—135.
Хумши-заде Селим-паша ахалцихский—108.

Цагарели—76.
Цицианов, князь, ген.—9, 31, 34, 35, 39, 95—108, 134.

Чавчавадзе Гарсеван-бек, князь—90.
Чарторыйский, князь—105, 106.
Черноглазов, шт. к.—14.
Чилев, майор—15, 120, 133, 141.
Чолакаев, Иоани, мдиван-бек—95.

Шадиллу, племя—18.
Шахверди-хан гянджинский—65, 66.
Шах-Гусейн—46.
Шахрух-мирза, внук Надир-шаха—52.
Шейх-Али-мирза—122.
Шериф-паша ахалцихский—131.

Эмир-хан, сардар, дядя Аббас-мирзы по матери—117, 119, 120, 141.
Эристов, Георгий Евсеевич, князь, ген.-л.—127.
Эхсан-хан нахчеванский—124, 125.

Юсиф-Зия-паша—109, 110.
Юлон-мирза (Юлон-хан)—85, 94.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абарани (Абаран), река—126.
Аббас-абаз, крепость—124, 125.
Абверд—45.
Авар (Авария), область в Дагестане—74, 84, 87.
Авран, местечко—125.
Ага керписи (мост Аги)—70.
Аг-булаг, село—13.
Агдам—50, 62, 73, 120, 141.
Аглаган, гора—103.
Аг-каравансарай (на Араксе)—124.
Аг-оглан, селение—59, 117.
Аджи-чай, река—142.
Адрианополь—128.
Азербайджан—5, 7, 8, 12, 13, 16, 19—22, 24—27, 29, 32, 34, 36, 47,
62, 68, 71, 72, 74—76, 86, 114.
Акера, река—56, 116.
Акзи-беюк, гост—123.
Алазань (каньк), река—97, 122.
Алгет, река—130.
Александрополь, см. Гемри.
Алавар, мост—81.
Анатоли (Анаголия)—109.
Англия—26.
Арас (Аракс), река—7, 16, 17, 30, 31, 56, 75, 86, 115—117, 121—123,
125, 128, 141.
Арасбар, мост в Них. АССР—50.
Ардебиль—61, 74, 117, 121.
Апшеронский полуостров—24, 34.
Арпа-чай, река—109, 110.
Асландуз—36.
Астрабад—8, 63.
Астраханская губерния—123.
Ахалкелек (Ахалкалаки), селение и крепость—108, 109, 130.
Ахар, город—75, 121.
Ахьсга (Ахалцих), пашалык—108, 111, 131.
Баб-ул-абваб, см. Дербенд.
Бадахшан—78.
Базиргян-булаг, эйлаг—14, 15, 133.
Байдэр—67.
Бад-кубе (Баку)—7, 8, 22, 24, 26, 30, 34, 39, 68, 106, 107, 112.
Баллугая—59.

- Баллуджа-чай, речка—68.
 Баргушат, магал—56.
 Башы-ачыг (Имеретия)—67, 79, 80, 94, 102, 106.
 Баят, крепость—25, 53, 55.
 Белахан (Белакавы)—54, 86—88, 93, 96, 97.
 Бинаб, селение в южн. Азербайджане—144.
 Болнис, селение близ Манглиса—131.
 Бошчалу (Борчалы), магал—47, 85, 101, 103, 111, 119, 134, 139.
 Варанда, магал—55, 57, 58, 117.
 Варварали Караоглавали, деревня—13.
 Вавилонское царство—79.
 Гасан-риз, село в Карабаге—134.
 Гемри (Гумри, Александрополь, Леннинакан)—108, 109.
 Гекджа (Гокча), озеро—56, 57, 132, 133.
 Геранбой, ж. д. станция в Азербайджанской ССР—23.
 Герус (Герюси), село в Зангезуре—36, 116, 133.
 Гиль—14.
 Гилан, провинция у ю.-з. угла Каспия—63.
 Гырчи, местность в Мильской степи близ кургана Султан-буд на Араксе—112, 113.
 Гюнай (Гюйнек), магал в местности, где Зангезурские горы подходят к Араксу—56.
 Гюлистан, магал и крепость на восточных отрогах Мровдагских гор—11, 55.
 Гюрджистан (Грузия)—6—11, 19, 32, 33, 38, 39, 43, 47, 51, 56, 63, 65, 66, 67, 76, 77, 79, 80, 84, 89—91, 94—98, 101—104, 106, 109—113, 123, 131, 132, 137, 138.
 Гянджа (Елизаветполь), Гянджинское ханство—8, 11, 16, 21, 22, 32, 33, 35, 47, 49, 55, 60, 61, 63, 65, 67, 74, 80, 84, 93, 98, 104, 105, 112, 119, 121, 134, 136, 139, 141.
 Дагестан—40, 74, 75, 84, 85, 89, 90, 92, 97.
 Данинбея-гматли—13.
 Девелу, местечко неподалеку от Эчмиадзина—101.
 Дарагоз (Дарагоц), местность в Карабаге—117.
 Даралагез—17, 124.
 Дар-ус-сурур, см. Тифлис.
 Дербенд (Баб-ул-абваб)—7, 11, 54, 82, 83, 140.
 Дех-карган, сел. в южн. Азербайджане—127.
 Джар, селение и область в с.-з. Азербайджане—8, 39, 54, 67, 86, 87, 93, 96, 97.
 Джеван-булаг, местность—125.
 Джеваншир—47, 49—51, 53, 54, 117.
 Джераберд, см. Чилабюрд.
 Джермых, см. Чилабюрд.
 Джелал-оглу, местечко—9.
 Джьылгы, пастбище—103.
 Дизак—57, 58.
 Дунай—10.
 Елизаветполь, см. Гянджа.
 Зазалу, речка близ Гянджи—121.
 Закавказье—10, 12, 17, 19, 27, 32, 34, 40, 82, 95, 115, 128, 129, 147.

Зангезур—56, 57.
Зергар, местность в Карабаге—117.
Зод—деревня—14, 15.
Зурнабад, селение в верховьях реки Гянджа-чай—119.

Ибрагим-Халил-каласы—61.
Игирмидорт, магал в Азербайджане—7, 12, 132.
Идет-Кули, крепость—106.
Инджа-чай, река—55, 80, 121.
Иора (Кыбыр), река—91, 92.
Ирак (Аджери), территория центральных частей Ирана—71, 75, 76.
Иран (Персия)—7, 8, 12, 14, 18, 24—26, 28—30, 33, 34, 36, 45, 46,
61, 62, 71, 72, 74, 76, 82, 89, 111—115, 118, 122, 123, 128, 140,
144, 146, 147.
Иреван (Ереван)—13—15, 74—77, 83, 99—103, 110, 111, 115, 119,
124, 126, 129, 134.
Исфаган—71, 73.

Кавказ—28, 31, 34, 63, 66, 67, 82, 84, 86, 89, 94, 108, 116, 120, 123.
Казах, магал по течению реки Акстафа-чай—47, 67, 78, 80, 85, 101,
134, 138, 139.
Какабесту, селение на левобережье реки Иори в среднем течении
—92.
Капан-чай (Чугундур), река—144.
Капан, город в Армении—56.
Кавык, см. Алазань.
Кара-баба, эйлаг—125—127.
Карабаг—6—8, 10—21, 24—27, 30—32, 35, 36, 38—40, 43, 47—51,
56—58, 61—63, 67, 68, 73, 74, 76, 79, 83—88, 92, 103, 105, 106,
110, 112, 114—118, 120, 122—125, 130, 132, 136, 137, 144, 146.
Карадаг (Караджалаг)—61, 74, 75, 83, 121—123, 141.
Кара-Калхан, горы в Кахетии 81.
Кара-килиса (Караклис), село в Армении—102—103.
Кашан-кух, горная вершина в южн. части Азербайджана—74.
Кара-коюнлу—кочевье—135.
Карантин, см. Кызранс.
Карс—85, 109, 128.
Картли (Картли)—94, 130, 131.
Каспийское море—106.
Кахети—84, 112, 113, 122.
Кер-оглу, крепость—111.
Керпи, город—131.
Кесаман—85.
Кизляр—83.
Канакир, селение близ Еревана—100, 101.
Китай—78.
Кыбыр, см. р. Иори.
Кысык (Кизик)—112, 113.
Коджор (Коджоры), селение близ Тифлиса—130.
Козлу-чай—123.
Корушзор, селение в среднем течении реки Акера-чай (правый
берег)—116, 117.
Кочав—116.
Куба—8, 11, 24, 122.
Кувджик, селение в Борчалинском магале—119.

- Кулу-кобу, местность близ Гянджи—98.
 Кызранс (Карантин), речка близ Тбилиси—80.
 Кызыл-кая—66, 67.
 Кюр (р. Кура)—30, 66, 87, 131.
 Кюрдешт, местность в Карадаге—75.
 Кюрек-чай, река, старая граница между Карабагским и Гянджинским ханствами—56, 105, 106, 121.
- Лагич, сел. на северо-запад от Шемахи в бассейне р. Гердыман-чай—106.
 Ленинакан, см. Гемри.
 Лори, сел. и крепость в ущелье за Сомхетским хребтом—57.
 Лори, река—109.
- Магавиз, сел. в Зангезуре—57.
 Мазандеран, провинция по южн. берегу Каспийского моря—64, 63.
 Марага—74, 127.
 Маранд—127.
 Машавери, речка к югу от Тбилиси, приток реки Храма—111.
 Мелик-абу (Мелик-Абов)—131.
 Мешкин, город в южн. Азербайджане—122, 144.
 Мигри, магал в местности, где Зангезурский хребет подходит к Араксу—56, 144.
 Мингечавир (Мингечаур)—66.
 Мигрель (Мингрелия)—106.
 Мровдаг, гора—14, 15.
 Муган (Мугань), степь—8, 28, 45, 47.
- Нахчеван—25, 56, 59, 61, 65, 74, 83, 99, 110, 117, 125.
 Нуха, см. Шекн.
- Осетия—19, 147.
- Панбак (Памбак), магал, расположенный между Сомхетским и Безобальским хребтами—10, 15, 102, 108, 119, 132.
 Панах-абад, см. Шуша.
 Паян-даг, местность около Тебриза—142.
 Персия, см. Иран.
 Петербург—96, 112—114.
- Рагнмли, селение в Карабаге—23.
 Русия (Росния)—4, 7, 8, 10, 15, 17, 18, 25—28, 30, 31, 33, 35, 36, 39, 64, 84, 96, 101, 108, 110, 112, 113, 115, 116, 119, 135.
 Рум (Турция)—10, 25, 26, 28, 33, 74, 89, 108, 128.
- Сагареджо, см. Суграджо.
 Сагьян, сел.—114.
 Садра, мост в районе Шамхора—111.
 Сальян—83.
 Садаклу, сел. в Борчалинском магале—104.
 Самухия—93.
 Сарахе, местность в Хорасане—47.
 Сардар-абад, крепость на юго-запад от Еревана, к северу от Аракса—124, 126.
 Сарыджаллу, местность в Карабаге близ Агдама—49, 50.
 Сары-кнликса, местность в Грузии—130.

Семя-Гамза, мавзолей—142, 143.
 Сисиан (Зангезур), магал—56.
 Согандук, селение к востоку от Тбилиси—80.
 Суграджо (Сагареджо), селение близ реки Иоры—91.
 Султанье—116.
 Сури-даш—47.
 „Сынык-керпю“, так назыв. „Красный мост“ на р. Храме неподалеку от впадения ее в р. Куру—47, 67.
 Тавилейн-шам, местечко вблизи Ахара в южной части Азербайджана—121.
 Талы, селение в Джарской области—86.
 Талыш (Ленкорань)—11, 15, 36, 58, 75—77, 118.
 Талыш (Гюлистан), меликство в Карабаге в нижнем течении реки Тертера—55, 58, 69.
 Тарнакут, близ Шах-будага в среднем течении р. Тертер—55.
 Татев, магал, по р. Базар-чаю—56.
 Таус—6, 121.
 Таус, река—67.
 Тебриз (Дар-ус-салтане)—16, 18, 25, 52, 74, 75, 101, 115, 116, 120, 122, 123, 127, 128, 141, 142, 144, 145.
 Телав—84.
 Тертер—13.
 Тертер-чай, река—55—57, 87, 121.
 Тезран (Дар-ул-хелафе)—12, 19, 75, 128.
 Тифлис (Дар-ус-сурур)—6, 8, 9, 11, 13, 15, 17, 18, 22, 32, 34, 36, 38, 39, 47, 63, 66, 67, 75, 79—81, 84, 85, 90, 91, 94, 95, 99, 101—104, 106, 108—110, 112—114, 119—122, 123, 125, 128—136, 139, 140, 145, 146.
 Туркманчай, сел. в южн. части Азербайджана на пути из Тебриза в Миане—128.
 Турция, см. Рум.
 Тушет (Душети)—80, 81.
 Урмия, город в южн. Азербайджане к западу от средней части озера Урмия—68, 72, 128, 144.
 Урмия, см. Шахи, озеро.
 Уч-килиса (Эчмиадзин)—18, 99—101, 124—126.
 Ушаджыг—56.
 Фарс—71, 75, 76.
 Фетали-хан сенгери, место в Карабаге—69.
 Фит-дагы, гора и крепость вблизи Шемахи—106.
 Франция—26.
 Хабучала, селение в Грузии—94.
 Хаджа-алилу, речка—68.
 Хаджи-тахир-хан (Астрахань)—108, 123.
 Хазина, скала близ Шуши—117.
 Хамсе—48, 54, 55, 57, 61.
 Хач-багы—31.
 Хатув-архи, местечко неподалеку от крепости Шуши—64.
 Хачин—57, 59.
 Ходжа-кияс, селение на пути из Тебриза в Султанье—116.
 Хой (Дар-ус-сафа), город в южн. Азербайджане—74, 126—128.
 Хорасан, область Ирана—8, 45, 51, 52, 76.

- Храм, река—47, 67.
Худааферинский мост, на реке Араксе—47, 56, 67, 68, 115, 123.
Хынзырстан, селение в Карабаге—57.
- Чанакчи (Чанахчи), селение и крепость к югу от Шуши—14, 55, 117.
Чардахлы, сел. в Карабаге—57.
Чары, см. Джар.
Черкес (Черкесия)—67.
Черное море—106.
Чилябюрд (Джераберд, Джермых), мелникство в Карабаге—55.
57—59, 69, 134.
Чугундур, см. Капан-чай.
- Шамседдин (Шамшадиль), магал по р. Шамхор-чаю—67, 85.
Шамкир (Шамхор)—16, 60, 67, 111, 121, 136, 139, 141.
Шамхор-чай, река—120.
Шах-булагы, источник, крепость в среднем течении р. Тертер—
25, 55, 62—64.
Шахи (Урмия), озеро—144.
Шахсеван(ская земля)—75.
Шаки (Нуха)—7, 11, 17, 19, 67, 74, 105, 106, 119, 122, 123, 146.
Шемахи—7, 8, 11, 118.
Шираз (Дар-ул-эльм)—72, 73, 75, 76, 85.
Ширван(ская степь)—7, 17, 19, 29, 51, 54, 58, 65—67, 74, 77, 106.
112, 114, 118, 121—123, 136, 146.
Шорагель (Шурагель), магал к западу от Памбака в долине реки
Цалки, граничил с Ахалцихским лашалыком—10, 15, 109, 119,
139.
Шуша (Панах-абад)—6, 8, 15, 16, 19, 22, 24, 25, 30, 31, 36, 39, 43,
56, 57, 61—64, 70, 76, 77, 79, 86—88, 113, 116—118, 120, 121, 130,
133, 134, 139, 140, 145.
- Эчмиадзин, см. Уч-кнлиса.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Материалы к биографии Мирзы-Адигезаль-бека	6
Предисловие	24
Карабаг-наме.	
Предисловие. Поясняет в каком году написана эта история	44
Глава первая. Повествует об эпохе упадка Ирана, восшествия на трон Надир-шаха и о других происходивших событиях	45
Глава вторая. Повествует о происхождении и о родословной покойного Панах-хана	49
Глава третья. Об основании крепости Баят и о других событиях	53
Глава четвертая. Об основании города Шуши и о войне Мухаммед-Гасан-хана отца Ага Мухаммед-шаха Каджара с покойным Панах-ханом.	61
Глава пятая. Повествует о том, как вали Гюрджистана Иракли-хан коварно пленил ныне покойного Панах-хана, Кязым-хана карадагского, Гейдар-Кули-хана нахчеванского и Шахверди-хана гянджинского	65
Глава шестая. О нашествии правителя Урмии Афшар Фетали-хана на Карабагскую область, о войне на мире, об обмане и уводе Ибрагим-Халил-аги и кончине Панах-хана	68
Глава седьмая. О вступлении (ныне) покойного Ибрагим-хана на пост правителя Карабага. Восшествие на престол государства и события, имевшие место в период его правления	74
Глава восьмая. О втором походе Ага-Мухаммед-шаха, взятии Карабага, о выезде покойного Ибрагим-хана в Белаканы и о всех последних событиях, происходивших с Ага-Мухаммед-шахом	86
Глава девятая. О втором появлении русских войск в этой стороне Кавказа и о событиях, имевших место тогда	89
Глава десятая. Поход князя Цицианова на Иреван, война и победа, возвращение его в отчаянии в связи с невозможностью захватить Иреван	99
Глава одиннадцатая. О заключении мира между сардаром и покойным Ибрагим-ханом и Селим-ханом, и о некоторых других событиях	105
Глава двенадцатая. Повествует о вторичном нарушении кызылбашами (мирного) договора и об их враждебных и злобных действиях против могущественного государства (России)	115
Последняя глава. Биография автора произведения, капитана Мирзы-Адигезаль-бека	130
Указатель собственных имен	148
Указатель географических названий	154

